

Елена Яковлева

БОГ НЕУДАЧНИКОВ

16+

Елена Викторовна Яковлева

Бог неудачников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67927599

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда долгожданное чудо все-таки случается, стоит задуматься, а чудо ли это вообще и чем ты за него заплатишь. Такое открытие ждет начинающего писателя Петра Сапрыкина, автора одного-единственного романа с запутанной судьбой. Терзаемый сомнениями и муками творчества, он уничтожает свою рукопись. А потом неожиданно обретает ее вновь, чтобы, не справившись с искушением, переписать ради публикации. Какие силы стоят за издателем, требующим внести изменения в роман, и предстоит разобраться главному герою.

Елена Яковлева

Бог неудачников

Все имена и события в романе являются вымышленными, а любые совпадения – случайными.

Уж если вошел в одну воду дважды, не надейся выйти таким, как вошел.

Глава I

Он появился ниоткуда, вынырнул из тягостного мартовского марева с хлюпающей слякотью и банной духотой московской подземки. Помню, я был совершенно одуревший от безделья, с трудом представлял себе день и час, знал только месяц и тот приблизительно и по причине последнего гонорара в «Расслабься», валялся на диване, облепленный засохшими хлебными крошками, и тупо пялился в потолок. А тут он – поскребся в дверь, как мышка-норушка, я подумал, что это Славка, который, наконец, выгодно продал родину и теперь намерен отстегнуть причитающуюся мне долю из полученной прибыли. Хотя, если честно, на него это было не похоже, час расплаты он предпочитает оттягивать до последнего. И точно, смотрю: совершенно незнакомая рожа в примодненном пальтеце с повадками главного менеджера из магазина бытовой техники. Вы, спрашивает так вкрадчиво, Сапрыкин Петр Николаевич?

– Во всяком случае, других версий у меня нет, – я сделал вялую попытку заложить ногу за ногу таким образом, чтобы дырка на левом носке не слишком бросалась в глаза. Но так как очень скоро выяснилось, что дело это совершенно бесполезное, решил быть выше дурацких предрассудков.

– Тогда я попал по адресу, – сладостным голосом возвестил менеджер по стиральным машинкам и кивнул на единственно свободный от хлама краешек стула. – Можно присесть?

Я сделал широкий жест, мол, будьте как дома, но слегка не рассчитал и чуть не свалился с дивана.

– Тогда, так надо понимать, это ваше, – он выдержал нарочитую паузу и извлек из лакового портфельчика сильно потрепанную бумажную папку, – творение?

Я уставился на папку, как преступник на последнюю, окончательно припирающую его к стенке неопровержимую улику:

– Откуда это у вас?

– Все очень просто. Досталось мне, так сказать, в наследство. От издательства «Канва». Надеюсь, вы не забыли такое?

Ха, еще бы я позабыл эту занюханную контору под лестницей, которую я некогда с трудом разыскал, потому что на двери даже вывески не было. Только пыльные кипы каких-то пожелтевших накладных в коридоре да грязная поллитровая банка, под завязку набитая окурками, а также, не

иначе из соображений пожарной безопасности заполненная жидкостью, по цвету и запаху сильно смахивающей на мочу. Словом, клоповник еще тот. А посреди него, за липким, как в вокзальной забегаловке, столом, востроносый плюгавенький типчик. Главный редактор собственной персоной. Как же его звали? – Григорий, Григорий... Короче, теперь уже не важно. А тогда я смотрел на него как на Бога. Ведь именно от него зависела судьба моей писанины, моего бессмертного произведения, начинавшегося до приторности помпезно: «Слова – это трупики чувств. Я живу только на вдохе, на выдохе я уже не живу». Да-да, именно так, ни больше, ни меньше...

Кстати, такой же красивенький идиотизм имелся буквально на каждой из трехсот двадцати страниц моего романа, казавшегося мне верхом совершенства, но редактор Григорий – не помню, как его дальше, отнесся к нему благосклонно. Дифирамбов особенных не пел, однако дал понять, что без известной искры здесь не обошлось. А уж когда он выложил издательский договор, по которому мне, кроме всего прочего, причитались пусть небольшие, но, как принято выражаться, реальные деньги, я недрогнувшей рукой подписал подсунутую бумагу, даже не удосужившись прочитать.

А потом было вот что. С гонораром я покончил быстро, потому что на радостях ударился в безудержный кутеж, а роман так и не вышел. По той простой причине, что издательство приказало долго жить еще до истечения срока договора.

Я по этому поводу какое-то время бесновался, пытался чего-то там выяснять, периодически разыскивал Григория – не помню, как его дальше, то и дело вновь и вновь материализовавшегося в очередной занюханной конторе без вывески.

– Да не волнуйтесь вы так, – неизменно излучал он умеренный оптимизм, – напечатаем мы ваш роман. Просто у нас сейчас, как видите, небольшие организационные проблемы, переезд, новые учредители и прочее... Но все постепенно утрясется, вот увидите ... Главное, что вы гонорар получили. Ведь получили же?..

– Н-ну... В общем-то, – последнее мне крыть было нечем, поскольку гонорар я не только получил, но и в сжатые сроки пропил. – Но все-таки хотелось бы...

– Понимаю, понимаю, – перехватывал инициативу сладкоречивый Григорий и ласковым, почти отеческим тоном продолжал, – вам бы хотелось подержать свой роман в руках, показать друзьям и знакомым. Но все это будет, непременно будет, наберитесь только терпения...

Я послушно набирался, до следующего раза, когда Григорий внезапно исчезал, чтобы столь же внезапно всплыть на гребне новой реорганизации, правда, уже значительно менее сладкоречивым. В конце концов, мы, как и следовало ожидать, вдребезги разругались, я отвел душу, покрыв его отборным матом, он ответил мне взаимностью. И только после этого я удосужился прочитать подписанный мной договор, из которого с немалым удивлением узнал, что запродам свой

роман со всеми потрохами аж на целых пять лет. Причем, совершенно непонятно, для каких целей. Ибо издательство в полной мере гарантировало мне лишь выплату гонорара, а вовсе не то, что роман мой однажды выйдет в свет, вследствие чего я, как водится, в одночасье проснусь знаменитым.

А теперь представьте, каково мне было это осознать по прошествии половины прописанного в договоре срока, когда деньги за роман были давным-давно пропиты. За роман, с которым, так получалось, Григорий мог делать все, что ему заблагорассудится, хоть селедку в него заворачивать, только не печатать!

Обнаружив такую подлость, я, конечно же, первым делом напился до чертиков, потом, кое-как протрезвев, попытался навести справки насчет того, что нормальные люди принимают в подобных ситуациях. Оказалось, что нормальные люди в них просто не попадают. Само собой, я впал в депрессию, плавно перетекшую в длительный запой, в процессе которого я, по дошедшим до меня впоследствии сведениям, натворил приличное количество более или менее идиотских поступков. Кстати, в их числе было и едва не закончившееся пожаром ритуальное сожжение злополучной рукописи. Вернее, ее последнего распечатанного на принтере экземпляра, поскольку от электронной версии я избавился еще раньше, во время предыдущей попойки.

Так я уподобился Гоголю. Или Булгаковскому Мастеру, если вам будет угодно. С той разницей, что моя рукопись

сторела, как миленькая. А вместе с нею едва ли не вся моя квартира, чудом уцелевшая, благодаря беспримерной самоотверженности Гандзи, вылетевшей из ванной с ведром воды...

О, Гандзя, Гандзя, вижу ее, как живую. Босую, с распирающими джинсы крепкими бедрами, с вязким взглядом карих малороссийских очей, в которых с подкупающей ясностью читалось: «Девушка я скромная и работающая, но все имеет свою цену». Увы, но сейчас ее прелести и стати так бесконечно далеки от нас со Славкой, что даже слеза прошибает. Потому что теперь их созерцает какой-то английский хмырь с бородавкой на носу. По той простой причине, что его финансовые возможности в космическое количество раз превосходят наши со Славкой вместе взятые.

Впрочем, это сегодня мы можем себе позволить грустить о ней, а ведь еще совсем недавно мы были близки к тому, чтобы вскладчину нанять для нее киллера. Единственное, что ее спасло, – наше вечное безденежье. Однако хватит, хватит о Гандзе, настанет черед я посвящу ей отдельную, исполненную лиризма, главу своего повествования, а пока вернемся в слякотный мартовский день.

Итак, если кто позабыл, напоминаю мизансцену. Я валяюсь на диване, сбоку на краешке стула сидит незнакомец и держит в руках рукопись романа, который я насочинял в далекие теперь уже времена в припадке черной меланхолии.

– ... дело в том, что, не знаю, в курсе ли вы, но издатель-

ство «Канва» пережило несколько реорганизаций и, в конце концов, скажем так, влилось в наше. Может, слышали, «Дор» называется? Таким образом, к нам же перешли все его издательские права. В том числе и на ваш роман, – донеслось до меня словно сквозь толщу лет, прошедших с тех пор, как меня охватил нездоровый писательский зуд.

– А-а, – кивнул я, – теперь понятно. – На самом же деле, я ничегошеньки не понимал. Ну, допустим, у него моя рукопись. И что с того? Я давно поставил на ней крест. Тогда чего ему от меня надо? Уж не собирается ли он истребовать назад выплаченный мне гонорар? Черт, а вдруг такое возможно, ведь договор на издание романа я так и не удосужился прочитать до конца. Хуже того, я и сейчас не могу это сделать, потому что он сгорел вместе с рукописью в том погребальном костре, который в последний момент залила из ведра Гандзя...

– Так вот, – издатель с повадками менеджера по стиральным машинкам снова выдержал многозначительную паузу, – мы бы хотели ваш роман опубликовать.

– Чи-во? – на несколько мгновений у меня перехватило дыхание.

– Ну да, – подтвердил он, не моргнув глазом, – и в этой связи заключить с вами новый договор.

Наверное, мне нужно было как-то обозначить свое отношение к тому, что я услышал, но я не знал, как именно, поэтому ляпнул первое, что пришло в голову:

– А вы его хотя бы читали? Ну, роман...

– Конечно, – поспешность, с которой он отозвался, заставила меня усомниться в его искренности, – и, знаете, мне понравилось... М-м-м... Язык хороший, читается легко... А что вы на меня так смотрите? Что, не верите? – А я действительно читал. Так увлекся, что уснуть не мог. Кха-кха-кха!..

От его смеха, представляющего из себя нечто среднее между надсадным чахоточным кашлем и протяжным стоном, вызванным зубной болью, у меня не то что бы мурашки по коже пробежали, но ощущения возникли не самые приятные. Со временем, правда, я к нему привык, но далось мне это не то чтобы легко. По крайней мере, в тот, первый день нашего знакомства, я невольно вздрагивал, услышав это жуткое «кха-кха-кха». Наверное, поэтому слова, которые он обрамлял своим невероятным смехом, не произвели на меня поначалу особенного впечатления. Это потом я начал раскладывать их по полочкам, но к тому моменту уже много чего произошло.

А тогда я был так удивлен самим фактом его появления в моей берлоге, что был в состоянии только руками развести:

– Честно говоря, я уже позабыл, о чем я там писал. Поэтому... То есть, я думаю, что вы вряд ли на нем заработаете.

– Ну, почему же? – живо возразил он. – Я как раз рассчитываю на обратное.

– Неужели? – я все меньше и меньше понимал происходящее, по причине чего мои реплики раз от разу становились

все лапидарнее.

– В самом деле, – менеджер по стиральным машинкам ни в чем мне не уступал. – Единственно, я бы немного оживил сюжет, так сказать, чуть-чуть потрафил бы вкусам читателя, а он у нас сегодня, к сожалению, далек от идеала. Его утомляют метафоры и аллюзии, ему подавай интимные подробности и прочую клубничку... Но уж какой есть, такой есть... Читателя, как говорится, не выбирают. Выбирают писателя. – И снова душераздирающее кха-кха-кха.

Я уже не знал, что мне и думать. Да и что говорить, если честно. В принципе, все свои резоны я уже привел, опасения высказал... Тем более, если единственный сохранившийся экземпляр рукописи так и так у этого «Дора» (что за дурацкое название!), то от меня ведь все равно ничего не зависит. И слава Богу, а то б я переживал... Хотя, с чего бы, не корову, чай, продаю. И даже не воздух, а то, чего как бы и не существует вовсе. Да и не продаю опять же, а так, принимают факт к сведению. Ну, принял, допустим, а дальше-то что?

А дальше, как оказалось, вот что. Потрясая перед моей физиономией бранными страницами моей же рукописи, тип из издательства предложил мне подписать новый договор, по которому я обязался в достаточно сжатые сроки внести в роман необходимые коррективы. Небольшие, как он меня заверил, попутно и совершенно неожиданно поразив меня неплохим знанием предмета. По крайней мере, благодаря ему, из илистых глубин моей памяти всплыли отдельные

эпизоды моей писанины и Та, смутное чувство вины перед которой Бог знает сколько лет тому назад сподобило меня на подвиг еженощного корпения над пишущей машинкой, а позже – за компьютером.

И сразу – как будто к сердцу грелку приложили – такая волна тепла на меня накатила, что я бы, наверное, напрочь забыл про издателя, не огорошь он меня очередным сюрпризом. Причем, весьма приятным. Речь шла о денешках, причитающихся мне за перелицовку романа. Сумма, которую озвучил мой гость, заставила меня вздрогнуть. Уж слишком велика она была для человека, за полчаса до этого ни о чем таком не помышлявшем. А потому неудивительно, что внешнее самообладание стоило мне поистине титанических усилий. По крайней мере, для того, чтобы скрыть совершенно неконтролируемую глупую улыбку, мне пришлось принять позу роденовского мыслителя, в глубокой задумчивости облапившего собственный рот.

–Ну, так что, по рукам? – не сразу вывел меня из оторопи издатель.

А пока я мучительно обретал дал речи, накинул мне сверху еще и «роялти» – процент от успешной реализации тиража. Последнее предложение, невероятное по фантастичности, позволило мне внутренне воспарить в совсем уж безоблачные высоты, с которых я долго спускался, чтобы дать уже, наконец, своему благодетелю ответ. Разумеется, положительный.

– Пожалуй, я согласен, – я не узнал свой голос, такой он был хриплый.

– Вот и отлично, – обрадовался незнакомец, и перед моим носом возникли три страницы формата А-4.

Я долго вчитывался в договор, вернее, заставлял себя это делать. Но сколько не силился погрузиться в раздел «права и обязанности сторон», мой взгляд упорно с него соскальзывал и концентрировался на приложении, в котором значилась магическая цифра, составляющая коммерческую тайну. В итоге второй договор на роман я подписал примерно так же, как и первый: практически не вникнув в его смысл.

– Это наш экземплярчик, – весело констатировал мой гость и тут же подsunул мне другой. – А это – ваш.

И только после этого до меня дошло главное: как же я буду переписывать свой роман, если его у меня просто нет?!

– Видите ли, – я смущенно кашлянул в кулак, – дело в том, что у меня... Короче, так вышло, что у меня не сохранился текст ... Поэтому не могли бы вы...

– Разумеется, какой разговор! – щедрый благодетель простер свои длани в мою сторону с таким видом, словно собирался заключить меня в свои объятия, а со мной и всю мою конуру со старым диваном, покрытым пылью компьютером, засохшими хлебными крошками и хламом в углах. – По счастью, мы живем в такие времена, когда рукописи не горят.

Откуда он знает, пронеслось у меня в голове, а издатель тем временем добавил:

– Хотя, может быть, это не всегда уж так хорошо ... Впрочем, это точно не ваш случай.

И я снова услышал его фантазмагорический смех, который оборвался так же внезапно, как и возник.

Теперь у издателя был в высшей степени деловой тон.

– Сообщите мне свой электронный адрес, и уже сегодня вы получите текст романа и наши рекомендации относительно его... гм-гм усовершенствования.

– Минутку, – я нашел на столе клочок бумаги и довольно тупой карандаш, которым и нацарапал свой e-мэйл.

Визитер взглянул на мои каракули, тщательно расправил бумажку и аккуратнo, как будто это была какая-то старинная реликвия или завещание Билла Гейтса, положил в свой лаковый портфель. Мне же при расставании он оставил свою визитку, которую я потом долго и внимательно разглядывал. Вот что в ней значилось: «Издательство «Дор». Главный редактор Варфоломеев Кирилл Леонидович»

А уже к вечеру я получил обещанные замечания к рукописи, вместе с самой рукописью, к которой я неожиданно для самого себя припал, как к живительному источнику. Странное дело, но выражение «слова – это трупики чувств» уже не казалось мне таким идиотским, как прежде. Я читал, читал и не мог оторваться. При этом сердце у меня замирало, как в детстве, на качелях-лодочках: боже, неужели это я написал? Я? Я!

Не то чтобы я не узнавал свой собственный текст, про-

сто, теперь, спустя долгие годы забвения, видел его совсем другими глазами. Так я просидел за компьютером до глубокой ночи, а когда закончил, меня долго била нервная дрожь. Помню, я открыл окно, вдохнул шумный, бензиновый уличный воздух и заплакал. Отчего-почему, сказать невозможно, просто плакал и все. На душе у меня было легко и тихо. Я ни о чем не жалел, ни о чем не печалился, наверное, я даже не осознавал, что, если бы моя рукопись не завалилась в пыльных недрах издательства «Канва», я, сжегший свой, последний, экземпляр, так никогда и не узнал бы, насколько она хороша. Или это понимание пришло уже потом? Вместе с воспоминаниями об истории, которая легла в основу моего романа и которая там, в романе, была историей любви, а чем она была в жизни, я и сейчас затрудняюсь ответить.

Глава II

Да, но этом было уже потом. А когда я остался наедине со своим экземпляром договора на роман и визиткой Кирилла из издательства «Дор», меня посетили запоздалые сомнения. С чего бы вдруг на меня такие благодеяния обрушились? Вот так вот, ни с того, ни с сего. Создается впечатление, что, пока я валялся на диване, кто-то решил, будто праздник жизни без моего в нем непосредственного участия уж совсем иссяк и захирел. И тогда главный массовик-затейник решил от скуки задействовать тех, кто прежде от мероприятия отлынивал, в том числе и по уважительным причинам. Окинул всевидящим взором окрестности и сказал себе: «Ба, да это же

Петька Сапрыкин! Рожа у него, конечно, помятая, да к тому же он законченный неудачник, но для разнообразия сгодится».

Дунул, плюнул, и закрутились винтики-шестереночки, сначала медленно, потом быстрее, пришли в движение приводные ремни, а за ними – и весь громоздкий и ржавый механизм. От его шума и лязга пробудились давно впавшие в спячку мои ангелы-хранители, правда, долго потом зевали, потягивались и почесывались. А еще дольше – недоумевали, кому вдруг понадобился их безнадежный подопечный, и в ходе легкой дружеской перебранки, выясняли, кто и при каких обстоятельствах видел меня в последний раз.

Перед глазами встает такая картинка.

– А что, разве он еще жив? – спрашивает самый старший и самый ленивый из приставленных ко мне небесных опекунов, нехотя отряхивая с крыльев пыль.

– А что ему сделается? – чихает в ответ самый молодой. – Валяется себе на диване в драных носках и в ус не дует. А ты тут из-за него напрягайся.

На что средний – добряк-флегматик со вздохом замечает:

– Да ладно, братцы, поимейте совесть. Не так уж много хлопот у нас было с этим беднягой. Можно сказать, совсем никаких. Лежал себе на диване, нас не беспокоил...

– Вот и лежал бы себе дальше, – ворчит старший брюзга, продолжая возиться с изрядно поношенной униформой из перьев.

– Вот именно! – с готовностью подхватывает молодой. – Он же все равно безнадежный, сколько не возись! Вспомните, ведь были же у него шансы? – Были! А он что сделал? – Все до одного профукал!

– Ну да, он, конечно, не боец, чего уж там скрывать. – снова вступает в разговор мой заступник средний, – Но, с другой стороны, будем честны, братцы. Как ни крути, а тут и наша вина имеется. Мы-то с вами, где были, пока он катился по наклонной? Его надо было поддерживать, вселять в него уверенность в собственных силах, да просто тормозить, в конце концов! А мы расслабились, утратили бдительность, пустили все на самотек...

И в этот момент я понял, что мне эта живая картинка напоминает. Профсоюзное собрание в советской конторе средней руки. Ведь мне, как и большинству современных неудачников, посчастливилось не только застать, эту уходящую натуру, но и присутствовать при ее последних судорогах. В тот период я прозябал в институте информации, где жизнь протекала тихо и неспешно, как помой в сточной канаве. До тех пор, пока в глубине не скапливались разрушительные газы и скромное, ни на что не претендующее вместилище нечистот не превращалось в бурную, не знающую преград ниагару.

Как это было в тот раз, когда один из сотрудников, заслуженных и обласканных в меру возможностей нашей сточной канавы, стал оформлять документы для выезда на историческую родину, в апельсиновый Израиль. Именно для то-

го, чтобы предать его коллективной анафеме, и созвали расширенное профсоюзное собрание. На повестке дня стояли два вопроса: отступника и мой (меня подгрести до кучи, а может, «для разогрева», как местных полусамодельных лабухов перед выступлением заезжей рок-звезды). Начали, естественно, с меня.

Моя вина перед общественностью была чисто ритуальной и состояла в невыполнении плана и в бессовестном отлынивании от жизни коллектива. Поэтому журили меня несильно, берегли силы для отступника, который, сидел в первом ряду, свесив на впалую грудь плешивую голову. Когда все претензии в мой адрес были озвучены, слово для подведения промежуточных итогов взяла наш профсоюзный босс – тучная женщина с зычным голосом и отчетливыми усиками над верхней губой.

– Ну что, Сапрыкин, надеюсь, вы все слышали? И что вы собираетесь делать дальше? – поинтересовалась она, буравя меня непримиримым комиссарским взглядом из-под нависших бровей.

И тут я ляпнул первое, что пришло мне на ум, хотя по всем законам логики этому первому следовало быть как раз последним:

– Пойду на железную дорогу, лягу на рельсы и буду ждать опаздывающий поезд Владивосток – Москва.

Минуту в зале висела глухая тишина, потом по рядам общественности пробежали сдавленные смешки, волна кото-

рых докатились и до президиума. Суровые лица восседающих за столом, покрытым красным сукном, смягчились, и еще минуту назад обвинительный тон сменился примирительным. Общественность стала искать соринку в собственном глазу и очень скоро ее нашла, сойдясь в едином мнении, что молодым специалистам – а в те времена я подпадал под эту категорию – следует относиться внимательнее, брать над ними шефство и т. д. После чего мне даже группа поддержки была назначена, состоящая из трех активистов: по одному от партийной, комсомольской и профсоюзной линий.

Ну, а, когда, наконец, очередь дошла до отщепенца, вероломно покидающего отечество, неожиданно оказалось, что прежний запал негодования иссяк. Нет, его, конечно, распекали, но, как мне показалось, больше по обязанности. Такое впечатление, что к заранее приготовленному для него позорному столбу вместо гвоздей по ошибке канцелярские кнопки приложили. Как следствие, он воспрял духом, перестал каяться во всех грехах и пообещал, что сразу же по прибытию на родину предков вступит в компартию Израиля.

Позже, правда, выяснилось, что уехал он на самом деле в Штаты, но к тому времени этот вопрос уже мало кого интересовал. Грянули девяностые, и размеренная жизнь сточной канавы оборвалась. Только не подумайте, что я все еще скорблю о ней. Хотя, не мне вам рассказывать, что во всем есть свои плюсы и минусы. Так вот, к главным плюсам тоталитарной эпохи я отношу то обстоятельство, что тогда я был

молод. И еще неизвестно, на чем бы я сейчас остановился, если б мне пришлось выбирать между молодостью и свободой.

Но стоп... Я опять сползаю в область беспредметных рассуждений и теряю нить повествования. Хоть возьми и вцепись в нее зубами. Никак не могу сконцентрироваться. Тем удивительнее, как моему неожиданному благодетелю из издательства «Дор» удалось внести сумятицу даже в этот сумбур. Ладно, попробую сосредоточиться на том, что у меня в руках. А в руках у меня визитная карточка и договор. Договор... Мне нужно срочно его кому-то показать, вот что! Кому-то, для кого он будет просто документом, фиксирующим права и обязанности сторон, а не благой вестью о грядущих светлых переменах.

Славка, пронеслось у меня в мозгу, вот, кто мне поможет! Если, конечно, он дома. А он должен быть дома, поскольку просочиться в дверную скважину Кирилл из «Дора» не мог, хотя, кто его знает... С этой мыслью я вышел в коридор и распахнул соседнюю

–А, это ты? – кивнул мне затылком Славка, как обычно торчащий за компьютером.

В этом месте, чтобы вам было понятней природа наших со Славкой отношений, отвлекусь на короткий рассказ о нем. Итак, Славка – мой квартирант, я сдаю ему одну из двух своих комнат. Славка обретается у меня уже шесть лет. Он физик и, судя по его собственным заявлениям, сделал какое-то

открытие, которое он пытается повыгодней продать, но пока не очень-то в этом преуспел, и в ожидании лучших времен работает где придется.

Сначала мы плохо с ним ладили, тем более что он всегда задерживает квартплату. Возможно, я бы его выставил, не случись в нашей жизни Гандзя, та самая, которой я обещал посвятить отдельную главу, но позже, сейчас не до нее... Именно благодаря ей, наши со Славкой отношения вышли за рамки тех, что подразумеваются между квартирантом и арендодателем. Ибо ничто так не сближает, как общая беда и общая женщина. А в нашем со Славкой случае это было практически одно и то же. Какие драматические минуты пережили мы по ее милости! Это теперь, засидевшись допоздна на кухне, мы можем по этому поводу хохмить и называть себя молочными братьями, а тогда нам было совсем не до шуток...

– Славка, – завел я разговор издалека, – ты платить собираешься?

– Собираюсь, – не оборачиваясь, отозвался мой квартирант, – через пару дней. Нужно срочно добить одну халтуру.

– Ну да, – пробурчал я с притворным недовольством и подсунул ему свой договор. – Что ты про это скажешь?

Славка оторвался от монитора, с ошеломительной для меня скоростью просмотрел заветные листки и взглянул наконец, на меня:

– И после этого ты еще требуешь с меня какие-то несчаст-

ные копейки?

Мне сразу полегчало. Значит, мне ничего не примерещилось, и договор настоящий.

Тем временем Славка деловито осведомился:

– А ты уже выполнил первое условие?

– Какое условие? – я снова напрягся.

– Ну, тут написано, что аванс будет тебе выплачен после того, как ты внесешь коррективы в текст рукописи. И срок тебе на это дело – месяц.

– А-а... – протянул я. Тут только до меня дошло, что заво-роженный масштабом причитающегося мне гонорара, я совершенно выпустил из внимания, когда я его получу.

– Оставшаяся часть суммы распределяется следующим образом, – просвещал меня Славка, – одну половину тебе выдадут после подписания рукописи в печать, другую – когда тираж поступит в продажу. А еще в случае его успешной реализации, тебе полагаются проценты... Слушай, а что ты такое написал? Почитать хоть дай!

Я только отмахнулся от Славки, забрал у него договор и вернулся к себе. Чувство, которое меня переполняло, не поддавалось описанию. Ну вот, сказал я себе, свершилось. Значит, мне все-таки удалось! Причем с первой попытки, пусть и отложенной на долгие годы. Ведь, как ни крути, а этот самый роман был единственным моим завершенным произведением. Это не значит, что после него я больше не ставил литературных опытов, но ни один из них не сподобился до-

вести до логического конца.

Как правило, это происходило так. Доведенный бездельем и дефицитом общения до состояния, близкого к трансу, я вдруг прозревал, и мне являлся Сюжет! Изящный, почти воздушный, наполненный неожиданными поворотами и тончайшими нюансами, вплоть до звуков и запахов. В такие минуты я почти осязал его, уже заключенным в переплет и зашифрованным в страницы, шорох которых приводил меня в экстаз.

Как строевой конь накануне похода я прядал ушами и вбирал ноздрями полынную свежесть грядущего рассвета. Меня била дрожь, щеки мои пылали, а руки были холодны, как лед. Я метался по комнате, словно одержимый, ломая пальцы и кусая губы, мысленно выстраивал сюжетные линии, сплетавшиеся в искусную вязь, и говорил себе: вот оно! Наконец-то! Значит, не зря я томился и маялся, не зря с корнем вырвал себя из реальности и похоронил заживо в зыбучих песках забвения. Теперь я буду за это вознагражден сполна. Я увижу свое имя на обложке, прочту восторженные рецензии, а, главное, выйду из своего многолетнего заточения с высоко поднятой головой, вдохну полной грудью грешный воздух свободы и скажу: «Да, это я. Тот, кого вы так долго ждали». В таком настроении эйфории проходили обычно вечер и ночь, а утром я просыпался злой, как черт, с совершенно ясным осознанием безрадостного факта: мой Сюжет – не более чем очередная легковесная пустышка.

И все начиналось по новой. Я опять зависал, как компьютер, до следующего раза. Пока где-нибудь в булочной на ум мне не приходила гениальная фраза, и я, наплевав на голод, несясь домой, чтоб ее записать. Боясь позабыть, я повторял ее дорогой, будто заклинание, и встречные прохожие шаркались от меня, как от маньяка, но стоило ей оказаться на бумаге, она бессовестно утрачивала не только гениальность, но даже и смысл, превращаясь в пустой набор слов.

В последнее время я даже стал ловить себя на мысли, что это мне наказание такое за грехи, причем изощренное, – под названием муки творчества. А как же еще расценить состояние, в котором я денно и нощно пребывал? Мне словно бы кто-то на ухо нашептывал: пиши, пиши, ты должен, ты обязан! Да черт бы с ним, клянусь, я бы писал, писал, если бы только он сказал мне ЧТО!!! Я бы честно тыкал пальцами в черные квадратики с белыми буквами, не подымая головы, забывая про сон и еду, или даже водил бы гусиным пером по бумаге – пожалуйста, сколько угодно, но прежде дайте, дайте же мне Сюжет! Дайте же мне его наконец! А этот неведомый Кто-то как будто издевается, дразнит, манит, зовет. Будто то, что мне так необходимо, то, без чего мне не жить, где-то рядом, совсем близко, достаточно руку протянуть...

Потом меня осеняла другая блажь. Нечего ждать Сюжет, говорил я себе, нужно писать, писать и писать, и тогда однажды он сам выступит вперед сквозь плотные шеренги слов. После чего я впаду в транс, и на меня снизойдет заветная

моцартовская легкость: мои пальцы будут порхать по клавиатуре, как бабочки над цветами, и без усталости собирать нектар вдохновения. Однако и этот номер ни разу у меня не проходил. Я честно сидел за компом часов пять-шесть кряду, методично выстукивая одно и то же: «пиши, скотина, пиши...», затем вскакивал и с истерическим хохотом устремлялся вон из дома. Когда к своему давнему приятелю Сереге (знакомство с ним ждет вас впереди), чтобы в очередной раз довести до его сведения, что я полное дерьмо, а когда просто так – пошляться по округе. При этом напиться до невменяемого состояния предполагалось как в первом, так и во втором случае.

Кстати, от этого сценария я отклонился только единожды. А было так. Мне пришло на ум писать кровью. Правда, резать себе вены я побоялся, а потому колот пальцы иголкой, но крови было мало, приходилось выдавливать, так что, в конце концов, я на эту затею плюнул. Зато потом исколотые иголкой пальцы были моим оправданием перед самим собой и Тем, кто постоянно капал мне на мозги своим «пиши-пиши», еще несколько дней. Я творчески провел их на диване, меланхолично раздумывая на ту же тему, что и на профсоюзном собрании во времена моей тоталитарной молодости. Не отправиться ли мне к ближайшей железной дороге, чтобы подложить там под поезд свои верхние конечности. Ведь избавившись от них, я бы заодно избавился и от своей навязчивой (или навязанной?) идеи. Как писать, если нечем?!

Вот то-то же! Теоретически, конечно, можно кому-нибудь диктовать, но тут у меня было бы стопроцентное алиби, потому как, кто бы согласился бесплатно фиксировать адовы муки моего творчества? Одно меня удержало: жить без рук не очень-то удобно. К примеру, как ширинку расстегивать, да и все остальное?..

Ну вот, теперь вы знаете, что я пережил до того, как на мой электронный почтовый ящик пришел текст моего романа и предложения по его улучшению. Впрочем, про первое вам было уже известно и про то, как я рыдал, когда прочитал написанное мною много лет назад, тоже. А вот про предложения, как «потрафить невзыскательным вкусам читателя», пока еще нет. А потрафить им я должен был при помощи описания любовных сцен, которых, по мнению издателя, в романе недоставало. Еще в нем не хватало динамики, именно так выразился Кирилл, настоятельно рекомендовавший отказаться от философских отступлений в пользу диалогов и «действия как такового».

Мало-помалу до меня мучительно доходило, что мне предстояло чуть ли не заново переписать весь роман, переписать и перелицевать. И только после этого я смогу рассчитывать на аванс. Вот тебе и благодеяние. А тут еще время поджимает. Управлюсь ли я за месяц? И способен ли я вообще на такие подвиги после долгого лежания на диване? Эйфория, в которой я пребывал последние несколько часов, постепенно сменялась унынием, переходящим в отчаяние. Я

упал на диван и провалился в тяжелый сон.

Глава III

– Писать нужно только тогда, когда не можешь не писать», – любит говаривать мой приятель Серега Бобылев, сочиняющий женские романы под псевдонимом Анна Дремова.

– А если не можешь писать и не писать тоже не можешь? – Обычно отвечаю я с едкой ухмылкой, после чего мы с ним натужно гогочем.

Затем, как водится, переходим к возлияниям, интенсивность и продолжительность которых целиком и полностью зависит от Серegiной щедрости, потому что его гонорары с моими не сравнить. Ведь он стряпает в среднем по одной книжке в два месяца, и это для него не предел. Если б не пил, успевал бы и больше, хотя, с другой стороны, при такой работенке кто угодно сопьется. Слышали бы вы, какими словами он кроет своих издателей, изрядно приняв на грудь. Не меньше достается и читателям.

– Господи, – разрывает он мне сердце своими причитаниями, – и когда эта бодяга у них из ушей ползет? Я бы тогда что-нибудь посерьезней написал.

– А кто тебе сейчас мешает? – дежурно вопрошаю я, заранее зная Серегин ответ. – Бери да пиши.

– Когда? – закатывает глаза Серега. – Это гребаное чтиво у меня все силы забирает!

– Так брось его, – раздражаюсь я псевдодружеским сове-

том, – и займись главным.

– Да, а что я буду кушать? – ни одной минуты не задумывается Серега. – Пока не рожу роман века?

Я дергаю плечом:

– Так ты же у нас писучий, наверняка быстро справишься...

– Так это смотря что писать, – Серега придирчиво изучает содержимое своей рюмки, и это выглядит странно на фоне творящегося вокруг него бардака, – если «Войну и мир», это одно дело, а если вечные истины для водопроводчиков, – другое.

– А чем тебе водопроводчики не угодили? – подзуживаю я Серегу. Причем делаю это намеренно, поскольку досконально знаю все большие Серегины мозоли. – Тоже люди. Не хуже твоих озабоченных домохозяек.

Серега традиционно заводится с пол-оборота:

– Ни фига! Знаешь, какая между нами разница? Я, по крайней мере, не заставляю своих, как ты выражаешься, озабоченных домохозяек думать, что пичкаю их высокоинтеллектуальным продуктом! Я честно говорю: то, что я леплю, всего лишь дешевое чтиво и не более того. Не нравится, пойдите и купите себе что-нибудь получше. А эти юные выскочки... Они внушают, что их творения – пропуск в мир интеллектуалов, а на самом деле это сто раз пережеванные и пропущенные сквозь пищеварительный тракт банальности. Вот, что это такое!

– Красиво излагаешь! – хвалю я Серегино красноречие. – А главное, как нестандартно! Особенно про банальности. Хотя, если честно, то я раньше думал, что выходящая из пищеварительного тракта в конечном итоге м-м-м субстанция называется несколько иначе. – И незаметно для себя самого вхожу в раж не хуже Сереги, потому что больные мозоли у нас с ним одни и те же. – Только с чего ты взял, что водопроводчикам нужна твоя хваленая честность? Насколько я понимаю, эта ситуация их вполне устраивает.

К этому моменту Серега, как правило, успевает махнуть рюмку-другую, а потому закипает:

– Ой, да кто их спрашивал? А то ты не знаешь, что за них все издатели решают, которым главное сбыть свой товар. Вот они и наклеивают этикетки: этот роман вы ждали последние десять лет! А этот – чуть ли не всю свою жизнь! Тьфу на вас! И вот читатели все, как один, побежали – покупать роман, который они, оказывается, так ждали, просто не догадывались об этом, пока им доходчиво не объяснили. С каждого столба! А не объяснили бы, они, бедные, так и прождали бы зазря. Вот и скажи мне после этого, что бы сейчас с Толстым было? Заметил бы его кто-нибудь, или нет?

Для солидности я беру минуту на раздумье, хотя ответ на этот вопрос у меня всегда наготове, после чего глубокомысленно качаю головой:

– Сомневаюсь. По нынешним временам его романы – не формат.

Ну, и так далее, и тому подобное... Кстати, заканчиваются такие наши дискуссии тоже вполне стандартно: дежурным выводом о том, что, поскольку пустой и бессмысленный постмодернизм трансформировался в еще более пустой и бессмысленный постпостмодернизм, великой русской литературе пришли окончательные кранты. После чего мы обычно переходим на темы более приземленные, как то: женщины и деньги. Точнее, деньги и женщины. Ибо второе со всей неотвратимой для Сереги очевидностью вытекает из первого.

И зависимость эта для него тем мучительнее, чем сам Серега озабоченней. А такое с ним периодически случается. Как, впрочем, и со мной. С той разницей, что я делаю все возможное, чтобы это обстоятельство не очень бросалось глаза, так же, как и мои рваные носки. Ну а Серега, когда на него наезжает, любой разговор переводит на секс и все, что с ним связано. А при особо тяжело протекающих рецидивах даже предпринимает попытки жениться, и подобное на моей памяти было, по крайней мере, дважды.

Ах, видели б вы, как он носился с этой идеей! Прежде, чем наметить конкретную кандидатуру, разрабатывал подробный и весьма экзотический план будущего с ней совместного проживания, включающий, к примеру, твердое намерение «в пакете с женой» обзавестись породистой собакой-сукой, которая ежегодно приносила бы помет щенят. Я, хотя и советчик из меня в матримониальных делах доволь-

но аховый, осторожно давал Сереге понять, что лучше б ему означенный пункт из программы вычеркнуть, но он и слушать меня не хотел. В богатом Серегином писательском воображении (может быть, еще более богатом, чем у меня), как заноза, засела лубочная картинка, на которой счастливо застыли, обнявшись, он, его супруга и породистая псина со своими щенками. Стоит ли уточнять, что из этой затеи ничего не получилось?

В другой раз события развивались, на первый взгляд, по более благоприятному сценарию. Во всяком случае, у Сереги уже имелась реальная претендентка на вечно вакантную должность его жены, откуда-то с периферии, которая была согласна на все его условия, вплоть до собаки, но тут он сам дал слабинку, причем в самый решающий момент. Когда настала пора подать ей ясный и недвусмысленный сигнал выдвигаться, Серега, вместо того взял и прервал с ней всякую связь на длительное время. Как он потом объяснял, тому имелось множество причин. Проблемы, дескать, навалились, неприятности в издательстве... Короче, по его словам, «тогда ему было ни до чего». Ну, а потом уже и претендентка стала менее сговорчивой и, в свою очередь, выставила Сереге условия.

Да, но к чему я все это?.. Ах, да, это все иллюстрация не столько к Серегиному бытию, сколько к нашей с ним манере общения. К тому, о чем мы обычно болтаем, когда нам осточертевает наша бесплодная околотелитературная полеми-

ка. Впрочем, чуть не забыл, есть у него еще одна заморочка, которой он меня донимает с завидной регулярностью. Это – его безумное желание поднать меня в качестве литературного негра в очередной свой писательский прожект под условным названием «Мечь кроликов». Про то, как лабораторные животные взбунтовались против тех, кто ставит на них опыты, и поменялись с ними местами.

И напрасно я его убеждаю, что такое уже было-перебыло, Серега твердит свое:

– Плевать! Главное засветиться в жанре фэнтези, а то эти бабские сопли уже надоели.

– Ну, так переквалифицируйся!

– Сразу не получится, – мотает головой Серега, – сначала все нужно делать параллельно, а у меня сил не хватит. Ну что ты упираешься? Все сюжетные линии я распишу, ты, главное, гони текст, хоть и самый дубовый. Какое-никакое имя у меня есть – напечатают, а там, глядишь, раскрутимся. – И, конечно же, приводит убийственный аргумент. – Да что тебе, в конце концов, деньги не нужны?!

Однако тут я проявляю обычно не свойственную мне твердость и решительно отказываюсь штурмовать золотые горы под мудрым Серегиним руководством. Просто я не верю, что два закоренелых неудачника с большими амбициями, каковыми мы с ним являемся, способны сделать совместно хоть что-нибудь, не вцепившись при этом друг другу в глотку. Не так уж много у меня друзей, чтобы терять их из-

за призрачной надежды заработать пару лишних, не делающих погоды тысяч.

Ну, так вот, всего этого сегодня мне удалось счастливо избежать. Исключительно благодаря вчерашнему явлению мне издателя с повадками менеджера по стиральным машинкам, о котором я и поставил в известность своего приятеля сразу же после того, как мы перемыли косточки проповедникам «вечных истин для водопроводчиков».

Сергея выслушал мой рассказ с неподдельным вниманием и даже несколько раз перебивал, уточняя детали:

– Какое-какое, говоришь, издательство? «Дор»? Не слышал. Наверное, новое...

А особо его поразила история с дополнительным гонораром.

– Ничего себе! – присвистнул он. – Надеюсь, ты не отказался? А то знаю я тебя, гордеца!

– Да нет, не отказался, – поспешил я развеять его опасения. – Меня, правда, одно обстоятельство смущает... Он просил меня внести кое-какие поправки в текст...

– Существенные? – встрепнулся Серега.

Я замялся, и было от чего:

– Да как тебе сказать... Содержание его как будто устраивает. Есть кое-какие замечания по форме...

– Ну, так и флаг тебе в руки. Давай дерзай! – Благословил меня Серега, после чего в задумчивости поскреб колючий подбородок. – А вообще это какая-то удивительная история.

Ну, допустим, права на рукопись перешли от одного издателя к другому, это я еще понимаю... Но тут все сроки прошли, а с ними и обязательства... Тем более, ты не претендовал. В первый раз про такое слышу, а уж я в этих делах, ты знаешь, мало-мало разбираюсь...

Да, уж, в чем-чем, а в последнем с Серегой не поспоришь. Ведь только в Татьянах Дремовых он уже лет пять, еще столько же, если не больше, пробыл в Еленах Ивашовых и поначалу весьма в них преуспел, но пал жертвой собственной алчности. Затребовал от издательства удвоенных гонораров, а когда ему отказали, пригрозил, что уйдет. В итоге ушли Серегу, да еще как изящно!

Оказалось, свой первый договор он, не хуже меня, умудрился подмахнуть, не читая, а в нем, помимо всего прочего, было прописано, что права на его замечательный псевдоним принадлежат вовсе даже не Сереге, а издательству. Поэтому вместо вожаденных денежек он получил безжалостный пинок под зад. С тех пор Серега – Анна Дремова, и его романы выходят в другом издательстве, а Елена Ивашова осталась в прежнем, и какой-то другой умелец (а может, и целая бригада умельцев) выпекает от ее имени нетленку, про то, как «его мускулистое тело угадывалось под одеждой от лучших кутюрье».

Ох, лучше б я про это не вспоминал! Ведь, похоже, чего-то в том же духе ждал от меня и мой новый издатель! Больше диалогов и любовных сцен. Легко сказать!

– Слушай, Серега, – смущенно кашлянул я в кулак, – я, собственно, собирался с тобой посоветоваться... Дело в том, что издатель, как он выражается, хочет потрафить невзыскательным вкусам читателя, а потому просит меня вставить в роман пару-тройку любовных сцен. А я в этом как-то не силен... В смысле их описания...

– Погоди, – Серега одарил меня долгим, внимательным взором, – так что, у тебя в романе любви нет?

– Почему нет? – нервно возразил я. – Конечно, есть.

– Так что она, платоническая? – Серега меня убивал.

– Почему платоническая? – я начал тихо злиться. – Нормальная любовь. И даже вполне традиционная. И вообще, зря я завел этот разговор, ни к чему...

– Постой-постой, – перебил меня Серега, который вдруг сделался необычайно серьезным. – Так ты что, хочешь сказать, что написал что-то действительно стоящее?

– Ну, не знаю, не знаю, – не поверите, но я чувствовал себя почти предателем.

– А когда ты его написал, свой роман? Почему я про это ничего не знал? – продолжал осыпать меня ревнивыми вопросами Серега.

– Так это ж было давно, уже и не вспомню когда. – Я словно перед ним оправдывался. – сразу его не напечатали, а теперь вдруг объявился новый издатель...

– Да-да, ты говорил. – пробормотал Серега, до которого, похоже, только-только дошло, какие удивительные метамор-

фозы произошли в моей унылой жизни, и обреченно добавил. – Значит, у тебя все-таки получилось... Да, вот так оно и бывает. Написал, забыл и вдруг...

– Да, все именно так. Написал, забыл и вдруг... – эхом подхватил я, а про то, что я еще к тому же и рукопись спалил, из скромности умолчал. На бедном Сереге и так лица не было.

– Ну да, ну да, – мой приятель совершенно померк, – наверное, ты это заслужил. Хотя бы тем, что не занимался этой подлой поденщиной. А мне теперь, чтобы написать хоть что-нибудь стоящее, еще долго придется литературные шлаки выводить... Эх, сколько ж их за все годы накопилось!..

Вот уж чего никогда не мог предположить, так это того, что мне придется когда-нибудь Серегу утешать. Все-таки на моем беспросветном фоне он всегда был в значительно более выигрышном положении. Собственно, и к неудачникам я его, если честно, с некоторым натягом относил. Так, скорее, за компанию.

– Перестань, Серега, ты же прекрасно знаешь, что все зависит только от тебя. Выберешь время – и не такое напишешь.

– Думаешь? – Серега обеими руками ухватился за мою соломинку.

– Уверен, – не моргнул я глазом.

Сереге немного помолчал, а потом махнул рукой:

– Да ладно тебе, Сапрыкин. Оно, конечно, хотелось бы в

живые классики попасть, а, с другой стороны, ведь все давно написано до нас. Лев Толстой, Достоевский, Чехов и прочие в свое время изрядно потрудились. А мы-то куда намылились? Со свиным рылом в калашный ряд.

Очередной резкий поворот в Серегинем настроении меня снова озадачил, но скоро выяснилось, куда он клонит.

– И какой отсюда вывод? – торжественно провозгласил Серега. – А такой, что писать надо исключительно ради денег. Тем более что тот же Достоевский именно так и делал. Поэтому настоящий писатель ничем не должен гнушаться. И ты, Сапрыкин, не должен гнушаться описания любовных сцен! А то, что получается? У нашего читателя нет выбора: либо чтиво, либо что-нибудь интеллектуальное без сюжета. Мы, писатели, не даем людям катарсиса. А человек создан для катарсиса, как птица для полета! Так выпьем же за это!

Серегу поднял свою рюмку, я, совершенно ошарашенный его красноречием, – тоже. Мы молча выпили и молча же закусили. Я все еще жевал, когда Серега поинтересовался у меня самым задушевным тоном:

– Так ты говоришь, у тебя с любовными сценами проблемы?

Я поперхнулся.

– Может, это потому, что у тебя давно практики не было?

Я закашлялся.

– Ну, я имею в виду такой, чтобы не просто так, а с чувствами.

– Ты что издеваешься? – взревел я.

– А ты что, только догадался? – заржал Серега. – Классик ты наш новоявленный!

Кровь прилила у меня к голове, я сжал кулаки, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если б Серега не рухнул на пол. Со всего размаху и без всякого моего содействия. Да он же пьяный, как скотина, нашло на меня запоздалое озарение. Пришлось тащить его на кровать и заботливо укладывать, вместо того, чтобы от души навалить ему по мордасам. Завтра-то он, поди, от всего отрещиваться будет. Скажет: чего по пьяной лавке не сболтнешь. Ладно, пусть живет!

Я накрыл его одеялом и потащился домой. Пока ехал в метро, думал сначала о том, что сам виноват: нельзя давать ближнему повода для зависти, так что поделом мне. Затем мои мысли мало-помалу перескочили на другое. Как он там завернул насчет практики с чувствами? Пьяный-пьяный, а попал в точку. Так когда это было в последний раз? А в последний раз это было с Настей. Молодой, красивой и задорной Настей, о которой я стараюсь вспоминать как можно реже. Не потому что больно, не потому что сердце рвется. Просто этого не объяснишь и все. В прежние времена я бы себя, наверное, извел под корень, придумывая подходящую формулировку. Теперь не то, теперь я решил для себя: есть вещи, которые не поддаются определению, а раз так, то зачем мучить себя его изматывающими, заведомо обреченными на неудачу поисками.

Глава IV

Я проснулся с ощущением чьего-то пристального взгляда. Причем чувствовал я его затылком, поскольку спал, как всегда, лицом к диванной спинке. Не меняя положения, попытался сообразить, кто бы это мог быть. Если Славка, то почему молчит? Ни звука, только едва уловимое колебание воздуха от тихого дыхания за спиной.

На ум поневоле пришла Гандзя. Еще относительно недавно так же бесшумно она пробиралась по утрам в мою постель, выпрыгнув перед этим из Славкиной. Ныряла под одеяло и верным перебором коротких горячих пальчиков молниеносно нащупывала мои «болевы́е точки». Я поворачивался и принимал ее, еще пахнущую Славкой, в свои объятия, по какой-то непонятной мне и поныне причине упорно стараясь на нее не смотреть... И все бы ничего, если б через несколько месяцев такой более чем устраивающей всех жизни, Гандзя вдруг не потребовала, чтобы кто-то из нас двоих – я или Славка – на ней женился. Кстати, тот факт, что выбор она оставляла за нами, только подчеркивал широту Гандзиной натуры.

Понятно, что подобная постановка вопроса привела нас с несчастным физиком в состояние, близкое к паническому. Мы вели себя, как маленькие дети в песочнице, у которых дворовый хулиган тремя годами старше взял и отнял любимую игрушку. Почему, за что? Ведь так хорошо все было, и – нате вам: идиллия рухнула. Впрочем, поначалу мы еще

хорохорились, зывали к природному Гандзиному благоразумию, наперебой убеждая ее в том, что мечтать о таких мужьях, как мы, могут одни лишь полоумные. Тоже мне, завидная партия: один – неудавшийся ученый, другой – неудавшийся писатель.

Однако Гандзя не только решительно отвергала все наши доводы, но и в порядке подкрепления явила на авансцену событий своего полтавского односельчанина, крепкого усатого дядьку, который работал участковым в Южном Бутове. В тот свой визит дядька-участковый внимательно оглядел на нас со Славкой с ног до головы, и под его суровым взглядом мы вытянулись в струнку, как голые новобранцы перед призывной комиссией.

Так и не произнеся ни слова, дядька с достоинством удалился, оставив нас перед мрачной, как бездна, перспективой. Мы отчетливо осознавали, что за Гандзиной дверью обсуждается план нашего уличения в совместном соблазнении бедной украинской девушки. И это притом что бедная девушка была не только вполне себе совершеннолетней и опытной, но и, судя по нашим веселым «утренникам», очень даже изощренной. На чем, собственно, мы со Славкой и собирались строить свою защиту, когда, с грехом пополам преодолев первый ступор, принялись разрабатывать меры противодействия нависшей над нами со всею неотвратимостью угрозы.

– А чего б на ней Прокофьичу не жениться! – неожиданно

выдал Славка. – Она и к нему ходила!

Я крикнул и уставился на Славку с недоверием. Живший в соседней квартире Прокофьич был тихим беззлобным выпивохой, почти незаметным и никому не причиняющим неудобств, к тому же пенсионером.

– Сам видел, как она от него выползала! – и глазом не моргнул Славка.

– Ну и что, может, она у него полы мыла? – слабо возразил я.

– Так она и у нас полы мыла. – Цинично хмыкнул Славка. – Одно другому не мешает.

И то верно. С того дня, как Гандзя поселилась в нашем подъезде, к ее помощи по хозяйству прибегали не только мы. Девка она и в самом деле была шустрая и работающая, просто невероятно, с какой скоростью и сноровкой она чистила картошку, надраивала кастрюли и места общего пользования! И все это с шуткой-прибауткой, как будто между прочим. Да к тому же еще после основной работы, а трудилась она поварихой в какой-то закусочной, откуда, несмотря на рачительные рыночные времена, сумками таскала продукты, которыми запросто с нами делилась. Перепало нам, как вам уже известно, и от других Гандзиных щедрот, и, кто знает, может, мы поминали бы ее в молитвах до конца своих дней, не распространи она на нас неожиданные матримониальные устремления.

Думайте себе что хотите, и считайте нас законченными

подлецами, если вам будет угодно, но тогда мы со Славкой с перепугу и впрямь рассматривали вероятность пристроить Гандзю Прокофьичу. На самый крайний случай. Который нам, по счастью, не представился. Потому что Гандзе совершенно внезапно, где и при каких обстоятельствах, история умалчивает, подвернулся очень пожилой британец с бородавкой на носу, которого мы со Славкой заочно полюбили, как родного. Еще бы, ведь он спас нас от Гандзи! Да мы бы его расцеловали, если б могли лицезреть самолично.

А уж как мы прощались с Гандзей! Чуть было слезу на радостях не пустили! Да и она растрогалась, называла нас «дорогими мальчиками» и обещала прислать нам приглашение в гости, как только обоснуется на новом месте обитания. Ну вот, теперь вы знаете, какие воспоминания вызвали у меня ощущение чьего-то взгляда в районе правой лопатки и тихое дыхание за спиной! Неужто Гандзя покинула британца и вернулась к нам со Славкой, ужаснулся я, понимая, что второго ее пришествия мы не переживем.

Я решительно обернулся и... увидел маленькую собачонку, свернувшуюся калачиком у меня под боком. Та, встревоженная моим резким движением, приподняла голову и посмотрела на меня глазами ягненка.

– Псина?.. – Я опешил. – Как ты здесь очутилась?

Собачонка привстала на лапах и мелко задрожала, по-видимому, испугавшись, моего громкого окрика.

Мне стало совестно.

– А, понял, – шлепнул я себя ладонью по лбу, – ночью ты просто за мной притащилась, а я не заметил... А вроде, не такой и пьяный был...

Вероятно, сочтя мой тон достаточно миролюбивым, психона заняла исходную позицию и снова умиротворенно засопела. Да уж, ситуация, ничего скажешь! Обнаружить с утра в собственной постели собаку – из разряда нарочно не придумаешь! Утешает только одно: окажись на ее месте Гандзя, эффект был бы еще ужаснее.

Я рухнул на спину рядом с собачонкой и начал рассуждать слух:

– Нет, но почему она привязалась именно ко мне? Ведь в доме полно народу! А теперь я как последний злыдень буду вынужден ее вышвырнуть! И это мне благодарность за то, что я не наступил на нее ночью впотьмах!

Затем я адресовал свое красноречие непосредственной виновнице моего утреннего шока:

– Тебе что, молчишь, сопишь... Сказала бы хоть, хозяйева у тебя есть?

Словно почувствовав недоброе, собачонка тихо заскулила.

Тут меня посетило озарение – проверить, нет ли на ней ошейника. Но, как я скоро убедился, эта примета собачьей обустроенности, в данном случае начисто отсутствовала.

– Ясно, – процедил я сквозь зуб, – ты – бомжиха, психона, – и добавил со вздохом, – впрочем, кто еще мог ко мне при-

блудиться?

Заметьте, я сразу стал обращаться к ней в женском роде, хотя ее гендерная принадлежность в тот момент интересовала меня в последнюю очередь. Это уж потом выяснилось, что я попал в точку.

Еще несколько минут прошли в гнетущей тишине, если не считать мирного собачьего посапывания, после чего я все-таки нехотя слез с дивана. Пора было начинать новый день, хотя, признаюсь вам по секрету, я бы предпочел, чтобы старый длился без конца. Ведь это он принес мне благую весть о том, что я написал настоящий роман. А в том, что новый подарит мне что-нибудь подобное, у меня уверенности не было. Вот она сущность человеческая: стоит нам получить мало-мальский подарок от судьбы, мы, вместо того, чтобы тихо радоваться и посылать хвалы небесам, начинаем ждать очередных подношений, причем чуть ли не поминутно. К тому же – с неистовым нетерпением и одержимой убежденностью в том, что нам и впрямь за какие-то заслуги что-то там еще причитается. А тот, первый, может, и скромный, дар быстро утрачивает для нас какую-либо ценность и превращается в нечто само собой разумеющееся. Увы, это в природе двуногих, не ведающих в своей убогой скаредности, что далеко не все, доставшееся им без особых усилий, ничего не стоит.

Вот, о чем размышлял я тем сереньким мартовским утром, нащупывая ступнями растоптанные тапки у дивана. Следующей моей мыслью было: а вдруг эта псина, что про-

никла ко мне под покровом ночи и теперь беспардонно разлеглась поверх моего одеяла, и есть то самое новое подношение, на которое я, как и все прочие мелочные и тщеславные человечки, втайне рассчитывал? В таком случае, оно сколь оригинальное, столь и обременительное. Как мне им распорядиться, прикажете? Выбросить – рука не налегает, но что делать, если и все прочие подарки судьбы, предназначенные мне, будут того же порядка?

Я все еще был на одной ноге, к тому же левой, в то время как правая продолжала шарить по полу в поисках куда-то задевавшегося тапка, когда в кармане моих висящих на стуле штанов заголосил мобильник. Примерившись, я принял позу малороссийского колодезного журавля и со старческим кряхтением дотянулся до телефона. В трубке тут же возник высокий ворчливый голос, который я узнал бы из тысячи. Звонила моя давнишняя мучительница из «Расслабься» – шеф-редактор Наталья Кокорина, дама позднего балзаковского возраста. Именно она, с тех пор, как я подвизался в этом глянцево-журнальчике, успела стать моим ночным кошмаром номер два, сразу после Гандзи.

И это притом что и с ней у нас все начиналось достаточно благостно, и мои надерганные частично из книжек, частично из Интернета исторические эссе, предназначенные все для тех же «озабоченных домохозяек», коими я упрекал Серегу, она принимала едва ли не на ура. Ее заботами мои незамысловатые слеппленные на скорую руку творе-

ния выходили в каждом номере «Расслабься» и приносили мне небольшой, но стабильный доход, помимо изредка выпадавшего мне процента от рекламы и постоянно задерживаемой Славкой квартплаты. Однако в один скорее ужасный, нежели прекрасный, день Наталью будто бы подменили. С каким-то почти патологическим рвением она принялась выискивать «блох» в моих, впрочем, не самых безупречных, текстах, постоянно тыкая меня носом в выявленные огрехи, как проштрафившегося щенка в собственную лужу. Я морщился, фыркал, терпел, а потом пожаловался Сереге.

Этот многомудрый посоветовал мне сводить Наталью в кабак. Я, хоть жаба меня и душила, скрепя сердце пригласил ее в кафе неподалеку от редакции, где, собственно, и выяснилось, что Натальины планы в отношении меня простираются куда как дальше. Я вновь призвал на помощь Серегу, который, выслушав мой жалобный рассказ про то, как Наталья хватала меня под столом за коленки, рубанул сплеча:

– Да трахни ты ее – и все дела! Что тебе жалко?

Легко сказать – трахни! А если это тот редкий случай, когда не хочется? Хотя, справедливости ради, нужно признать, пару раз я все же примеривался. Приходил в редакцию под вечер, чтобы проводить Наталью до дома, ну, и так далее, но буквально в последний момент что-то меня останавливало. А, может, и кто-то. Есть там, в журнале, цыпочка лет тридцати. Впрочем, цыпочка – это не про нее, но, это не важно, важно то, что она меня здорово цепляет.

Я, дай бог, обменялся с ней несколькими, ничего не значащими фразами, но понял, что она похожа на лаковую шкатулку, ключ от которой, как в сказке про Кощея, спрятан в утку, утка – в зайца, заяц – в еще какого-то зверя, не суть. Главное, что для того, чтобы открыть заветную шкатулку, я должен был их добыть и освежевать, всех поочередно. А потому, как ни велик был соблазн, я прикинул свои шансы и, в конце концов, махнул рукой, решив, что слишком стар и ленив для подобных подвигов. Ведь, даже когда я суетился и предпринимал какие-то действия, душа моя продолжала валиться на диване в дырявых носках.

В общем, как бы там ни было, а Наталью до дому я так и не проводил, за что и получал по сей день по полной программе. Раз от раза она становилась все изощренней, придиралась буквально к каждому слову, разбивая мою писанину в пух и прах. Последнюю из своих статей я переписывал трижды, и все равно Наталья осталась недовольна, громогласно заявив, что следующей моей публикации она не гарантирует.

Сегодня она домогалась меня по тому же поводу, сходу резанув по нервам своим истерическим визгом:

– Сапрыкин, сколько можно вас ждать? Мы номер сдаем, а ваш материал в отвратительном состоянии! Вы что, предлагаете мне его переписывать? Нет, уж, увольте, я за это ни копейки не получаю!

– Хорошо, Наталья Владирна, – я избрал самый подобострастный тон из всех возможных. – Через час буду у вас,

Наталья Владирна...

Я хотел еще, было, добавить, чтобы она не беспокоилась и что я сделаю все в лучшем виде, но Наталья на том конце провода раздраженно шмякнула трубку на рычаг. Я же, путаясь в штанах, кинулся в ванную бриться. Не хватало мне только усугубить положение неприглядным внешним видом! Хорошо еще, что редакция “Расслабься” находится через две улицы от моего дома – а живу я в Замоскворечье – что, кстати, свидетельствует о солидном материальном положении этого глянцевого издания: далеко не каждый журнал может себе позволить обосноваться в пределах Садового кольца.

Через двадцать пять минут я был вымыт, выбрит, одет в свежую рубашку и приличные брюки и лихорадочно соображал, как поступить с приبلудной псиной, по-прежнему дрыхнувшей на моем диване, или притворявшейся, что дрыхнет. Вышвырнуть ее, как вы уже поняли, я был не в состоянии, а потому передо мной со всей очевидностью встал вопрос, с кем ее оставить на то время, что я проторчу в журнале. Естественно, первым делом я сунулся к Славке, но того, вопреки обыкновению, на месте не обнаружилось: видать, снова подался втюхивать свою научную теорию периодически возникающим потенциальным покупателям. Препоручить же собаку соседу Прокофьичу я и сам не решился: все-таки он от меня ни в чем не зависел.

Поэтому, вернувшись в свою комнату, одарил неожиданную

четвероногую подругу максимально суровым взором и, взяв в руки ее серую мордочку, строго наказал:

– Короче, так. Остаешься здесь на хозяйстве, смотри, чтоб порядок был. Я иду по делам, на обратной дороге куплю тебе что-нибудь пожевать. Поняла?

Псина смотрела на меня немигающим взглядом ягненка.

...Сцена под названием “избиение младенцев” разыгрывалась в “Расслабься” в лучших Натальиных традициях. Я наблюдал, как движутся ее толстые, жирно покрашенные губы, которые старательно и с нескрываемым удовольствием выговаривали:

– Сколько можно, Сапрыкин! Я уже устала вас править! Стилистические и орфографические ошибки не поддаются подсчету! У вас же университетский диплом, Сапрыкин! Что с этим делать, не понимаю!

Не успел я открыть рот, чтобы оправдаться, как в меня полетели листки моего жалкого эссе. Ого, а вот это уже что-то новенькое, раньше она себе такого не позволяла. И чего я ее не трахнул, тоскливо заныло у меня под ложечкой. В этот же момент над соседним столом вскинулась ладненькая головка “Лаковой шкатулки”, на моем лице остановились крапчато-серые глаза, на дне которых, как мне показалось, затаилась тень насмешки...

И, тем не менее, я по своему обыкновению позорно завел свое привычно-заунывное “Да, Наталья Владирна”, “Хорошо, Наталья Владирна” ... А потом вдруг неожиданно для всех,

и, прежде всего для самого себя, заткнулся на полуслове ... Сидящие в той же комнате, что и Наталья, сотрудницы – а их там было трое, включая «Лаковую шкатулку» – оторвались от компьютеров и дружно на меня уставились. Я же продолжал держать паузу, непонятно на что рассчитывая. Все решилось лишь после того, как «Лаковая шкатулка» поднялась из-за стола и, прихватив какую-то папку, неторопливо направилась к выходу, словно давая понять, что спектакль ей наскучил.

Я понял, что должен действовать молниеносно, и не придумал ничего лучше, чем собрать мятые листки своего эссе и метнуть их в лицо Наталье, повторив ее недавний демарш. Мне показалось, что летели они бесконечно долго, как в замедленной съемке, но когда достигли намеченной цели, меня уже было ничем не запугать. Держа в поле зрения «Лаковую шкатулку», изящным изваянием застывшую в дверях, я опередил уже открывшую было рот Наталью коротким, почти гортанным выкриком:

– Да пошла ты!..

Явно не ожидавшая такого поворота Наталья откровенно растерялась, еще минуту назад презрительно поджатые губы, расползлись по ее одутловатому лицу как чудовищные красные дождевые черви. А я, продолжая ловить на себе заинтригованный взор «Лаковой шкатулки», усилил произведенный эффект, и без того, замечу без ложной скромности, убийственный, следующим высказыванием:

– Я для вашей паршивой желтой промокашки больше не пишу!

Наталья выглядела совершенно разбитой. Видно было, что она не понимает, почему этот жалкий писака, каким я, несомненно, ей представлялся, ведет себя столь дерзким образом. Не понимали этого и другие, и, скорее всего, думали, что я пьян. И только я знал, что стоит за моей беспримерной решимостью – мой роман, дожидавшийся верстки в издательстве «Дор». Отныне я уже не ничтожный сочинитель паршивых статей для глянцевого журнала, а серьезный писатель!

Откуда что взялось, я красиво, почти как в танце, повернулся на каблуках и легкой походкой устремился прочь. Туда, где все еще стояла, замерев у двери, «Лаковая шкатулка», которой я, поравнявшись, по-дружески, если не сказать панибратски, кивнул. Она же в ответ заговорщицки мне подмигнула и, сжав хрупкий кулачок, изобразила подростковый жест, выражающий одобрение, сопроводив его беззвучным «yes!». После чего я дал себе слово, что, как только роман мой будет опубликован, явлюсь в «Расслабься» и дам ей интервью. А заодно сделаю с ней то, что мой приятель Серега рекомендовал мне сделать с толстогубой стервой Натальей. При этом чутье мое подсказывало, что она мне не откажет. Потому что сегодняшнюю мою выходку с метанием эссе в физиономию шеф-редактора запросто можно приравнять к добыче утки, зайца и прочих.

В итоге редакцию я покинул с гордо поднятой головой, крепко сжимая в потной ладони виртуальный ключик от «Лаковой шкатулки», полный уверенности, что это и есть мой очередной, уже третий по счету, подарок судьбы.

Глава V

Я пребывал в отличном настроении. По дороге домой заглянул в супермаркет, где долго и сосредоточенно прогуливался вдоль полки с собачьим кормом, все еще мысленно переживая свой недавний триумф в «Расслабься». При этом больше всего меня беспокоило, не сдурил ли я, оставив «Лаковую шкатулку» до лучших времен? А не благоразумней ли ковать железо пока оно горячо?

Да, но куда б я ее потащил? В свою неубранную берлогу, в которой теперь еще и собака? С другой стороны, возможно, это был бы как раз беспроигрышный шанс. Игривый вопрос: «Девушка, вы в собачьем корме разбираетесь? Не поможете ли спасти несчастное животное от голодной смерти?» – и дело в шляпе! Черт! И как же я сразу не сообразил? А ведь, помнится, по этой части я когда-то был профи. Мог уболтать любую: дурочку брал неприкрытой лестью, перед умной разыгрывал наивного простака... М-да, вот, что бывает, когда утрачиваешь навык по причине долгого отсутствия практики!..

Я еще раз окинул пытливым взором полку с собачьим кормом, после чего вычислил в полупустом торговом зале молодую особу – менеджера или консультанта, или как у них там,

короче, не важно, и дал ей понять, что нуждаюсь в ее мудром профессиональном руководстве. Она тут же безропотно ко мне подрулила и оказалась вблизи почти девчонкой, с широко расставленными восточными глазами и едва заметными веснушками, не очень равномерно рассыпанными по ясному скуластенькому личику.

– Девушка, – нажал я на кнопку встроенного внутри меня старого дребезжащего магнитофона, – вы в собачьем корме разбираетесь? Не поможете ли спасти от голодной смерти несчастное животное?

– А какой породы ваша собака? – вежливо поинтересовалось у меня скуластенькое личико.

– Без понятия, – легкомысленно пожал я плечами, изучая бэйджик на отложном воротнике ее форменного халатика. А на нем, между прочим, значилось: «Айгуль Терентьева, менеджер торгового зала», и это сочетание почему-то меня взволновало.

Скуластенькое личико меж тем замутилось:

– Ну, тогда возьмите что-нибудь универсальное, что всем подходит. Вот это возьмите.

Она сняла с полки довольно объемистый разноцветный пакет и протянула его мне, а я, принимая у нее собачий корм, успел коснуться ее пальцев.

– Айгуль – красивое имя, – снова зашелестела затертая пленка моего старого магнитофона. – А как вас подружки называют? Гуля?

Она ничего не ответила, только кивнула, по-видимому, теряясь в догадках, как расценивать мой интерес: как экстравагантную выходку добродушного дядечки-покупателя или неприятзательное заигрывание? Подумать только, а ведь еще каких-то десять лет назад у нее не возникло бы и тени сомнений на сей счет! Вот только смириться с данным безрадостным фактом – все равно, что отдать себя на милость похотливым перезрелым Натальям с их душными ванильными объятиями и складчатými, как у рептилий, телами. Нет-нет, в этот омут я не кану, пусть не надеются и не ждут, я навечно останусь на залитой солнцем поляне, где резвятся быстроногие скуластенькие Айгуль, не ведающие, как скоротечна молодость.

– Гуля... Можно я буду вас так называть? – Я почувствовал, как дрогнул мой голос, так, словно старый магнитофон «зажевал» пленку. – А вдруг моя собака откажется это есть? Вдруг она вообще голодную забастовку объявит? Что мне тогда делать?

– Ну, я не знаю, – девушка поправила прядь волос на лбу, – тогда попробуйте другой корм взять. У нас всегда большой выбор.

– Это я вижу. А если, допустим, я захочу узнать, есть ли в наличии тот корм, который понравится моей собаке? Могу я вам позвонить? – Я не собирался сдаваться ни при каких условиях.

– Конечно, звоните по нашему справочному телефону.

Я сделал вид, что призадумался:

– Но по телефонам для справок бывает трудно дозвониться, а я человек очень занятой... Может, вы на всякий случай дадите номер своего мобильного? Обещаю, я не буду беспокоить вас по пустякам...

– Хорошо, – девушка то ли была покладистой от природы, то ли решила, что я совершенно не опасен, а потому спокойно продиктовала мне номер своего телефона. После чего ее позвала одна из кассирш, и мне волей-неволей пришлось нажать на кнопку «стоп». Старый магнитофон заунывно взвизгнул, щелкнул и заглох, не оставив ясности, включится ли он в следующий раз.

Я все-таки взял собачий корм, который посоветовала бесхитростная (или бесстрастная?) Айгуль. Уж очень симпатичный пес был нарисован на пакете. Заодно прихватил кое-что из продуктов для себя, оплатил все это дело на кассе и двинулся домой, где, как выяснилось, меня поджидал весьма неприятный сюрприз. Оставшись без присмотра, приبلудная псина погрызла мои комнатные тапки (ладно, они были сильно поношенные) и, что много хуже, мой же кожаный брючный ремень (еще вполне приличный).

Я разозлился и стал на нее орать:

– Ты что себе позволяешь, серая ты скотина?! И это за мою доброту?

Собака воззрилась на меня с недоумением.

– Какого черта ты изгрызла мои тапки? А ремень? – кон-

кредитизировал я свои претензии.

В этот раз лохматая пришелица завиляла куцым хвостом.

Тогда, дабы ее устыдить, я продемонстрировал ей собачий корм в разноцветном пакете:

– Вот, видала? Между прочим, специально для тебя купил. А ты, тварь неблагодарная, сожрала мои тапки!

Собачонка смотрела то на меня, то на пакет глазами ягненка и не делала ни малейшей попытки оправдаться.

В конце концов, стыдно стало мне. Я принес из кухни тарелку, доверху насыпал в нее собачьего корма и примирительным тоном пригласил ее к трапезе:

– Ну, ешь уже, что ли...

Псина подошла, понюхала, посмотрела на меня с некоторым укором, осторожно захватила зубами несколько коричневых комочков, пожевала их с такой осторожностью, словно у нее флюс, облизнулась и уже больше к еде не притронулась, сколько я ее не уговаривал.

Естественно, очень скоро я снова стал психовать. Нет, где это видано: я разорился на целый пакет импортной жратвы, а она, видите ли, брезгует! Ну и наглое же это четвероногое!

В какой-то момент мои громкие возмущенные вопли, по видимому, достигли ушей Славки, который, оказывается, успел вернуться домой, а теперь обнаружился в дверях моей комнаты в обрезанных по колено джинсах и драной майке.

– На кого это ты орешь? – осведомился он с недовольным видом и пожаловался. – Только заснул...

—Спать надо ночью, – окрысился я на него.

И тут Славка увидел собаку:

– Ой, а это еще что такое!

– А то ты не видишь, – съехидничал я, – крокодил!

– Где ты ее взял? – Славка присел на корточки рядом с псиной.

– Да нигде я ее не брал, она сама ко мне прибилудилась. Проснулся, а она лежит на диване рядом. Наверное, ночью за мной притащилась, – проворчал я. Мне было странно, как Славка мог не слышать шума за стенкой? Неужто так крепко спал?

– А она симпатичная, – Славка сделал нахальной бродяжке комплимент.

– Симпатичная, – покосился я на собаченцию, – только ничего не жрет, кроме тапок и ремней.

– И правильно делает! – Славка заглянул в стоящую перед псиной тарелку и присвистнул. – Сам бы попробовал эту гадость!

Теперь я злился не только на собаку, но и на Славку. Умный какой! Лучше бы вовремя за комнату платил!

– Ну, а чем мне ее кормить прикажешь?

– Нормальной едой. Мясом. Или колбасой, на худой конец.

– Вот и корми, если ты такой хороший, – злость у меня сменилась обидой. Причем не только за себя, но еще и за Айгуль из супермаркета. Стараешься, понимаешь, стараешься,

а все как всегда зря... Бездомной собаке и той не угодишь!

А Славка, тот и впрямь сгонял на кухню и принес из холодильника колбасы. И, что бы вы думали, эта серая тщедушная животиная неизвестной породы умяла ее за обе щеки (если у собак они бывают)! А потом преспокойненько взобра-лась на диван и как ни в чем ни бывало свернулась в калачик.

От такой картины я в буквальном смысле потерял дар речи, а Славка удовлетворенно развел руками: мол, что и требовалось доказать. А потом прочитал мне мораль о том, что собак нужно не только кормить, но и выгуливать. В результате от моего приподнятого после блистательной победы в «Расслабься» настроения почти ничего не осталось.

Чтобы прийти в какое-то равновесие, я походил из угла в угол, пнул ногой стул и накатил на Славку:

– Ты когда за комнату заплатишь?

Тот поскуchnел буквально на глазах:

– Да заплачу я тебе, заплачу, не переживай... На днях заплачу. Вот как только получу за халтуру, так сразу!

Однако, исполненный духом мщения, я не собирался так просто отступить:

– Ага!.. А ты не забыл, что я твои обещания уже вторую неделю слышу? Короче, не заплатишь до пятницы, собирай свои манатки!..

– Да что на тебя наехало? – возмутился Славка. Можно подумать, это я ему должен, а не он – мне! – Из-за каких-то паршивых двенадцати тысяч! Сам уже, можно сказать, без

пяти минут миллионер!

Нет, вы слышали такое, а? И зачем я только ему свой издательский договор показал? Он же теперь будет мне им в глаза тыкать! И это притом что первые причитающиеся мне за перелицовку романа денежки я получу в лучшем случае через месяц!

– Я тебе сказал: до пятницы! – рявкнул я на Славку и решительно указал ему на дверь.

Славка, судя по всему, хотел продолжить препирательства, и открыл уже, было, рот, но потом передумал и счел за лучшее ретироваться и переждать грозу. И правильно сделал: не так уж часто я позволяю себе подобные сцены, чтобы меня нельзя было уважить и хотя бы притвориться уязвленным. Ведь, по большому счету, ему это ничего не стоит, а мне маломальское удовлетворение.

Правда, когда он ушел, меня одолела невероятная тоска. Я снова остался один на один с собой и своей рукописью, бездомная псина на диване – не в счет. Как ни крути, а пора уже было приниматься за дело, а я к этому был совершенно не готов и, что намного хуже, вряд ли буду готов в обозримом будущем. А что хуже некуда, даже деньги – этот главный двигатель прогресса всех времен и народов не способны разбудить во мне энтузиазм.

В общем, за работу я взялся с откровенной неохотой. Может, потому что я давно от нее отвык? Ведь с тех пор, как я сжег свой последний, слепой, экземпляр рукописи я, по су-

ти, ничего, кроме халтуры, не писал. Чтобы понять это, достаточно заглянуть в мой компьютер. Одни названия файлов чего стоят! Взять хотя бы первый навскидку, который я ернически поименовал для себя «поэмой о серной пробке». Рекламный текст, сделанный по заказу одного частного медицинского центра, призывающий незамедлительно воспользоваться услугами тамошнего отоларинголога. Помнится, я бился над ним целый день, а получил сущие копейки. Да уж...

Но все, проехали... Серные пробки теперь в прошлом. Я должен немедленно о них забыть, и, как в пафосной революционной песне, отряхнуть их прах со своих ног. К чертям, к чертям, к чертям!.. А чтобы настроиться на работу, мне необходимо снова углубиться в текст собственного романа, милостиво предоставленный мне сладкоречивым Кириллом из «Дора», а заодно наметить, куда вставлять диалоги и любовные сцены, которых в них, якобы, не хватает.

Собственно, так я и сделал. Снова взялся за читку своей рукописи, чудом сохранившейся в издательской базе данных, мрачней с каждой страницей. То, чем я восхищался позапрошлой ночью, казалось мне теперь, при свете дня, совершенно неудобоваримым беспомощным детским лепетом. В глаза бросались бесчисленные повторы, убогие метафоры, банальные и скучные сентенции. А сама история, которая, как принято выражаться, легла в основу этого, с позволения сказать, произведения, на редкость незамысловатой. Впро-

чем, именно такой она и была в жизни, из которой я ее взял и переложил на бумагу, наскоро сдобрив выпрренной лирической чепухой.

Ладно, оставим до поры героя. Что же до героини – та вообще никакой критики не выдерживает. Такими грубыми мазками прописана, что едва ли имеет половые признаки. И при этом, как следует из текста, они вроде бы даже спят, правда, за рамками повествования. А теперь скажите, как можно спать с чем-то аморфным, неуловимым и скорее разлитым в воздухе, нежели существующим во плоти? И не странно ли после этого, что однажды героиня объявляет, будто беременна?

Что делает герой? Он дает понять, что подобное развитие событий в его планы не входило. Она оскорбляется и исчезает из его жизни. Вот, собственно, и весь сюжет, если оставить за скобками побочные линии (весьма, впрочем, немногочисленные и столь же невнятные) и следовавшие за разрывом сомнения, угрызения и вялые попытки оправдаться. Опять же непонятно, в чем, если отринуть романтическую белиберду и взглянуть на ситуацию здраво. Ну, как бы он с ней жил, с такой, ни во что конкретно не оформившейся? Все равно, что с детским шаром, наполненным гелием, который только и ждет ветерка посильнее.

Прибавьте к этому, что в романе, как верно подметил мой издатель, они к тому же почти не говорят, а, если и изъясняются, то на каком-то полуптичьем языке. И имена у них

странные: Та и Тот. Что касается кульминации отношений этих несчастных бессловесных, то здесь все до такой степени впопыхах, что невозможно понять логику их дальнейших поступков. Та сказала, что у нее задержка, Тот уточнил, насколько, и скрипнул зубами. И все.

Где, скажите мне, здесь разгуляться читателю, которого не выбирают? Такому, уж какой он ни на есть. Разве я дал ему катарсис, для которого, по утверждению Сереги, он создан, как птица для полета? Нет, не дал! Бедняга так и останется в неведении, кому тут сочувствовать и сочувствовать ли вообще. Про что эта книжка, спросит он в недоумении, а что я ему отвечу, если я и сам не знаю, про что? Про жизнь? Да где она там, эта жизнь? Про любовь? Допустим. Но почему тогда ни Та, ни Тот ни разу не произносят этого слова? Что бы им шевельнуть губами, так нет же!

Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза. В голове у меня созрела странная фантазия, что моя писанина – нечто вроде немого фильма, который мне предстояло озвучить. И в самом деле, пусть герои наконец заговорят и пусть, черт возьми, друг до друга дотронутся! Хватит уже этим притворам отмалчиваться и целомудренно прятаться за пространными лирическими отступлениями, пришла пора высказаться и показать себя во всей своей красе, возможно, и неприглядной.

Кстати, вот уж и ропот с противоположной стороны слышался, а, значит, уста все-таки разверзлись. Они, видите

ли, не желают. Хотят, чтобы все осталось, как было, а иначе, дескать, образы рушатся. Ну, уж, дудки, этот номер не пройдет! А поскольку особенно возражает Та, то с нее я, пожалуй, и начну. Куда денется, заговорит, как миленькая. Я заставлю ее снизить до длинных, подробных объяснений, когда она в запале, с красным лицом и смешно трясущимся подбородком, будет выкрикивать обидные беспомощные слова, о которых сама же потом и пожалеет. На войне, как на войне, уж не взыщите!

И ведь, что б вы думали, мне удалось их расшевелить! Герои мои не просто заговорили, они стали такими болтливыми, что, записывая их диалоги, я едва успевал тыкать пальцами по клавиатуре, а ближе к утру, уже совсем выбившись из сил, готов был орать благим матом:

– Да заткнитесь вы уже, наконец!

А когда, совершенно измочаленный, я вырубил компьютер и едва ли не на карачках дополз до дивана, то первое, что сделал, – заткнул уши пальцами. Потом накрылся одеялом и попытался забыться. Однако не тут-то было: в голове у меня продолжалась какофония. Та и Тот исступленно собачились, и не думая прекращать свару. Надо же, сколько в них накопилось за то время, что они были затворниками моей рукописи! И теперь каждое их слово отзывалось во мне тупой фантомной болью.

Уж не знаю, чем бы все закончилось, может, я сошел бы с ума или впал в кому, если бы посреди этого невыносимо-

го птичьего базара, посреди этого вселенского хаоса, не раздался вдруг тихий и отчетливый человеческий вздох... Шум сразу прекратился, воцарилась тишина, а в ней – умиротворяющее посапывание. Источник его обнаружился у меня под боком – серая приبلудная псина, от которой исходило беззащитное младенческое тепло, вызвавшее во мне приступ умиления.

Я стал медленно погружаться в дрему, и лишь на самой грани между явью и сном мое подсознание выстрелило в последний раз. Что же все-таки Та сделала с ребенком? Ведь в ней было столько гелия, что она могла с одинаковой легкостью как избавиться от него, так и оставить.

Глава VI

Кажется, мне все еще что-то снилось, когда я почувствовал, что у меня мерзнут ноги. Я поджал их, но это мне не помогло. В полусне я попытался поправить на себе одеяло, какое-то время слепо и беспомощно шарил вокруг себя, но оно куда-то запропастилось. В итоге, окончательно продрогнув, я спустил с дивана ноги и протер глаза. Тут-то и выяснилось, что одеяло мое валяется на полу, а рядом с ним сидит приبلудная собачонка, и весь вид ее при этом выражает крайнее нетерпение.

– Ты чего творишь? – выверился я на нее спросонья.

Псина в ответ стала тихо повизгивать и нервно сучить хвостом.

Я повернул голову и посмотрел на тускло-серый просвет

окна, не подаривший мне даже намек по части того, утро за ним или вечер. Загадку разрешили часы на руке, которые я, ложась спать, не удосужился снять. Так вот, они показывали половину первого и, уж конечно, не ночи. Уверенность в этом укрепляла во мне все та же невнятная серость за окном, знаменующая, как выяснилось, начало премерзкого мартовского дня из разряда тех, что так и подмывает встретить в петле. Разумеется, при условии, что прежде тебе достанет сил и мужества выбраться из постели. И, не знаю, как кого, а меня бы уж точно на это не хватило, если б не лохмотное существо, вопреки всякому здравому смыслу поселившееся в моей берлоге.

Так как собачонка продолжала визжать, и препротивно, я, расшвырнув, швырнул в нее одним из погрызенных ею же накануне тапок, но это ее не вразумило. Больше того, звуки, которые она издавала, становились все громче и жалобней, волей-неволей наводя меня на мысль, что убеждения и угрозы никакого воздействия на силы природы не имеют. И чем глубже я это осознавал, тем меньше злости во мне оставалось. Потому что с таким же ровно успехом я мог бы гневаться на промозглую мартовскую слякоть или вертихвостку-молодость, упорхнувшую от меня к другому.

– Все, идем-идем, заверил я собачонку, чтобы она немного успокоилась, и поминутно зевая, начал экипироваться для выхода на улицу. По ходу вступил во что-то мокрое: лужа! Похоже, мое неожиданное приобретение таки не утерпело! По-

морщившись, подогнав ногой лежащую у дверей тряпку и кое-как затер.

Потом, когда я был уже в куртке, до меня вдруг дошло: а поводка-то нет! Еще минута или две ушли у меня на размышления, как быть в такой ситуации, после чего я мысленно махнул на все рукой. В конце концов, эту псину я к себе не звал, она сама ко мне прибилась, а потому, если она захочет сбежать, это будет ее добровольный собачий выбор, которому я со своей стороны чинить какие-либо препятствия не собираюсь.

С таким настроем я и распахнул перед ней дверь, в которую она моментально юркнула, а затем радостно, вприпрыжку, понеслась вниз по лестнице, с такой скоростью, что я сразу отстал от нее на два пролета, и ей пришлось дожидаться меня в подъезде. А я, уже выпустив собачонку из дому, признаться, был близок к тому, чтобы тихо вернуться к себе, оставив ее на ступеньках у входа, где, вероятно, и произошла наша с ней историческая ночная встреча. До сих пор не понимаю, что меня удержало от этого. Может, мне просто захотелось посмотреть, что она будет делать дальше?

А она с невероятной бодростью направилась в дальний угол нашего двора, к произрастающим там несколькими хилым деревцам, и принялась нарезать среди них круги, то и дело к чему-то прияхиваясь. И в этом ее нехитром собачьем ритуале было столько сосредоточенной отрешенности, что я наблюдал за ее перебежками, как за каким-то древним

священным обрядом, полным сакрального смысла. Я не мог не то, чтобы с места тронуться, даже пошевелиться, пока промозглый мартовский холодок не пробрался ко мне за пазуху. Только тогда я поднял воротник куртки и позволил себе какое-то подобие прогулки по дорожке, соединяющей пятючок перед подъездом со сквериком в углу двора. Мои ноги разъезжались в хлюпающей каше грязного снега, и со стороны я, наверняка, выглядел неуклюже и нелепо, и все-таки не уходил. И это притом что после ночи, проведенной у компьютера, я чувствовал себя разбитым. По-хорошему мне следовало бы плюнуть на все, подняться в квартиру и рухнуть ничком на диван, а я терпеливо ждал, когда приبلудная серая псина пометит унылые мокрые деревца, притулившиеся с самого края.

И только когда дрожь стала пробираться меня не до самых внутренностей, я позволил себе осторожно свистнуть. Честно говоря, я не очень-то рассчитывал, что этот мой призыв возымеет на собачонку нужное действие, а потому, увидев ее у своих ног уже через минуту, испытал удивление, смешанное с тайным восторгом. Вряд ли кто-нибудь в жизни повиновался мне с такой восхитительной готовностью!

– Набегалась? – с притворной ворчливостью осведомился я и повернул к дому.

Псина безропотно побежала за мной, а я, неожиданно размякший и разомлевший, пообещал себе в самое ближайшее время совершить вылазку в зоомагазин и купить ей пово-

док. Дома я дал собачонке колбасы, а себе пожарил яичницу. Затем, набив как следует утробу, предпринял попытку снова засесть за работу, не увенчавшуюся, впрочем, успехом. А потому, решив себя больше не мучить понапрасну, я возложил свое брненное тело на диван и канул в сон, как кирпич в воду. По-моему, мне даже что-то снилось, но стремительное пробуждение, которому я вновь был обязан собаке, стерло все картинки. Правда, я не стал ей на это пенять. Почему? Вопрос вопросов.

Еще несколько минут я провалялся на диване, прислушиваясь к тишине. Было темно, и я решил, что уже ночь, но данное обстоятельство меня скорее обрадовало, нежели расстроило. Как бы бездарно не прошел этот день, главное, он все-таки прошел, а с ним вместе и забота, чем его заполнить. Понуждаемый собачьими повизгиваниями, не включая света, запрыгнул в штаны и привычно нащупал мобильник в кармане. Больше для проформы проверил, не звонил ли мне кто, и с удивлением обнаружил, что, пока я дрыхнул, меня домогались сразу трое: моя сестрица Алка, уже известный вам приятель-графоман Серега и Кирилл из издательства «Дор». Следующим сюрпризом стали высветившиеся на экране цифры «17.39». Увы, но вместе с ними на моем горизонте замаячил неприкаянный мартовский вечер, который мне еще только предстояло на что-нибудь убить!

На что именно, я дал себе труд подумать чуть позже, уже во дворе, когда моя псина совершала свой традиционный об-

ход деревьев, а я, столь же традиционно мерз на ветру. Но прежде я позвонил сестре, чтобы узнать, зачем я ей понадобился.

– Ну, наконец-то! – бесцеремонно ворвалась мне в ухо Алка. – Никогда до тебя не дозвонишься!

– Почему никогда? – вяло возразил я, отодвигая трубку, чтобы не оглохнуть.

– Потому что никогда! – Отрезала Алка, и, прежде чем я успел очухаться, снова на меня наехала. – Ты когда в последний раз мать навещал?

– Ну-у... – я честно силился вспомнить. Кажется, это было на Рождество. Точно, на Рождество. А что, не так уж и много времени прошло... Хотя, уже почти три месяца...

– Что ну? Она же целыми днями одна, скучает, – Алка старательно и методично втыкала мне в душу иголки. – Совесть у тебя есть?

– А что, тебе одолжить? – огрызнулся я, тихо заводясь. – В конце концов, она твою дачу охраняет, а не мою!

– И что ты этим хочешь сказать? – судя по боевому Алкиному вступлению, она была настроена на долгое и подробное выяснение отношений.

Нависший надо мной призрак доброй семейной ссоры сделал меня намного сговорчивей. Мало ли, что я хотел сказать! Например, про то, что, не вывези Алка мать на тридцатый километр от Москвы, та бы сейчас не скучала. Но сказал-то я совсем другое:

– Ладно, не бери в голову. Я приеду...

И добавил:

– В выходные...

Алка тяжело вздохнула и отключилась.

Теперь, по идее, следовало бы связаться с Кириллом из «Дора», но мне почему-то ужасно не хотелось это делать, сколько я себя не убеждал. Он, наверняка, спросит, как продвигается работа над рукописью, а что я ему отвечу? Ну да, просидел я над ней ночь напролет, только много ли с того проку, если я боюсь взглянуть на плоды своих титанических трудов свежим глазом? К тому же меня хватило всего лишь на несколько диалогов, а до любовных сцен я пока не добрался и не факт, что когда-либо доберусь.

Короче говоря, Кириллу я так и не позвонил, зато позвонил Сереге. Тот накинулся на меня не хуже Алки:

– Сапрыкин, ты куда пропал? Загордился, что ли?

– С чего бы? – Буркнул я угрюмо.

– Ну как же, ты же у нас теперь классик!

Началось! Я хотел уже послать Серегу куда подальше, но он вовремя сбавил обороты:

– Слушай, Сапрыкин, не знаю, как ты, а я сегодня никакой... Не могу уже на этот комп смотреть. Короче... Мы тут с одной моей знакомой сегодня выход в открытый астрал наметили. Давай, присоединяйся к нам.

– Куда-куда?

– Ну, это Людка так выражается, захихикал в трубку Се-

рега и добавил. – Она подрабатывает в каком-то астрологическом вестнике. Тоже наша сестра, сочинительница. Ну вот, подгребай к нам. Посидим, выпьем по рюмашке, поболтаем...

– К вам, это к тебе? – уточнил я.

– Зачем ко мне? Я ж тебе говорю, мне осточертело в четырех стенах сидеть. Да и тебе наверняка тоже. Тут, неподалеку от моего дома, есть пиццерия, там нормально и недорого.

– Ну-у, не знаю... – протянул я, хотя, с чего бы мне было ломаться? Ведь карты, по всему, ложились наилучшим для меня образом: подходящий вариант «убивания» вечера без приложения особенных усилий, можно сказать, сам шел мне в руки.

– Да не ломайся ты, Сапрыкин! – спасибо Сереге, он знал меня, как себя. – Небось, как всегда, маешься от лени и безделья. Поехали, говорят тебе!

На всякий случай я все же выразил опасение, не стану ли я третьим лишним и всякое такое...

– Не переживай, – успокоил меня Серега, – мы с Людкой просто старые друзья. Я ее сто лет знаю. Вот увидишь, она тебе понравится!

– Но ты ее хотя бы предупреди, что будешь не один...

– Уже, – заржал конем Серега, – она жаждет познакомиться с живым классиком. – И тут же взял свои слова обратно. – Да пошутил я, пошутил. Я только сказал, что ты тоже мой старый друг. Работаешь в разных журналах... Клянусь, если

ты не желаешь быть знаменитым, я буду нем, как рыба!

– Ладно, уговорил, – сдался я, – только мне нужно сначала в зоомагазин зайти. Поводок купить.

– Это еще зачем? – дико удивился Серега.

– Потом скажу, – пообещал я заинтригованному Сереге и свистнул собачонке. Та повиновалась молниеносно, к чему я стал незаметно для себя привыкать, забыв, что это очень опасная штука.

... Я и в самом деле купил ей поводок по дороге в метро. Причем довольно долго его выбирал и расспрашивал, какой лучше, у молоденькой продавщицы, живо напомнившей мне Айгуль из супермаркета, которая к тому же оказалась такой нереально отзывчивой, что я, изголодавшийся по общению, едва не утопил ее в словах. В итоге магазин я покинул с хорошим настроением и средним по цене поводком. Возникшего во мне приятного расположения не испортил даже Серега, устроивший из-за небольшого опоздания чуть ли не истерику.

– Знакомься, это Людмила, – покончив с упреками, Серега скупно представил мне свою спутницу, которую я, честно говоря, сразу не очень-то разглядел.

Заметил только, что она среднего роста, в светлой куртке, схваченной у ворота синим шарфом, и юбке, а юбка в наши дни, когда все женщины поголовно щеголяют в брюках, наверняка, что-нибудь да значит. По крайней мере, ноги у нее, как минимум, должны быть не кривые. Правда, возмож-

ность оценить их в полной мере представилась мне позже, а до тех пор пришлось довольствоваться ее локтем, за который я ее поддерживал по причине гололедицы, и коротким немного напряженных хохотком, который она издавала всякий раз, когда мы рисковали грохнуться одновременно. Топавший сам по себе Серега тем временем крыл почем зря экономящие на уборке улиц местные власти и внимательно пялился себе под ноги.

Таким порядком мы преодолели два квартала, потом свернули в какой-то переулок, из него – в другой и, наконец, очутились перед довольно скудно освещенным заведением, помещавшимся на первом этаже панельной девятиэтажки, название которого опять же от меня ускользнуло по причине сосредоточенности на Людмилином локте. Впрочем, вряд ли оно имело сколько-нибудь принципиальное значение, судя по непритязательному внутреннему убранству, открывшемуся нам через минуту: опять же скудно освещенному небольшому зальчику с несколькими столиками, за которыми сидели редкие согбенные фигуры.

Будучи завсегдаем, Серега сразу же принял командование парадом на себя, быстро пересек зальчик и зарулил в небольшой отсек, отгороженный деревянными дверцами в стиле ковбойских салунов, таких, какими они запали мне в душу в раннем детстве усилиями неутомимых мастеров киностудии Дефа.

Серега быстро стащил с себя пальто, после чего на нем

обнаружился не только костюм, но еще и галстук, а на мое гнусное хмыканье серьезно заметил, что так теплее. Мне же выпал случай поухаживать за нашей спутницей – помочь ей снять куртку и повесить ее на крючок – а заодно скользнуть взглядом по Людмилиным статям.

Кстати, вблизи она была совершенно обыкновенная. Такие пачками ходят по улицам, сидят в офисах или с отрешенным видом толкают перед собой тележки с продуктами в больших и гулких, как вокзалы, супермаркетах. Каштановые волосы, простое славянское лицо, светло-карие глаза, ничего притягивающего и ничего отталкивающего. Что касается ее ног, то они быстро скрылись под столом, оставив меня в догадках относительно их стройности.

Впрочем, не могу сказать, чтобы этот вопрос уж очень сильно меня занимал, особенно после того, как мы заказали бутылку водки и большую пиццу на всех. Словом все было хорошо, пока не начались традиционные для Сереги окололитературные разговоры, на которые я был совершенно не настроен. Счастье, неожиданно подаренное мне Кириллом из издательства, уже благополучно улетучилось (подумать только, его и хватило всего-то на пару дней!), а на смену ему пришло тягучее осознание бесконечной собственной зрешности, тяжело поднимающееся из подернутых тиной глубин моего муторного «я».

Кстати, надо бы подумать на досуге, как это бывает: ты чего-то ждешь до одурения, а потом, когда это что-то, нако-

нец, происходит, тебе уже, вроде, и не надо. Как будто у тебя всего один режим – «ожидания», точнее даже «томительного ожидания», ни на что другое, включая радость и душевный подъем, ты не запрограммирован. А, может, это мои небесные кураторы по своему обыкновению напортачили? Старый брюзга, молодой лентяй и средний – добряк-флегматик? Может, это их слишком ненадолго хватило, когда главный массовик-затейник отеческим пинком напомнил им о моем существовании? Или как раз он силу пинка не рассчитал?

В общем, как бы там ни было, а существование мое, по моим же внутренним ощущениям, все такое же жалкое, несмотря на договор с издательством «Дор» и зримо маячащий на горизонте гонорар. Нет, пожалуй, еще более жалкое. Потому что раньше я только собственные надежды не оправдывал, ну еще, может, материны и Алкины, а теперь, выходит дело, и Кирилловы. Он-то рассчитывает получить от меня новый вариант романа, так сказать, исправленный и дополненный, а я ни на что такое просто не способен.

... А Серега с Людкой – убить их мало! – все о том же, о чем я и слышать не желаю...

– Ты читал? – Серега назвал фамилию модного и, что самое обидное, действительно талантливое и молодого (обидно вдвойне!) автора, и с чувством щелкнул языком. – Отлично пишет, мерзавец! Кстати, у него недавно новая книжка вышла, надо будет купить.

– Да так, просмотрел, – вяло молвил я и плеснул в рот

водки.

Я ведь давно уже ничего не читаю. Особенно нашумевшего. Полистаю, с тихим злорадством отмечу слабые места, и, заключив для себя, что «как это сделано» мне слишком понятно, успокаиваюсь и перехожу в режим ожидания. Так и не написав, по сути, ни одной книжки, я настолько освоил сам процесс писательского ремесла, что, читая, не могу даже сосредоточиться на сюжете или сопереживать героям повествования, и если меня что-то интересует, так это только приемы, которыми автор безуспешно пытается этого от меня добиться.

Правда, с тем, кого Серега уважительно назвал мерзавцем, было совсем по-другому. Я-то надеялся, как это у меня принято, пробежать его роман по диагонали и с едкой ухмылкой затаиться на своем диване, но вышло наоборот. Уже примерно на третьей странице я понял, что имею дело с книжкой честной, искренней и талантливой тем первым нутряным талантом, какого у меня никогда не было и теперь уже точно никогда не будет.

Слова из Мерзавца лились легко, без натуги и были такими верными, такими единственными, тугими и упругими, как мячики. Не то, что мои – вымученные, извлеченные щипцами, как младенец в трудных родах, а потому синюшные, сморщенные и не подающие признаков жизни. Конечно, опытная акушерка может заставить их задышать и даже издать мышинный писк, но балл по шкале Апгар будет у них

все равно минимальный. В то время как «младенцы» Мерзавца нагло орут во всю глотку и, будучи приложенными к материнской груди, сразу же жадно хватают сосок!

А теперь скажите, за что, за что ему это дано? За какие такие заслуги? Чем, спрашивается, он пожертвовал, что он принес на алтарь? А ничего! И жил-то он, как все: тянул пиво в подворотнях, бегал по девкам, где-то учился – не доучился, был то «белым воротничком», то ресторанным вышибалой, и на тебе – уже к концу третьего своего десятка, едва утолив юношеский сексуальный голод, с первой попытки взял барьер, у которого я полжизни протоптался в нерешительности. По-вашему, это справедливо?

Глава VII

... Нет, не хочу об этом думать. Хочу забыться, да просто выпиться, черт возьми. Что они завелись, в конце-то концов? Надо бы увести разговор в другую степь, не важно, какую.

Я посмотрел на Людку и ляпнул первое, что пришло в голову:

– А как у писательниц с личной жизнью? Так же, как у писателей, или все-таки получше?

– Ну, во-первых, я не писательница, – огорошила меня Серегина знакомица, – я – поэтесса.

– Да, это принципиальная разница, – хмыкнул я, всеми частями тела, вплоть до копчика, ощущая, что мне нужно срочно добирать градус, и бутылки на троих для этого мне будет явно маловато.

– Конечно, – на голубом глазу заявила Людка. – Ведь мы, поэты, на самом деле ничего не сочиняем. Мы только трансляторы, ну, передатчики, – пояснила она тошнотворным тоном, а я в ответ кивнул, как баран, исполненный понимания, что в свете последних Людкиных высказываний ее ноги занимают меня гораздо больше, чем какие бы то ни было глубокомыслия. А она, не ведая о том, продолжила свои «откровения». – Поэтому мы просто записываем то, что нам диктует Бог.

– Ага, а писателям, так надо понимать, диктует черт! – Радостно заржал Серега, весело разливая по рюмкам остатки нашей водки.

– А кто же еще! – с идиотской убежденностью отрезала Людка. По крайней мере, мне так показалось. Хотя, может, она и придуривалась, кто ее знает? – Ведь писателю, чтобы выразить какую-нибудь малюсенькую мысль, которая запросто уложилась бы в одно четверостишие, приходится такие вавилоны городить! Придумывать героев, сюжетные линии, мотивы... А воображения на это требуется немерено. Где ж столько набрать? Только у дьявола. Он ведь затейник!

Моя рука, в которой я держал рюмку, дернулась, водка плеснулась на клетчатую скатерть. Кто не слышал, кого она назвала «затейником»? А кого я сам так называю?

Тем временем не ведающая о моих сложных взаимоотношениях с дьяволом Людка медленно и невозмутимо, как какой-нибудь диковинный коктейль, потягивала водку, приго-

варивая:

– А он специально дразнит... Отпустит порцию вдохновения и смотрит, как ты корчишься, вымаливаешь следующую... Как наркоман в ломках... А ты готов за это душу продать!..

Теперь она вдруг залилась смехом, душевным таким, почти детским, я же судорожно влил в себя водку и механически потянулся за нарезанной треугольниками пиццей: тесто у нее было безвкусное, как вата, а то, что сверху, напоминало гущу из борща.

Потом в поле моего зрения попала довольная Серегина рожа.

– Ну, что я тебе говорил? – Подмигнул она мне сразу двумя глазами. Точнее, одним – мне, другим – Людке. – Вот за это я ее и люблю. У нее никогда не поймешь, когда она шутит, а когда говорит серьезно!

– Да уж, – крикнул я и опасно покосился на Людку, которая с блаженной улыбкой изучала незатейливую роспись на стене нашей кабинки: гондолу, скользящую, так надо полагать, по одной из венецианских улиц-каналов. В гондоле двое, скажем так, итальянцев: один, в черной накидке, – на веслах, второй на лихо закрученном, как ус гусара, вздыбленном носу – с гитарой.

– Этот гондольеро похож на Харона, – наконец изрекла она.

Я хотел сказать, что в таком случае грубо намалеванная

на стене синим водная гладь наверняка Стикс, но не успел. У Сереги зазвонил мобильник, а так как голос у него громкий, мне пришлось бы орать. Людка тоже замолчала. Мы вместе слушали, как Серега уламывает какого-то Костика разделить с нами компанию. Мне, правда, такая перспектива не очень улыбалась – я еще и к Людке не очень-то привык – но вряд ли я имел право возражать: ведь это с самого начала была Серегина затея, и я мог бы под ней просто не подписываться. А раз уж подписался, обязан соблюдать определенные условия. К тому же, оставался шанс, что Костик в данный момент где-нибудь на другом конце Москвы и благоразумно откажется от приглашения.

Однако не тут-то было. Костик подгрел и довольно быстро, как будто специально отсиживался поблизости. До его появления мы только и успели, что прикончить бутылку (а там уже на дне оставалось) и выслушать Людкин рассказ, навеянный настенной живописью в нашей кабинке. Про громадную «фреску» во всю стену женской консультации, к которой она была приписана.

– Я всегда, когда там бываю, плююсь на нее, как идиотка, и пытаюсь осмыслить, хотя, вполне возможно, осмысливать и нечего. Представьте себе: озеро, в нем купаются дети, а у воды стоят женщины в купальниках и встречают выходящих на берег с полотенцами. А вдали, среди деревьев, в поле прогуливаются романтические парочки... Прямо Альмодовар какой-то!

При чем тут Альмодовар, хотел было спросить я, но меня опередил Серега, который рассуждал примерно так же:

– Какой там Альмодовар, не грузись! Прimitивная местечковая аллегория на тему зарождения жизни. Парочки по кустам и одинокие мадонны, вылавливающие чад из этих, как их называют...

– То есть, ты хочешь сказать, что это не озеро, а большое чрево, заполненное околоплодными водами? – Деловито осведомилась Людка, а я принялся основательно размышлять на тему, к какому разряду ее вернее будет отнести: больших оригиналок или еще больших дур? И не debil ли я сам, если мне в голову лезет подобная ерунда?

Тем временем телефон зазвонил теперь уже у меня. Это был Славка, который сходу обрушил на меня радостную весть: у него, наконец, завелись деньги, а также похвальное желание в самые сжатые сроки вернуть мне долг за квартиру. Правда, узнав, где я нахожусь, Славка хотел отложить эту затею до моего возвращения, но я, рассудив про себя, что деньги у него могут испариться столь же неожиданно, сколь и появились, стал настаивать на немедленной сатисфакции. В итоге Славка, изрядно поломавшись, вынужден был мне уступить.

– Хорошо, – буркнул он в трубку недовольно, – но тогда с тебя причитается.

– Давай-давай! – проворчал я надменно, чувствуя себя вершителем судеб.

Не знаю почему, то ли перспектива поправить свое финансовое положение так на меня подействовала, то ли выпитая водка, но я постепенно впадал в невероятно благодушное настроение.

После того, как мы в очередной раз чокнулись, я осведомился у Людки, в достаточной ли степени мы знакомы, чтобы перейти уже на «ты», на что получил благосклонный ответ и, ободренный, вернулся к тому, на чем мы остановились:

– А ты, так надо понимать, принципиально не вступаешь в контакт с дьяволом?

– Почему же? – возразила Людка, одарив меня тягучим, как тесто, взглядом. – По крайней мере, один контакт у нас был.

– Серьезно? – Я подался к ней через стол, без малого его не опрокинув.

– Вполне. – невозмутимо подтвердила Людка. – ... Я тогда была одержима идеей вдохнуть душу в одного зануду, в которого я по непонятной причине по уши влюбилась... Так вот, с этой целью я сочиняла длинный роман про наши взаимоотношения и подсовывала ему главу за главой. Рассчитывала, что, узнав себя в главном герое, он, наконец, поймет, как мерзко со мной поступает...

– И что?.. – заерзал я на стуле.

– Да ничего... Он с удовольствием читал, хвалил меня даже...

– То есть, он себя так и не узнал? – деловито уточнил я.

– Почему, как раз таки узнал! – фыркнула Людка. – Но вместо того, чтобы ужасаться, сгорать от стыда и рвать на себе волосы, невероятно возгордился. Сначала, меня это удивляло, а потом я поняла, в чем причина.

– И в чем же? – трудно сказать, изображал ли я заинтересованность или эта история меня и вправду зацепила.

– Да тут как раз все просто! – судя по всему, Людка оседлала свою любимую клячу. – Поскольку он был законченным эгоистом, то любил себя, так сказать, во всех своих проявлениях. Вплоть до какашек! Впрочем, почему любил? Любит до сих пор.

– Ну, так уж и до какашек! – невольно крикнул я, с внезапной ясностью осознавая, что не хотел бы стать героем Людкиного романа.

На что она, представьте себе, ответствовала:

– Конечно. Он их даже их фотографировал. Причем очень высокохудожественно.

– Гм-гм... Ну, вы, как я понимаю, расстались... А что стало с романом?

– Да что с ним могло случиться? – Людка яростно отпилила ножом кусок пиццы и тут же, утратив к ней всякий ней интерес, резко отодвинула тарелку. – Я его так и не закончила. К счастью! И с удовольствием уничтожила бы! Да что толку, если он в двух экземплярах! Один в моем компьютере, а другой – у этого ничтожества, у которого еще хватало нагло-

сти требовать от меня продолжения и делать всякие ценные замечания. Как будто он что-то в этом понимает! Слышала даже, этот гад по пьяной лавке зачитывает своим новым бабам особо полюбившиеся места...

– Сволочь! – вырвалось у меня совершенно искренне.

– Еще какая! – непримиримо сверкнула глазами Людка. – А ведь обещал мне все стереть! Конечно, ему плевать! Ведь там не его, а моя душа корчится в адских муках, проданная всего-то за пару удачных эпитетов!.. И ради кого? Ради какого-то уроды, которому грош-цена в базарный день!

Видимо, я успел уже здорово набраться, потому что немедленно вспомнил про свою рукопись, в течение долгих лет блуждавшую по издательствам и попавшую в итоге к Кириллу из «Дара», и мне стало не по себе.

– Нет, с этим надо что-то делать! – боднул я головой дымный воздух.

– Что, например? – Театрально всплеснула руками Людка – Он же присвоил себе мою писанину, как военную добычу, как трофей!.. И теперь ее можно только украсть вместе с компом. А как это осуществить технически, если он круглый год безвылазно торчит на своей даче? Работает и то на удаленном режиме. Сейчас, правда, подался в Египет с очередной дурой... Кстати, это случай, но вряд ли я им воспользуюсь...

– Да-а... – протянул я, серьезно настроившись на дальнейшее обсуждение Людкиных мытарств (а чужие мытарства –

моя слабость, так как они дают возможность забыть о своих), но тут наша компания пополнилась Славкой, которого мне пришлось представлять остальным. А точнее, Людке и Костику, потому что с Серегой они уже были знакомы.

Вслед за моим квартирantom на столе возникли новая пицца и чекушка коньяку.

– Отличный вкус! – бодро изрек по этому поводу Славка и уже схватился за рюмку, но я напомнил ему о цели, ради которой он, собственно, и был призван.

Славка разочарованно отставил рюмку в сторону и протянул мне под столом деньги, сопроводив это действие недовольным бурчанием:

– На, на, кровопивец!..

После чего мы продолжили пирушку уже впятером. Я, правда, порывался пару раз вернуться к тому, о чем мы с Людкой говорили перед Славкиным явлением, но за столом стоял такой гвалт, что сосредоточиться на чем-то одном было невозможно. Болтали все одновременно, причем каждый о своем. Кроме Костика, который предпочитал пить и закусывать, и это меня сильно раздражало.

Кто он вообще такой, этот Костик и откуда взялся? В ближайшем Серегинном кругу, который я вроде бы неплохо изучил, я наблюдал его впервые. Впрочем, так же как и Людку. Но она не вызывала во мне такого нарастающего недовольства, как Костик, скорее наоборот, я постепенно проникался к ней доверием и сочувствием. А этот хлыщ с каждой мину-

той вызывал у меня все больше подозрений, но спросить о нем у Сереги, не привлекая внимания остальных, у меня не получалось. Улучить момент и навести о нем справки мне удалось, лишь когда Костик удалился в туалет.

В итоге выяснилось, что он не очень удачливый режиссер, в данное время держит небольшое рекламное агентство и разводится с супругой.

– Ты давно его знаешь? – допытывался я у Сереги, как ревнивая жена.

– Честно говоря, не очень, – отмахнулся Серега, – да не напрягайся ты так, он нормальный парень.

– А чего молчит все время? – не унимался я.

– Я ж тебе говорю, он в расстроенных чувствах – с женой разводится, – пояснил Серега. – Я его потому и позвал, чтобы он немного отвлекся от своего горя. Хотя, может, ему на самом деле радоваться надо.

Меж тем вернулся Костик, которого я на всякий случай побуравил взглядом на предмет выявления признаков глубоких душевных переживаний и, не выявив оных, мысленно попенял Сереге за его умение заводить знакомства с кем попало. Может, конечно, и зря. Потому что, не будь Серега столь общительным, я вряд ли б оказался в одной компании с Людкой, а ее непосредственное со мной соседство нравилось мне больше и больше, ибо, невзначай коснувшись ее коленки, я ощутил слегка подзабытое, но такое приятное волнение, возможно, подогретое алкоголем.

Видимо, по той же причине меня вдруг озарила идея выволить из плена Людкину рукопись, о которой я громогласно, но несколько витиевато объявил:

– Друзья мои, а не совершить благородное дело? А именно – вырвать из вражеских лап одно литературное произведение!

При этих моих словах синхронно жующие Славка с Костиком застыли как в стоп-кадре, а пребывающий в отвлеченном состоянии Серега замотал головой, словно отгоняя невидимых мух. Меня же по понятной причине больше занимала реакция той, ради которой все и затевалось. И она последовала: Людка одарила меня своим знаменитым тягучим взглядом и тихо хохотнула. Сочтя все это хорошим предзнаменованием, я немедленно обратился к ней с вопросом, где располагается дача ее обидчика.

– Кстати, недалеко. Двенадцать км по Ярославке, – поощрительно улыбнулась она, явно ожидая от меня последующих подвигов.

Я же, почувствовав невероятный прилив энтузиазма, стал у нее допытываться, есть ли возможность проникнуть в эту обитель зла в отсутствие греющегося в Египте хозяина. Людка в ответ сообщила, что знает, где «этот козел» хранит запасной ключ.

– Отлично! – довольно потер я руки, чем вызвал смятение в стане наших будущих с Людкой сообщников.

– Чего это вы там задумали? – покосился на меня Слав-

ка. – Хату брать? А ты в курсе, что в У К Р Ф за это статья предусмотрена?

Тут уж меня Людка поддержала:

– Да какая статья? Я же свое забрать хочу, а не чужое! Душу свою освободить!

– Душу? – с сомнением в голосе отозвался Славка. – Это как?

– На месте узнаешь! – заверил я его. Меня буквально переполняла невесть откуда взявшаяся тяга к приключениям. – А что, поехали? – Стал я агитировать Серегу.

Тот поскреб затылок:

– Ты думаешь, это так просто – взять и ввалиться на чужую дачу?

– Да ладно, попробовать-то хотя бы можно, – покосился я на Людку и снова, теперь уже намеренно, ожегся о ее коленку.

– Попробовать? – Серега забарабанил пальцами по столу. – Если только... Но если что, сразу уносим ноги...

Теперь я перевел взгляд на Костика, физиономия которого ровным счетом ничего не выражала. Честно говоря, я на него и не рассчитывал. Обойдемся как-нибудь и сами. Другое дело Славка – его присутствие в нужный момент могло бы способствовать поднятию моего боевого духа.

Однако Славка ни в какую не соглашался участвовать в нашем душеспасительном предприятии.

– Да вы чего надумали! – покрутил он пальцем у виска. –

Это же чистой воды уголовщина! На кой черт мне это случилось? Буду я из-за какой-то души себе автобиографию портить!

– Ну да, ну да, – желчно заметил я, памятую, что он подыскивает себе работу за границей, – ты же у нас на экспорт собрался. Поэтому справедливость тебе по барабану.

– Да какая справедливость? – окрысился на меня Славка. – Вы что тут все – белены объелись? Справедливости им, видите ли, захотелось! На старости лет!

– Ну, раз так, то и без тебя обойдемся, – решительно заявил я и с силой нажал на кнопку вызова официанта.

Скоро на столе появился счет, который я почти недрогнувшей рукой оплатил, не забыв и про чаевые, чем вызвал насмешливое одобрение Сереги:

– Давай, классик, давай. Привыкай быть богатым и щедрым!

Но если честно, щедрость далась мне нелегко, в основном из-за Костика: с какой стати я его кормить-поить должен? А тот, похоже, не нашел в подобном положении вещей ничего странного. Типичный нахлебник!

Что самое интересное, он не отстал и тогда, когда мы стали ловить такси, чтобы добраться до дачи бывшего Людкиного любовника – любителя собственных какашек, и когда мы его поймали, и Людка села впереди, чтобы показывать дорогу, а мы с Серегой сзади, молча расположился рядом с нами. Ну-ну, посмотрим, что дальше будет!

А дальше было вот что. Сначала мы все, за исключением Костика, довольно громко и возбужденно болтали, чем, видимо, действовали на нервы водителю, волевое, с жесткими складками лицо которого я успевал разглядеть в зеркале при свете очередного встречного автомобиля. Несли мы, разумеется, всякую пьяную чушь, до одурения гоготали над довольно посредственными шуточками, выдаваемыми кем-нибудь из нас троих поочередно, и перемывали косточки благоразумно покинувшему нашу компанию Славке.

Однако по мере удаления от кольцевой дороги болтовня наша стала мало-помалу затихать. Я начал мучительно размышлять, куда и зачем мы едем и с чего бы мне в голову втемяшилась блажь тащиться среди ночи за город в поисках приключений, тем более что такого за мной и смолоду не водилось? Меня так и подмывало брякнуть: «Ну, все, хватит, побаловали и будет. Поворачиваем назад!» Но я почему-то молчал и ждал, что это сделают другие, а те, как нарочно, будто затаились. А когда я, вроде, наконец, созрел, было уже поздно, потому что Людка скомандовала таксисту:

– А теперь направо. Видите указатель?

Тот покорно-бесстрастно крутанул руль, и мы съехали с Ярославки. Еще минут десять катили вдоль каких-то невзрачных одноэтажных домишек по плохо освещенной дороге, пока не уткнулись в железные ворота.

– Все, приехали, – изрекла Людка тоном, точь-в-точь таким же, каким в метро объявляют: «Поезд дальше не пойдет,

просьба освободить вагоны».

Мне жуть как не хотелось вылезать из безопасного нутра машины, поэтому, чуть задержавшись, чтобы расплатиться, я выпросил у нашего водителя номер его мобильного, прекрасно понимая, что выбираться из этих подмосковных кущ, да к тому же ночью, будет очень нелегко (номер, впрочем, мне не пригодился ввиду последовавших затем событий). Уже после того, как теплое и уютное такси отъехало, я огляделся и обнаружил нас всех вчетвером, включая и отвергаемого всем моим существом Костика, на большом пустыре, вплотную примыкавшем к коттеджному поселку, огороженному забором из крупной металлической сетки.

– Так нам сюда? – удивленно покрутил головой Серега, уставившись на плотно задвинутые ворота. – А как же мы пройдем?

На что Людка спокойно и невозмутимо ответствовала:

– Да это только спереди забор высокий, а если зайти сбоку, – курица перепрыгнет.

И первая бесстрашно устремилась во тьму.

Мы с Серегой и Костиком, еще немного потоптавшись у запертых ворот под фонарем, гуськом двинулись за нею. А что нам еще оставалось делать в нашем дурацком (кстати, по моей милости) положении?

Глава VIII

Пока мы брели вслед за Людкой по глубокому и довольно грязному мартовскому снегу, алкогольные пары под воздей-

ствием малогазованного подмосковного воздуха улетучивались из нас с такой скоростью, что уже метров через двести Серега озадаченно крикнул:

–Что-то я слишком трезв для таких приключений!

Мне очень хотелось сказать, что я тоже. Но я прикусил язык, памятуя, что идея забраться в эту глухомань принадлежала мне. А что по данному поводу думал Костик, мне было неинтересно: если на то пошло, я его за собой не звал, он сам увязался. Вероятно, вполне отдавая отчет в двусмысленности собственного положения, Костик ничего и не говорил, только сопел.

В конце концов, ведомые Людкой, мы и впрямь очутились перед участком забора, по высоте немногим превосходящим верхушки местных пусть и просевших, но все еще вызывающих уважение сугробов. Взгромоздившись на ближайший из них и обхватив руками ствол стоящего рядом дерева, Людка первой перемахнула через довольно-таки условную ограду, мы тупо, как роботы, последовали ее примеру.

–Это близко, – уже потом, отряхивая с сапог снег, бросила она, вероятно, имея в виду дачу своего бывшего друга – любителя собственных какашек, и в этот момент мы услышали неумолимо приближающийся собачий лай.

–Это что, охрана? – Вскричали мы с Серегой дурными голосами.

– Не знаю, – вздрогнула Людка, – раньше здесь всего один дедок был, божий одуванчик...

Лай тем временем становился все явственней и отчаянней, затем к нему присоединились и громкие возгласы, и в какое-то мгновение мы все, не сговариваясь, бросились назад: через забор и сугробы, и дальше, не разбирая дороги...

Не знаю, что чувствовали при этом другие, а мне казалось, будто я не бегу, а лечу, как в детстве, во сне, преодолевая препятствия без каких-либо усилий, одним порывом воли. Вероятно, мы неслись так довольно долго, после чего, опять же не сговариваясь, резко остановились, осознав, что давно уже не слышим ни лая, ни криков. Что еще более удивительно, при этом мы не только не валились с ног от усталости, но даже не запыхались!

– Да-а, хороший кросс мы дали! Со школьных времен так не бегал! – с изумленной гордостью произнес Серега.

А потом мы стали буквально наперебой пересказывать друг другу особенно яркие эпизоды нашего позорного (или отважного?) бегства, захлебываясь от спорадического хохота и избытка чувств. Людка, заметно помолодевшая в ходе забега, смеялась громче и залиvistее всех, поэтому я с большим удовольствием как бы невзначай приобнял ее за талию, а она, что особенно приятно, отнеслась к моему маневру вполне благосклонно. Не знаю, сколько бы продолжалось такое наше всеобщее веселье, если б Серега не прервал его озабоченным возгласом:

– Стоп, а где Костик?

Мы с Людкой огляделись (я при этом продолжал ее осто-

рожно тискать): Костика и впрямь поблизости не наблюдалось, что, впрочем, меня ничуть не расстроило, о чем я тут же Сереге и заявил:

– Что ты так о нем переживаешь? Найдется, не маленький!

– А вдруг его схватили? – запаниковал мой дружок.

– Ага! – подхватил я почти радостно, – Убили и скормили злобным волкодавам, чтобы сэкономить на собачьем корме!

– Да ну тебя! – отмахнулся от меня Серега и, сложив ладони рупором, начал громко звать. – Костик! Костик!

Мы с Людкой переглянулись и составили Сереге компанию. Я тоже кричал «Костик!», причем нарочито жалобным голосом, а Людка обращалась к пропавшему Серегиному приятелю длинно и почти официально: «Константин!». Толку, правда, от нашего коллективного выкликания было с гулькин нос: Костик так и не отозвался.

– Придется искать. – нахмурил брови Серега.

– Уж не предлагаешь ли ты вернуться? – осведомился я.

– А ты предлагаешь его бросить? – отрикошетил встречным вопросом Серега.

– Ладно, пошли, – кивнул я, не отнимая руки от Людкиной талии.

И мы жидкой цепью двинулись в обратном направлении, силясь припомнить, где и когда он мог от нас отстать. По всему выходило, что это было в тот самый драматический момент, когда мы перебирались через забор коттеджного по-

селка. А потому вывод напрашивался неутешительный: скорее всего, Костик попал в руки наших преследователей, а значит, помочь ему и не оказаться в том же самом положении, будет нелегко. Осознав эту трагическую реальность в полной мере, я попытался довести ее до Сереги, но тот ничего не желал слушать. Хорошо, решил я, снова заслышит собачек – сам образумится, хотя перспектива второго за час марафона меня по понятной причине не вдохновляла.

Какова же была моя радость, когда наша пропажа обнаружилась примерно в полпути от дачного поселка, в котором проживал Людкин любитель собственных какашек. Кстати, то, при каких почти фантастических обстоятельствах мы нашли Костика, так живо врезалось мне в память, что разбудите меня через двадцать лет (если я столько проживу, в чем сильно сомневаюсь) посреди ночи и назовите его имя, я буду биться от приступов хохота до утра. Так вот, нашли мы его безмятежно спящим, сидя верхом на довольно высокой полуразрушенной ограде непонятно чего, которую мы втроем в ходе недавнего забега благополучно обогнули. А, Костик, судя по всему, решил взять приступом, но не рассчитал, что именно в этот момент его сморит крепкий сон.

Какое-то время у нас ушло на немое созерцание открывшейся перед нами картины. Еще минуту или две после обретения дара речи мы дружно недоумевали, как можно было заснуть в таком положении, и лишь после этого принялись тормозить Костика. Тот очнулся не сразу, а открыв глаза,

долго смотрел на нас с таким недоумением, словно увидел зеленых человечков.

В итоге с забора мы его стащили, а вот поставить на ноги так и не смогли: Костик все время валился на бок и свертывался в калачик с такой ловкостью, словно позвоночника у него не было вовсе. Пришлось нам с Серегой волочь его на себе. Разумеется, большого удовольствия мне это не доставило, а потому я всю дорогу ворчал на Серегу и язвительно интересовался, откуда он берет таких приятелей.

– Он что у тебя Скорцезе или, на худой конец, Эйзенштейн, чтобы я из-за него пупок развязывал? – пытал я своего дружка.

– Нет, он всего лишь второй режиссер на проекте «Злыдни», – отдуваясь, шипел на меня Серега.

– Тогда я тебя не понимаю! – не унимался я. – Стоит из-за такого надрываться?

– Поверь мне, стоит, – неожиданно серьезно ответил мне Серега, – ты же знаешь, что в ящике приличные, а, главное, быстрые деньги. На этих «Злыднях» можно за пару дней двадцать кусков срубить.

– Ты серьезно? – с сомнением покосился я на Костика. – И что, все зависит от него?

– Ну не только, но если он замолвит словечко... – пропыхтел Серега. – А вообще там такие сценарии – короче, как два пальца... Двадцать кусков – всего лишь за печатный лист примитивных диалогов: «да», «нет», «ах», «ох»!.. Да если б

мне такие бабки в издательстве платили, я бы уже давно где-нибудь в Майами жил, как все порядочные люди...

– Допустим, – я остановился, чтобы немного передохнуть, – но я думаю, там у них отбою нет от желающих на такую-то халяву, и тебе придется еще долго его поить, чтобы попасть в число прикормленных.

– Что делать? – Нервно дернул кадыком Серега, – Я уже не в силах сутками торчать перед компом, чтобы добыть себе хлеб насущный. – И не отказал себе в удовольствии – запулил увесистый булыжник в мой огород. – Не все же в одночасье классиками становятся!

– Зато эти классики платят за твоего режиссера! – напомнил я Сереге и посмотрел на идущую впереди Людку, которая, похоже, сама с собою разговаривала, увлеченно жестикулируя при этом руками. – У тебя с ней что-нибудь было?

– С Людкой-то? – переспросил Серега и замотал головой. – Нет.

– Почему? – Насторожился я. – она что... В смысле, с ней лучше не связываться?

– Да нет... Я бы так не сказал. – молвил Серега не очень уверенно. – Просто я ее сто лет знаю. А в этих делах, сам знаешь как: или сразу, или никогда.

И мы, подхватив Костика под руки, снова потащили его к спасительно гудящей и мельтешащей огнями Ярославке. Кстати, там, вопреки моим опасениям, мы очень быстро поймали такси. Людка села впереди, рядом с водителем, мы с Се-

регой и Костиком сзади, хотя последнего по-хорошему следовало бы загрузить в багажник. А то не хватало еще, чтобы его укачало, и он всех заблевал! Однако Костик выкинул фортель почище.

И ведь поначалу ничто как будто и не предвещало! Мы спокойно катили по ночному шоссе, и я уже слегка задремал, когда Костик неожиданно вышел из ступора и заговорил. Да как цветисто! На смеси отборного мата и тюремной фени! Чем-то ему ни с того, ни с сего не приглянулся наш таксист, который индифферентно крутил свою баранку и даже не смотрел в его сторону. А кончилось это тем, что водила, опять же не отрывая взгляда от дороги, спокойным, но крайне убедительным тоном посоветовал Костику заткнуться. А также сообщил ему (да и нам заодно), что выражаться на фене у Костика нет никакого морального права, в чем он лично твердо убежден как человек, отрубивший на зоне десятку.

В салоне сразу повисла тягостная тишина. Правда, ненадолго. Теперь рот открыл Серега, который необыкновенно вежливым, по-пионерски звонким голосом поинтересовался:

– Позвольте узнать, а за что вы такой срок мотали?

В ответ последовала сакраментальная фраза:

– А ты как думаешь?

За нею – новая порция зловещей тишины.

Я уже начал готовиться к тому, что наша поездка может

закончиться мордобоем на обочине, но Людка разрядила обстановку.

– Да не слушайте вы их, – прощebetала она самым беззаботным тоном из всех возможных, – они же пьяные!

– Это я уже понял, – хмыкнул водила, и инцидент на этом был исчерпан.

Дальше, до самой кольцевой, мы ехали в полном безмолвии, а что касается Костика, то он снова впал в состояние, граничащее с анабиозом, а, может, просто притворился, что впал. Недаром он мне с первой минуты мутным показался, а потому Серега – легковёрный болван, если на него рассчитывает.

– Где он живет? – спросил я у Сереги уже на проспекте Мира.

– На Пражской, – немного застенчиво отозвался этот сердобольный.

Я присвистнул:

– Ну, тогда ты его сам туда повезешь.

– Да ладно, пусть у меня заночует, – подумав, сказал Серега, а я решил, что раз так, то к нему первому и поедem. А Людку я возьму на себя.

И уже через четверть часа, мы целовались с ней в лифте, который возносил нас на седьмой этаж.

Назавтра, проснувшись и далеко не утром в Людкиной кровати, я не то чтобы сильно удивился, так как в самом этом факте не было ничего экстраординарного, а, скажем так, ис-

пытал некоторую неловкость. Откровенно говоря, меня одолевали сомнения относительно того, что делать дальше. Будить ли мирно посапывающую у меня под боком хозяйку, или смыться по-английски? Второй вариант выглядел предпочтительнее по причине мучившей меня жажды. Проблема же была в том, что покинуть кровать я мог, только перебравшись через Людку, поскольку лежал у стенки (и как меня только угораздило?)

Делать нечего, подняв с подушки тяжелую голову, в которой что-то оторвалось и пришло в хаотическое движение, я, зависнув над широко раскинувшейся Людкой, уже опустил одну ногу на пол, когда где-то в постели громко запел мой мобильник. Мысленно наградив звонившего мне в столь неурочный час последними словами и замерев в неудобной позе, я стал судорожно шарить рукой под одеялом, ускользающий телефон тем временем продолжал разрываться. В итоге я его все-таки нащупал под подушкой, но Людка к тому моменту уже успела пробудиться.

– Привет! – сказала она и сладко потянулась, сощурившись, как кошка.

– Привет, – процедил я в ответ и приложил мобильник к уху, успев заметить, что звонит мне Славка.

– Ты домой думаешь возвращаться? – сразу огорошил он меня вопросом.

– А тебе-то что? – недовольно пробурчал я, хотя сам только об этом и мечтал.

– А то, что собака твоя выла всю ночь и воет до сих пор, – мстительным тоном сообщил Славка.

– Так покорми ее!

– Уже кормил!

– Так выгуляй!

– Интересно как, без поводка? – пробурчал Славка, и я вспомнил про поводок, который лежал в кармане моей куртки.

– Ладно, я уже иду, – пообещал я Славке и с размаху упал в Людкины объятия, правда, успел ей сказать, что меня ждет собака.

– Ничего – мы недолго, – заметила на это Людка, после чего мы еще полчаса катались с ней по кровати.

– Однако! – Крякнул я, очутившись наконец за Людкиной дверью. И это все, на что я был способен, потому что давненько не встречал такого темперамента. Да и вообще эта часть жизни в последнее время стала для меня не то, чтобы необязательной, а слишком рутинной и сугубо физиологической...

А ведь, казалось бы, еще недавно женщина требовалась мне не реже раза в три недели, теперь же я вполне обходился без любовных утех по два месяца и больше. При этом перспектива когда-нибудь окончательно утратить интерес к плотским утехам приводила меня в состояние панического ужаса. И дело тут не в моих физических способностях, теоретически я мог бы и куда чаще (что показала история с Ган-

дзей), просто я вступил в пору, когда секс мало-помалу стал утрачивать ту самодостаточность и безусловность, которую он имеет в годы юности.

Притом что мысли о нем посещали меня с прежней регулярностью, загвоздка была в мотивации. Допустим, возникал во мне такой порыв, теплился минуту-другую, а потом затухал. А все потому, что его претворение в жизнь требовало от меня конкретных действий. Как минимум, позвонить кому-то из старых подружек. Говорить им какие-то благоглупости, выражать какие-то эмоции... А я вдруг обнаружил, что именно эти само собою разумеющиеся ритуалы отнимают у меня гораздо больше физических и нравственных сил, чем то, чему они предшествуют и ради чего затеваются. А если прибавить к уже перечисленному дурацкую женскую привычку, устроившись после всего на твоём плече, нести блаженную чушь, которую ты должен терпеливо выслушивать... И это тебе не телефонный разговор, легко прерываемый на полуслове, и не праздная болтовня с продавщицей в магазине – самый простой способ восполнить дефицит общения на короткое время, а ты изволь – внимай.

К тому же в последний раз сподобившись на полный цикл общения с женщиной, я не испытал ничего, кроме утомления и разочарования. И зачем я все это затеял, спрашивал я себя потом. Столько бессмысленной суеты из-за нескольких минут сомнительного удовольствия! А эта несчастная, которую я заманил в свою берлогу (кстати, она была не из числа

моих постоянных подружек) явно рассчитывала на «продолжение банкета». Ходила по комнате в моей рубашке, сверкая голыми, молочно-белыми ногами, соблазнительно присаживалась на диван, смеялась, запрокидывая голову... В то время как я тихо ее ненавидел, одновременно осознавая: хоть к истинным джентельменам меня и не отнесешь, свой долг мне придется выполнить. Что я и сделал, тупо и монотонно, уставившись в стенку и стиснув зубы.

Сегодня же, выйдя от Людки, даже несмотря на признаки похмелья средней тяжести, я ощущал что-то вроде прилива сил, сопровождаемого легким жжением и покалыванием во всех частях тела. Как будто мою кровь подогрели на несколько градусов, отчего она побежала по венам быстрее и веселее. Я даже поймал себя на том, что мурлыкаю себе под нос какой-то навязчивый мотивчик, чего со мной давненько не водилось. И это мое состояние стало еще блаженнее, когда дома под ноги мне с радостным визгом бросилась приبلудная Псина.

– Что, говорят, ты тут без меня плохо себя вела? – Пожурил я ее, пока она крутилась вокруг меня. Потом присел, стиснул ее морду в ладонях и заглянул в желтые глаза. В них не было ни капельки вины, зато столько радости, что на ум мне пришла Настя, но тут я сказал себе: «Стоп, дальше запретная зона!».

Вслух же, обращаясь к собаке, я произнес совсем другое:
– Ладно, прощаю на первый раз. Кстати, я припас тебе

подарочек.

И принялся шарить по карманам куртки в поисках купленного накануне поводка, но его там не было. Потерял-таки, пропойца!

– Ну вот, осталась ты без подарка. – со вздохом признался я Псине. – Сама виновата: надо было себе хозяина получше выбирать!

У меня мелькнула было мысль, взять ее завтра с собой к матери, куда я всерьез собрался, но я тут же ее отбросил, вовремя сообразив, что это вряд ли обрадует Алку. Что ж, придется задабривать Славку!

Глава IX

За те несколько месяцев, что мы не виделись, мать, как мне показалось, здорово сдала. Она и прежде не отличалась крепким здоровьем, а с тех пор, как умер отец, стала совсем слаба. У нее постоянно скакало давление, а в прошлом году случился микроинсульт. Алка тогда устроила мне страшный разнос, обвинив в бесчувственности. В итоге я на целую неделю переселился к ним на дачу и исполнял все ее прихоти. Кончилось это, правда, тем, что мы крупно поскандалили: я указал Алке на то, что у нее, на минуточку, есть еще муж и двое вполне взрослых детей, которых, между прочим, вырастила наша с Алкой общая мать, а, значит, ей и без меня найдется кем покомандовать. Алка, разумеется, от такого моего свободомыслия не на шутку разъярилась, и мне пришлось быстро сматывать удочки, благо, к тому моменту ма-

тери стало значительно лучше.

Теперь же мы с Алкой сидели бок о бок напротив матери и дружно изображали любящих родственников. Алка почти живо интересовалась моими делами, я без особого раздражения отвечал на ее идиотские вопросы. Мать смотрела на меня и тихо улыбалась. Могу себе представить, чего стоила бедной Алке эта сцена! Ведь ее с самого детства мучила страшная ревность. Она всегда считала, что мать любит меня сильнее, чем ее. Причем совершенно незаслуженно. Да, собственно, так оно и было, и я сам это знал, но что я мог поделать? Попробуй – объясни Алке, что любовь – штука иррациональная. Любят не за то, что есть, а за то, что могло бы быть. Тут все завязано на воображении. Впрочем, родительская любовь – явление отдельное, а потому мы с Алкой по гроб жизни будем мучиться каждый своим: она обидой за то, что получила этой любви меньше, чем ей требовалось; я – угрызениями совести за то, что мне незаслуженно отпустили лишку.

Наверное, я таким родился. Хотя сначала ничего как будто не предвещало, даже наоборот. Я был хорошим, послушным мальчиком. Меня хвалили воспитательницы в детском саду и учителя в школе, в которой я, как принято выражаться, шел на медаль, да так и не дошел. В последний момент сорвалось – получил четверку по алгебре. Помню, переживал, из-за того, что не оправдал надежд родителей и классной руководительницы и жутко завидовал Алке. Той в ту по-

ру жилось куда как легче, потому что от нее никогда ничего не ждали. Говорили: да что с нее взять, выйдет замуж более-менее, да и ладно.

Училась она из-под палки, родители бились с ней, бились и, в конце концов, махнули рукой, направив нерастраченную энергию на младшенького. То есть на меня. И это вышло мне боком, а точнее, чертовой уймой комплексов, которыми я маюсь и поныне.

Та же Алка при каждом удобном случае поминает и мне, и матери, что, когда она в старших классах стыдилась своих немодных сапог, мне было куплено пианино, а разве я стал великим музыкантом? И вообще, разве я хоть кем-то стал? И крыть мне, как говорится, нечем. Точнее, я, наверное, мог бы сказать, что никого не просил покупать мне пианино, что ненавидел гаммы и вообще не собирался становиться музыкантом, ни великим, ни заурядным, но кого это интересовало? Много ли хорошего я поимел с того, что в меня вбухивались отрываемые от Алки деньги и напихивались разнообразные знания? Возможно, моя жизнь сложилась бы куда счастливее, будь я простым работягой, к примеру, часовщиком. Сидел бы себе, ковырялся в винтиках, шпунтиках и пружинках и не помышлял ни о каком писательстве. Мои руки были бы постоянно заняты, а голова работала только на то, чтобы поставить перед ними нужную задачу, и не отвлекалась бы на всякие там рефлексии и прочую ерунду.

С другой стороны, к тому, что у меня вдруг обнаружился

писательский зуд, ни мать, ни тем более Алка никакого отношения не имели. Никто меня на этот путь не благословлял, я сам перед собой его зачем-то обозначил, а потому винить мне некого, разве что себя. Что касается матери и Алки, то они, наверное, согласны были бы видеть меня сегодня хоть кем-нибудь, хоть скучным и обрюзгшим отцом семейства, хроническим подкаблучником, лишь бы при деле. К их стану примыкал и Алкин муж Анатолий, правда, вынужденно и исключительно потому, что сестрица постоянно капала ему на мозги по поводу моей неустроенности. Анатолий даже предпринимал попытки мне помочь, по крайней мере, так он считал: находил мне «достойную» работу пиар-менеджера в том самом банке, в котором он сам теперь сделал карьеру, дослужившись до вице-президента. А когда из его затеи ничего не вышло (я отказался), с чувством выполненного долга «умыл руки» и всякий раз, как Алка поднимает мою тему, демонстративно закрывается «Коммерсантом».

Кстати, имеет полное право, и я за это на него не в претензии. И вообще я должен был бы испытывать к нему чувство благодарности за мать, которая на старости лет живет в хороших условиях. Он-то, в отличие от меня, возлагаемые на него надежды оправдал, во всяком случае, в качестве мужа и зятя. Из простого паренька с рабочей окраины выбился в «люди», а с ним вместе и Алка, которая всемерно ему на этом пути помогала и чуть ли не грудью дорогу прокладывала. Ее старания не пропали даром, и сегодня она может

себе позволить не работать, покупать шмотки в дорогих магазинах, отдыхать на модных курортах, учить своих детей за границей, а также считать меня полным ничтожеством, нуждающимся в ее покровительстве и бесконечных наставлениях. Да, между прочим, чего это она молчит? Когда уже начнет объяснять, как неправильно я живу? И вообще какая-то, не такая, как всегда? Надо будет у матери поинтересоваться, когда представится случай.

Он, правда, все никак не представлялся, а потом я, как это со мною водится, забыл, о чем хотел спросить. Тем более мать засобиралась к отцу на кладбище, куда мы с ней отправляемся в каждый мой приезд. Она считает это важным, я же не очень уверен в том, что это кому-нибудь, кроме нее, нужно. Не потому, что я такой уж материалист, просто не люблю ритуалы, находя в них много искусственного. Разве кто-нибудь доказал, что покойники нуждаются в подобных визитах вежливости? Однако послушать мою мамочку – именно так оно и есть: «Ах, как же мы давно не были у отца!». Притом что, я знаю, с Алкой они это делают регулярно. Благо, отец похоронен не в Москве, а на деревенском кладбище, неподалеку от дачи, по настоянию матери, которая хотела быть к нему ближе и, навещая могилу, меньше зависеть от посторонней помощи.

Когда мы собрались, Алка вызвалась нас подвезти, но мать от ее услуг отказалась, сославшись на то, что ей полезно будет пройтись. А на замечание о том, что на улице весенняя

распутица, только поморщилась: «Но я же не одна иду». Из чего я сделал вывод, что Алка утомляет ее своей чрезмерной заботой, по крайней мере, время от времени. А может быть даже, и присутствием. Во всяком случае, всякий раз, как я приезжаю, мать хочет побыть со мной наедине, притом что собеседник из меня никакой, и, сделав пару попыток меня разговорить, она довольствуется тем, что сидит со мною рядом, периодически задавая односложные вопросы, типа: «А что, в Москве душно (или скользко, пыльно и т. д.)?» И дело тут совсем не в том, что у нас плохие отношения, просто внутри меня какой-то барьер, который я не могу преодолеть, прекрасно зная, что буду потом об этом жалеть. Собственно, я жалею уже сейчас, но ничего не могу с собой поделать. А могу только, как сейчас, идти с нею об руку, бережно поддерживая ее под локоть и повторяя: «Осторожно, осторожно, не оступись...».

Таким порядком мы добираемся до кладбища, небольшого по московским меркам, и какого-то по-домашнему уютного, по крайней мере, летом, когда оно тонет в буйной зелени. А сейчас, ранней весной, для погоста не лучшее время: кое-где показавшиеся из снега могилы сиротливо выступают из-за голых стволов, а покойники на фотографиях выглядят растерянными, словно их застали врасплох. Как бывает, когда гости пожаловали в неурочный час, а хозяйка еще не успели привести себя в порядок, не причесаны, заспаны и, позевывая, шляются по квартире в пижамах и халатах. Ну

вот, и стоило их беспокоить?

Впрочем, еще недавно посещение кладбища вызывало у меня совсем другие чувства. Раньше я старался прошмыгнуть к могиле отца, не глядя по сторонам и спрятав голову в воротник, в подспудной надежде, что так я попадусь на глаза меньшему количеству покойников, и все же поеживался под их укоризненными устремленными мне в спину взорами, хотя в них не было никакой неприязни, скорее уж снисхождение:

– Что, все еще бегаешь? Ну-ну....

В этот же раз я сам с каким-то необъяснимым любопытством всматривался в лица усопших на крестах и памятниках, мимо которых пролегал наш путь, а они точно стеснялись моего пристального взгляда и старались отвести глаза...

– ...Ну, здравствуй, мой хороший, – мать стряхнула остатки рыхлого снега с отцовского надгробия, очень скромного – опять же по ее настоянию, хотя поначалу Алка вынашивала планы размахнуться, чтобы, как говорится, не хуже, чем у других, было.

– Еще чего! – отрезала тогда мать. – Закатают несчастных покойников в бетон. Специально, что ли, чтобы не вылезли, не дай бог?

Признаться, я, по своему обыкновению, в этой дискуссии не участвовал, но мысленно был на стороне матери. По причине, о которой уже поминал выше: мертвым уже ничего не нужно, а живым надо быть скромнее, не выпячиваться без

особого повода. Тем более, на свете, и помимо кладбища, много мест, где можно продемонстрировать свои материальные возможности.

В итоге могила у отца получилась больше похожая на клумбу, вся усаженная цветами и с большим кустом сирени в головах. Сейчас, правда, вся эта красота дремала в мокрой земле вместе с отцом, дожидаясь своей поры, когда сквозь кроны кладбищенских деревьев пробьются косые солнечные лучи.

Мы с матерью присели на совершенно сухую к моему удивлению скамейку в оградке и затихли, точно сами умерли. В стороне глухо шумела трасса, по которой москвичи неслись на свои дачи, а в глубине погоста робко и неуверенно распевались какие-то птицы, то ли уже успевшие прилететь с юга, то ли остававшиеся здесь с осени...

– ... Послушай, Петя, я давно хотела у тебя спросить, – нарушила тишину мать, и я сразу почувствовал, что зря она это затеяла. – Эта девушка, Оля, кажется, ты ничего о ней не знаешь? Как ее жизнь сложилась?

– Не знаю, – я, наклонившись, поднял с земли ветку и стал равнодушно тыкать ею в бугорки слежавшегося снега.

– А я все чаще ее вспоминаю, – мать продолжала развивать тему, которая, как ей, вероятно, представлялось, была для меня болезненной, в чем она на самом деле глубоко ошибалась.

– Ма, ну зачем ты об этом? – поморщился я и ткнул вет-

кой в пожухлый сугроб с такой силой, что она сломилась посередине.

– Ах, Петя, – мать то ли вздохнула, то ли всхлипнула, – мне кажется, мы так виноваты, так виноваты перед тобой...

– Ма, ну не нужно, – буквально взмолился я.

Но, видимо, она долго собиралась с духом, прежде чем начать ворошить эту давнюю историю, а потому должна была выговориться:

– А если ребенок все-таки был... Или есть?

– Ой, да ладно тебе, – я смирился с тем, что мне придется испить эту чашу до дна, – какой ребенок? Если там что-то и было, она наверняка сделала аборт. Ни она первая, ни она последняя...

– Ой, что ты говоришь, что ты говоришь, Петя! – мать грустно покачала головой, но больше ни слова об этом ни сказала.

Мне стало ее безумно жаль. Бедная, ну зачем она так переживает о том, что случилось так много лет назад? Еще, небось, и Алку укоряет за то, что она проявила тогда особенное рвение. Выследила Ольгу возле общежития и устроила разнос под лозунгом: «Ничего у тебя не выйдет, милочка!»

Я же со своей стороны по прошествии лет склоняюсь к тому, что из этой затеи ничего не вышло бы и без Алкиного с матерью участия, и по большому счету я должен их благодарить за приложенные тогда усилия. Тем более что они не были такими уж титаническими, и прояви я характер – я

бы своего добился. Но я его не проявил и, по сути, предпочел отсидеться за их юбками. Мне даже не пришлось принимать решения, все сделали мать и Алка, сплавив меня от греха подальше к двоюродной тетке в Калугу. А причина всего лишь в том, что Ольгу я не любил, и между нами не было ничего сколько-нибудь романтического. Тем удивительнее, что я сделал ее лирической героиней романа, который я сейчас наскоро обстругивал по заказу дьявола в лице Кирилла из издательства «Дор».

Еще немного посидев, мать поднялась со скамейки, сказала свое ритуальное «Ну, до свидания, мой хороший», и мы двинулись в обратный путь. А когда мы были уже за оградой, невзначай (точно невзначай, потому что про это она ничего не знала) обронила:

– Настя приезжала, в гости заходила...

А вот это был удар, я даже пошатнулся, и теперь уже мать подхватила меня под локоть, решив, что я поскользнулся. Настя... Моя фантомная боль... Единственная из бывших подружек, с которой я не поддерживаю никакой связи, в том числе и виртуальной, хотя в моем почтовом ящике есть ее электронный адрес, и она сама мне поначалу писала из своей Ирландии. И сейчас я мог бы в любой момент послать ей весточку, поплакаться, пожаловаться на приближающуюся старость, но только теоретически. Осуществить это на практике было бы слишком больно. Мне так ее не хватало в этой жизни! И ровно поэтому я ей не писал и не искал с ней встре-

чи. Притом что с той же Ольгой, которую я бы, наверное, не узнал, попадись она мне на улице, я бы запросто возобновил приятельские отношения, будь у нее желание.

– У нее все хорошо, – меж тем сообщила не ведающая о моих муках мать, – хорошая девочка, солнечная. Спрашивала про тебя, привет передала.

– Спасибо, – с трудом шевельнул я губами, проклиная свое воображение, которое тут же подсунуло мне картинку по случаю: «солнечная» Настя сидит в Алкиной гостиной, пьет чай и рассказывает про свои прогулки по Пикадилли, или что там у них в Ирландии? Мамочка, расположившись напротив, внимает ей и расспрашивает про житье-бытье с мужем-бизнесменом. А я в это время корчусь у себя в Замоскворечье на диване, не в силах ее забыть.

Слава Богу, больше о Насте мать ничего не сказала, но и того, что она уже успела, мне хватило, чтобы почувствовать себя простреленным навывлет. А уже в конце пути, на подходе к дому, она преподнесла мне новый сюрприз, тихо промолвив:

– У Анатолия есть любовница.

– Алка знает? – задал я заведомо глупый вопрос. Откуда бы сама мать про это знала, если не от Алки?

Что, собственно, и подтвердилось. А вот дальше наша родственная болтовня потекла в совсем уже неожиданном русле.

– Ты должен с ним поговорить! – заявила мать.

– О чем? – опешил я.

– Как о чем? Ему нужно дать понять, что нельзя так поступать с женщиной, которая посвятила ему всю свою жизнь.

– Ну да, она посвятила, кто бы спорил, но этот глагол в прошедшем времени, ты не заметила? – вырвалось у меня непроизвольно. – И вообще, пусть они сами разбираются. Он что, разводиться хочет?

– Да нет, что ты, – испуганно возразила мать, – и ни о чем таком разговора, слава Богу, не было. Но женщины всегда знают, когда у мужа кто-то есть...

– Ах, ты про это! – отмахнулся я. – Тогда зря вы переживаете. Анатолий мужик денежный, было бы странно, если б на него не вешались девицы. Хотя, на месте Алки, я бы держал этот процесс под контролем, что, судя по всему, она и делает.

– И все же, было бы лучше, если б ты с ним об этом поговорил, – продолжала настаивать мать.

– Нет, но как ты себе это представляешь? – начал злиться я. – Как я буду читать ему мораль? По какому праву? И где? В его собственном доме?

– Нет, только не здесь, – хоть в этом согласилась со мной мать, – будет лучше, если ты с ним в Москве встретишься... На работу к нему зайди. И тактично с ним поговори, не задевая самолюбия. По душам, одним словом...

У меня, простреленного навывлет, больше не было сил спорить, а потому я неопределенно изрек:

– Ладно, посмотрим...

Ну, не доказывать же ей, что кабинет вице-президента крупного банка – не место для выяснения семейных отношений!

Дома нас с обедом ждала Алка, которая по-прежнему выглядела непривычно притихшей, но теперь мне было понятно почему. Выбравшись из-за стола, я еще немного посидел в гостиной для приличия и засобирался в Москву.

– Остался бы ночевать, Петя, – попросила мать.

– Не могу, – я сделал вид, что расстроен, – меня собака ждет.

– Какая еще собака? – подозрительно уставилась на меня Алка.

– Обыкновенная собака, – терпеливо пояснил я, – серая такая, которую нужно кормить и выгуливать.

– О, господи, только собаки и не хватало! – выдавила из себя Алка и покачала головой. Хорошо хоть пальцем у виска не покрутила, и на том спасибо.

Я поцеловал мать в щеку, а Алку куда-то возле уха и потащился на станцию, и пока я шел, холодный ветер свистел сквозь пулевые пробоины во мне. В электричке я забился в самый дальний угол и до самого вокзала травил себя воспоминаниями о Насте.

О той Насте, что росла себе на соседней даче в те времена, когда я уже жил один в Замоскворечье, ходила к моей матери заниматься французским, а однажды закончила универ-

ситет (одновременно развелась с первым мужем) и заглянула на огонек к своей бывшей учительнице. Причем звезды сошлись так, что именно в один из тех редких дней, когда там был я.

Боже, какая же она была красивая! Но почему была? Она, наверняка, все такая же, а, может, и еще красивее. Ей ведь сейчас двадцать семь – возраст расцвета для женщины. А тогда было чуть больше двадцати. Настроение после развода – море по колено, а потому я почти уверен, закрутила она со мной назло бывшему муженьку, объевшемуся груш. Но я и на это был согласен, больше того, почитал за счастье, потому что никто за всю жизнь не подарил мне столько радости, как Настя, причем абсолютно мимоходом, за какую-то пару летних месяцев! А потом она вышла замуж во второй раз и уехала в Ирландию, но у меня не осталось на нее ни зла, ни обиды, только щемящая боль. Так бывает, когда навсегда расстаешься с чем-то бесконечно для тебя дорогим. А еще временами мне кажется, что на самом деле я испытываю к ней почти отцовские чувства...

Впрочем, хоть Настя в моих воспоминаниях и была маленьким заводиком по производству беспричинной радости, за полчаса пути она умудрилась измочалить меня до такой степени, что на московский перрон я ступил совершенно обессиленным и выжатым, как лимон. Можно себе представить, что было бы со мной, если б я увидел ее воочию! Я бы, наверное, умер на месте от несбыточного счастья, и ме-

ня похоронили бы рядом с отцом. А так я, по крайней мере, остался в живых. Хотя еще неизвестно, что на самом деле лучше.

Я задумался, хотелось бы мне, чтобы Настя приходила на мою могилу, и решил, что, скорее да, чем нет. А вот насчет остальных я бы не поручился. Нет-нет, мне совсем ни к чему эти ритуальные топтания в ногах, они будут только отвлекать меня от главного. Я даже придумал, что скажу тем, кто соберется у моего смертного одра, при условии, что такие найдутся. Я скажу им: не плачьте обо мне, ведь меня, в сущности, нет уже давно, а, может, никогда и не было.

Глава X

...Однажды Настя сказала:

– Поедем в Терпенье набраться терпенья.

–Что? – я почему-то все время ее переспрашивал, как глухой. Скорее всего, примитивно выгадывал время, чтобы сформулировать ответ поумней да поизящней. Ведь я хотел выглядеть в ее глазах лучше, чем был на самом деле.

–Поедем в Терпенье – запасёмся терпеньем, –спокойно повторила она.

– Это как? – полуобернувшись, я посмотрел на неё сверху и немного сбоку: в этом ракурсе Настя казалась мне особенно прекрасной.

– А это так, что завтра мы отправляемся в путешествие. В семь утра я за тобой заеду – будь готов, – объявила она нетерпящим возражения тоном, который меня почему-то

особенно в ней умилял. Может, потому, что все инфантильные мужчины вроде меня, отчасти подкаблучники, отчасти – Гумберты Гумберты, а с Настей я имел счастливую возможность ощущать себя и тем, и другим практически одновременно. Это уже потом вторая эмоциональная составляющая моего к ней отношения трансформировалась в чувство, близкое к отцовскому. По крайней мере, так я определил его для себя много позже, предаваясь тщетным и томительным воспоминаниям на диване. Впрочем, уже тогда я иногда называл её «ребёнком», и ей это нравилось.

Назавтра она и впрямь подкатила к подъезду моего дома минута в минуту. Завидев в окно ее сверкающе-красную машинку, моделью которой я так и не удосужился поинтересоваться, предпочитая думать, что она, верткая, как маленькая козочка, существует в единственном экземпляре и «подогнана» специально под Настю, стремглав кинулся к ней, гремя по ступенькам лестницы тяжелыми подошвами ботинок. А спустя минуту мы уже неслись сначала по безлюдной сонно-воскресной Москве, потом по полуреальной и дымчатой кольцевой...

Я не следил за направлением движения, не обращал внимания на указатели, разве что изредка выхватывая взглядом мелькающие по обеим сторонам дороги картинки – стеклянные транзисторы мегамаркетов, железные этажерки линий электропередач, похожие на громадные самогонные аппараты заводы, праздничные храмы на горках и затерянные в ма-

лахитовых зарослях замершие речки. Мне достаточно было созерцать Настю: как лихо она крутит баранку, переключает скорость и косится в боковое зеркало, успевая при этом почти беззлобно послать упертого пенсионера, что выполз в левый ряд на старом «Москвиче» и не желает освобождать дорогу. Более захватывающего действия я не мог себе и вообразить, в сравнении с этим театром меркли все театры мира, включая самые экзотические.

Пожирая глазами Настю, я с тихим стыдливым восторгом ощущал, как нарастает во мне процент Гумберта Гумберта, как стирается водораздел между ним и робким подкаблучником, и две противоположные стихии, завихряясь, сливаются в одну, мощную и неуправляемую. Плевать, что она не была Лолитой в полной мере – на десять лет старше литературной и к тому же успела сходить замуж – меня все равно била дрожь чего-то запретного.

Слава тебе, особая порода женщин, что до самой глубокой старости остаются вечными Лолитами и ими же сходят в могилу, оплакиваемые дряхлыми и слезливыми Гумбертами Гумбертами! Видно, для того вы и существуете на свете, чтоб им было кому дарить облупившуюся снегурочку с антресолей – свою тягучую и порочную сентиментальность.

Полный ею под завязку, я пошел за Настей, когда, прижав машину к обочине, она побежала в кустики. Дождался её появления в просвете между деревьев и кинулся жадно целовать на виду у пролетающих мимо автомобилей – пусть зави-

дуют, пусть путают газ с тормозом, не жалко. Шумно вдыхая в себя щекочущий запах её духов, я отрывался от Настиных губ, только чтобы шепнуть ей в ухо:

– Ребёнок, я тебя хочу...

Настя сначала шутливо отстранялась, потом деловито сказала, отступая в заросли:

– Ладно, давай, только быстро.

Я как Гумберт из Гумбертов сломил ее пополам у ближайшего дерева и уткнулся губами в завитушки на затылке, продолжая при этом, исподтишка, словно в замочную скважину, подсматривать и за ней, и за собою. Запомнить, надо все запомнить, пульсировало у меня в голове, чтобы, когда ничего уже не будет, воспроизводить в малейших деталях, как в замедленной съемке...

– Ну что, тебе полегчало? – осведомилась она потом.

– Ага, – радостно ослабилась я, – хорошо, как в детстве.

– Извращенец! – фыркнула Настя и первой вынырнула из кустов, хлестнув меня по лбу потревоженной упругой веткой. Я, счастливый, как идиот, вприпрыжку поскакал вслед за своей Лолитой.

А в машине со мной случился острый приступ словесного недержания. Я заливался соловьем, с удовольствием рассказывая истории периода своей студенческой юности, готовый плести самые небывалые небылицы ради волшебного Настиного хмыканья... Каким чудом, переживая подобную гамму эмоций, я не проглядел жестяную, изрядно проржавевшую

табличку с надписью «Терпенье», остается только удивляться. Но я ее все-таки заметил, сразу перед каким-то очередным перекрестком полупроселочных дорог, и, потрясенный, клюнул носом воздух. К тому моменту мы были уже часа три в пути, притом что по моим ощущениям времени прошло гораздо меньше. Видимо, ожидавшая именно такой реакции с моей стороны, Настя тихо захихикала и довольно резко вывернула руль влево. Повинуясь команде, послушная красная «козочка» поскакала бодро и весело, словно на знакомое пастбище.

Теперь уж я без усталости крутил головой и смотрел во все глаза, чтобы ничего не упустить из виду. Однако не успел я до конца переварить «Терпенье», как ухабистая дорога норовисто вздыбилась и явила новый сюрприз на ржавой жестианке: «р. Суета». Подпрыгнув вслед за красной козочкой, я клацнул зубами, провожая взглядом извилистую голубую змейку под утлым мостком:

– С ума сойти, река Суета!

– Не Суета, а СуЕта, – со значением поправила меня Настя.

– Еще лучше! – нездорово оживился я. – Звучит, почти как Лета. – И продекламировал, сладостно зажмурившись. – Лишь миновав СуЕту, окажешься в Терпеньи! Класс!

А Настя уже другим тоном сказала:

– Здесь живет моя бабушка.

– Бабушка? – Поежился я от неожиданности, предста-

вив себе благообразную старушку, хватаящуюся за сердце при виде великовозрастного дружка любимой кровинушки-внучки. Не много ли мне будет потрясений, с учетом Терпенья и СуЕты?

– Да не бойся ты, – успокоила меня Настя, – моя бабуля вполне современная, вот увидишь.

– Это хорошо, – кивнул я, честно говоря, не очень-то обнадеженный. Мне требовалось время для того, чтобы привыкнуть к мысли, что у моей лишенной комплексов Лолиты в принципе может быть бабушка, а тем более живущая в деревне с названием Терпенье.

Ну, а пока я все это складывал в голове, Настя меня многозначительно наставляла:

– А наперед не удивляйся, потому что народ здесь живет по-своему уникальный. Деревенские называют себя терпенЦЫ, с ударением на последнем слоге. И характер у них соответствующий: ни с кем не спорят, ничему не удивляются ... У них даже словечки свои, ну, ты сам заметишь ... А вообще, они все добрые, веселые и любят пошутить над собой.

Ну-ну, посмотрим, что это за терпенЦЫ такие! Впрочем, сколько я ни вертел головой, ни одного так и не приметил. Только деревянные дома да пустые дворы – деревня, как вымерла. Или, может, они все спят?

– Ну, и где же твои терпенЦы? – спросил я Настю.

– Да делами какими-нибудь занимаются, – спокойно рассудила она, – они без нужды на улицу не выходят.

– Очень интересно, – я напряг воображение, и терпенцы представились мне похожими на гномов существами, деловитыми и немногословными, с потупленными голубыми глазками и упрятанными в бородках лукавыми ухмылками. Эткими ходячими подводными лодками, что, сколько не сился, под толщей воды нипочем не углядишь и не ухватишь. А коль так, то пусть лучше сидят в своих домах – не высовываются. Не хочу быть для них чем-то сродни тому, что плавает на поверхности и никогда не тонет.

Однако Настинной бабушки мне миновать не удалось. Она показалась на крыльце, едва красная «козочка» затормозила у калитки и быстро пошла к нам навстречу, отчего я решил, что Настя заранее уведомила ее о нашем визите. А почему бы и нет, в самом деле? Впрочем, это оказалось не так.

– Да откуда ж? – ахнула бабуля и всплеснула руками, при этом удивления в ее голосе я не уловил. Да и лицо у нее было на редкость безмятежным. А еще очень светлым, гладким и без морщин. Возраст выдавали седые волосы и осанка.

Пока бабушка и внучка обнимались и ворковали, я ждал, когда очередь дойдет до меня. Мне было интересно, как Настя представит меня старушке. Но та перехватила инициативу, оторвавшись от внучки, внимательно на меня посмотрела и сказала:

– Это твой молодой человек?

– Н-ну, да... – Настя чуть не расхохоталась.

А мне эта формулировка очень даже понравилась, осо-

бенно определение «молодой», а потому я сразу проникся к бабуле самыми теплыми чувствами. Которые сильно во мне окрепли после того, как она накормила нас щавелевыми щами и пирожками с яйцом и луком, как выяснилось, испечёнными буквально перед нашим приездом.

Ну а пока мы уплетали, бабуля, глядя на нас, загадочно приговаривала:

– Ой, упётались, поди, гляжённые! Ох, упётались!

На что я реагировал спокойно, памятуя Настино предупреждение об особом местном говоре.

Когда пирожки перестали в меня влезать, я, как и подобает воспитанному «молодому человеку», оставив бабушку с внучкой наедине, с полчаса пошатался по просторному двору. Заглянул даже в нежилую пристройку к дому, предназначенную для скотины, неожиданно припомнив, что такие помещения в русских деревнях называли, кажется, поветь. Никакой живности в ней, правда, не было, но наверху то тут, то там виднелось торчащее бог знает с каких времен сено. Вернувшись в дом, я застал за столом только бабулю, которая в ответ на мой вопрос о Насте, кивнула на лестницу, ведущую на чердак.

Чердак, на который я взбирался, предусмотрительно втянув голову в плечи, оказался на удивление просторным и высоким, хотя и порядком заставленным тазами, трехлитровыми стеклянными банками, картонными коробками, мешками, ведрами... Свободное пространство оставалось только

у дальней стены, ближе к оконцу, где стоял... деревянный струганный гроб, возле которого, прямо на дощатом полу, упершись спиной в стену, сидела Настя и зазывно мне улыбалась.

– Ты... что? – невольно вздрогнул я.

– Как что? Ягоды ем! Давай присоединяйся! – Настя протянула руку, зачерпнула из гроба пригоршню красной смородины и, запрокинув голову, стала проглатывать ягоду за ягодой.

– А почему они в гробу? – спросил я, присев на корточки рядом с Настей.

– А чего ж ему пустовать? – хохотнула Настя. – Вещь хорошая, практичная... Ты ешь, ешь, сладко-о!

Я послушно принялся бросать себе в рот смородину, только она показалась мне скорее кислой.

– Первый раз ем ягоды из гроба, – признался я, вытягивая ноги. – Они что так лучше сохраняют витамины и микроэлементы? Или приобретают особые целебные свойства?

– А что, вполне возможно, – задумчиво изрекла моя Лолита, – в прошлом году в нем были яблоки, так они мне показались вкуснее обычного!

– Ну, хорошо, будем считать, что это такое ноу-хау – хранить фрукты и ягоды в гробу – философски изрёк я.

В конце концов, подумаешь, гроб! Эка невидаль! Да и ягоды в гробу – тоже! Другое дело Настя – она всегда и везде для меня неповторимое произведение искусства, на созерцание

которого я готов потратить, если не всю жизнь, то большую и лучшую её часть. Поэтому я практически привык к гробу, больше того, я с ним почти сроднился, когда Настя сжалась надо мной и все разъяснила:

– Два года назад бабуля слегла, решила, что умирает и приобрела себе гроб. Здесь, в деревне, так многие делают. Заранее гробами запасаются, ставят на чердак, а чтобы добро не пропадало, складывают в них что-нибудь: кто картошку, кто свеклу, кто яблоки... А старых здесь, знаешь, как называют? – Безгодовые. В смысле непомнящие возраста.

– Да, забавно, – глупо произнес я, и мы поцеловались красными от смородины губами.

– Ты будешь носить цветы на мою могилу? – спросила Настя, когда я с большим трудом от нее отлепился.

– Конечно, – заверил я ее, – а ты на мою?

– А я куплю тебе венок, – пообещала Настя, и мы снова стали целоваться над гробом, обмениваясь ягодами, которыми были набиты наши рты.

Мне пришло в голову сказать, что у нас любовь от гроба до гроба, но я не успел – Настя резко вскочила и потянула меня за руку:

– Пошли на речку купаться!

– Ага, окунемся в Суету, – широко ухмыльнулся я и тут же поправился, – то есть в СуЕту.

Мы почти скатились с деревянных ступенек.

– Бабуль, мы на речку! – крикнула на бегу Настя. – Ку-

паться!

– А чего ж не искупаться? – невозмутимо отозвалась старушка. – Там сейчас хорошо!..

... СуЕта оказалась мелкой, недвижимой и теплой, как парное молоко. Плавать в ней было невозможно, а потому мы просто лежали на ее галечном дне, как две выброшенные на берег рыбешки, болтая в воде ногами. Поразительно, что при этом она была еще и прозрачной.

– Неужели в этих окрестностях нет ни одной порядочной фермы, которой некуда девать свой навоз? Или здешнее сельское хозяйство зарублено на корню? – лениво осведомился я, переворачиваясь на спину.

– Кажется, есть, но ниже по течению, – разморенным голосом отозвалась Настя, щурясь на солнце.

– А что, тут есть течение? – Я сделал попытку удивленно приподнять брови, но им совершенно не хотелось двигаться.

На что Настя назидательным тоном учительницы младших классов ответила:

– У каждой реки есть течение.

Я глубоко задумался. Почему-то это не показалось мне очевидным, хотя я хорошо знал со времен школьного детства, что каждый, даже самый маленький ручеек, обязан куда-то впадать. Но куда может впадать речка с названием СуЕта?

Но спросил я у Насти совсем про другое:

– Как ты будешь об этом вспоминать лет через пять или

десять?

Настя помолчала, а потом сказала:

– Не знаю... А ты?

– А я буду долго искать эту деревню и эту реку, но так и не найду ни на одной карте, – то ли вздохнул, то ли зевнул я, проваливаясь в приятную дрему. Я тогда еще не знал, что это последний мой вечер с Настей...

Глава XI

Последующие две недели из отведенного мне на перелицовку романа месяца я к нему и не притрагивался. И не только потому, что провел их преимущественно на Людке. Просто не находил к тому ни сил, ни желания. А Людка была чем-то, вроде удобной отмазки. Хотя, чего уж там скрывать, барахтался я с ней не без удовольствия, тем более что выкладывалась она всегда на полную катушку, и это мне здорово льстило. Временами я даже рос в собственных глазах и чувствовал себя если не главным секс-гигантом, то его старшим подмастерьем. Ведь в последние годы я ленился заводить новые связи, и когда уж очень припекало, заманивал к себе какую-нибудь из старых жалостливых подружек. В основном под предлогом помощи в обновлении гардероба. Кстати, этот удобный повод для удовлетворения мужских потребностей я вычислил для себя совершенно случайно, и до сих пор он ни разу не давал сбоя.

А было так. Вскоре после того, как передо мной, почему-то почти неожиданно, обозначился пик под названием

«сороковник», который я в итоге преодолел, причем безо всякого на то желания, я обзавелся новой паранойей. В дополнение к уже имеющимся и связанным в основном с моими нереализованными писательскими амбициями. Я вдруг явственно увидел маячащую на горизонте старость, и стал искать в себе ее признаки.

Часами я стоял перед зеркалом в ванной, придирчиво разглядывая собственную физиономию, унылое выражение которой наводило на меня вселенскую тоску. И еще неизвестно, чем бы все это кончилось, если б однажды я волевым решением не прекратил эту пытку. Как выяснилось позже, – в пользу другой. Теперь умываясь, чистя зубы, или бреясь, я с маниакальным упорством избегал своего отражения в зеркале. А поскольку осуществить это на деле было нелегко, я периодически ходил в порезах, о которых, поскольку в зеркало я не смотрел, мне сообщал Славка или кто-нибудь еще.

А теперь представьте, каково мне было покупать одежду, а такое, пусть изредка, но происходило. Тогда-то я и придумал выход из положения: стал привлекать в этих целях бывших подружек. А арсенал последних был у меня хоть и небольшой, но стабильный – порядка трех-четырех под рукой всегда имелось. Тут я был педантичен, ни одну не выпускал из поля зрения надолго, а в случае, если какая-нибудь из них скоропостижно выходила замуж, бросал все дела и либо через Интернет, либо с помощью знакомых изыскивал ей замену из числа успевших к этому моменту благополучно раз-

вестись. Такая моя скрупулезность приносила свои дивиденды, и выражались они в том, что я мог, когда надо, обзвонив их всех поочередно, найти себе компанию для похода по магазинам. Таким образом я убивал сразу двух зайцев: во-первых, счастливо избегал зеркала в примерочной, во-вторых, получал порцию дармовой женской заботы с налетом ностальгической нежности.

Ах, эти старые подружки! Вот кому стоит посвящать поэмы! С каким веселым стоицизмом несут они крест давнего знакомства со мной, которое, по моему хамскому убеждению (а последнее я среди них усиленно насаждаю), дает мне чуть ли не законные основания выхватывать из их жизни в той или иной мере жирные куски свободного личного времени. Заметьте, никогда и никто из них не посылает меня просто так, а всегда приводит для этого уважительную причину. Я же, со своей стороны, в следующий раз обязательно припоминаю предыдущий отказ, и этот аргумент обычно бывает решающим. «Ладно, Сапрыкин, уговорил», – врывается мне в ухо почти родной вздох, и мы начинаем договариваться о деталях.

При этом заранее понятно, что речь не только о шопинге, но ко всему, что к нему обычно прилагается, мои старые подружки в своем большинстве относятся, может, и не с восторгом, но с пониманием. Чем я и пользуюсь. Тем более что такое мое положение «подшефного» избавляет меня от необходимости вести длительную подготовительную работу

и, что тоже немаловажно, не налагает никаких обязательств. Да, и еще – а для меня это очень чувствительный момент – не требует сколько-нибудь ощутимых материальных затрат. Ведь преимущество старых подружек перед новыми в том и состоит, что они прекрасно знают, с кем в моем лице имеют дело и решительно ни на что не рассчитывают.

Предвижу, что кто-то сочтет такую модель поведения циничной, и совершенно напрасно, потому что я, напротив, нахожу ее очень честной и ответственной. По-вашему, было бы лучше, если б я расставлял силки на легковверных юных дурочек или благородных одиноких дам, исполненных нерасстраченной любви? Чтобы, помывавшись со мной, они затаили обиду на весь мужской род? Вот то-то ж и оно!

Зато мои прекрасные, мои вечно юные старые подружки давно простили все мои прегрешения, в том числе и будущие, и, когда какая-нибудь из них ласково ворошит мои пока еще приличной густоты вихры, я преданно обожаю ее за всех, бесшабашно даровавших меня своим телом и теплом. И пусть, случается, я путаю их имена, они и за это на меня не в обиде, потому что за долгие годы стали заочно почти что сестрами.

Да, и кстати, если вы думаете, что они легкомысленные доступные особы, то тут вы жестоко ошибаетесь. В обычной жизни мои старые подружки преимущественно женщины порядочные, а некоторые из них – уважаемые матери семейств, несущие на своем челе выражение незамутненной

добродетели. И только со мной они превращаются в смешливых девчонок образца одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, готовых совершать поступки, безрассудные с точки зрения их нынешнего возраста и положения.

Разумеется, все это меня больше чем устраивает. Может, поэтому я не слишком задаюсь вопросом, зачем и почему они тратят на меня время. Конечно, куда как приятно думать, что они находят во мне потрясающего любовника, но для этого надо быть надутым безмозглым индюком, а я таковым, к счастью (или к сожалению?), не являюсь. Ну а поскольку я вполне отдаю себе отчет в том, что мои возможности в этой области, скажем так, среднестатистические, вывод напрашивается следующий. Я для них все тот же безбашенный шалопай, каким был в те далекие времена, когда тискал их по углам в общаге, а теперь, когда они реализовали себя как женщины, им доставляет тихое удовольствие меня опекать.

Больше скажу, я почти уверен, не исключай я их сам из своего списка после очередного замужества во избежание ненужных проблем, ни для одной из них оно не стало бы препятствием. И всего лишь потому, что отношения со мной они даже не считали бы супружеской изменой. Но как бы там ни было, они здорово скрашивают мою жизнь, помогают, дают советы. Без них я, наверное, свихнулся бы от одиночества, или, того хуже, женился, и тем самым обрек и себя, и какую-нибудь ни в чем не повинную жертву на жуткие

незаслуженные мучения. Однако и на меня иногда нападает хандра, и я начинаю размышлять о том, что, по крайней мере, попробовать, может, и стоило бы... Но кто за меня пойдет? Старые подружки предпочитают любить меня время от времени, а новых еще надо завести ...

Дороги они были еще и тем, что по большей части перешли мне по наследству от моих же друзей и приятелей, и это обстоятельство меня ничуть не смущало. Наоборот, гарантировало своего рода знак качества. Кроме того, чувство ревности было мне неведомо, за что я особенно благодарил матушку-природу. Я легко расставался со всеми, за исключением одной – Насти, и то не потому, что хотел, чтобы она осталась со мною (при разнице в двадцать лет желать этого всерьез было бы глупо), а потому, наверное, что я слишком много про неё знал и помнил.

Я знал день ее рождения, запах её любимых духов с интригующим названием «Агент-provokator», размер её ноги, ее привычку в задумчивости покусывать пухлую нижнюю губку и трогательную способность неожиданно расчувствоваться на совершенно пустом месте. Помню, как однажды она чуть не разревелась над пучком пожухлой травы, обнаружив в нем символ бренности всего сущего. А я чуть не разрыдался, глядя на нее, готовый тут же пожертвовать остатком своих дней лишь бы засохшая былинка ей на радость вновь зазеленела.

Трудно сказать, имело ли влияние на моё чувство к Насте

то обстоятельство, что она ни от кого ко мне не перешла. Конечно, до меня у нее был муж и наверняка кто-нибудь еще, однако к числу моих друзей-приятелей ни муж, ни кто-нибудь еще не относились, я даже никогда их не видел. Поэтому по логике вещей свой роман я должен был бы посвятить ей, если б не написал его за несколько лет до того счастливого мгновения, когда она меня, сорокалетнего циничного дядьку, взяла и форменным образом соблазнила. А теперь мне уже не зашифровать ее в слова, кишка тонка.

Что же касается остальных, то они в основном перепали мне с барского плеча (причем буквально, как в пошлом анекдоте) моего старинного друга юности Валентина Мировского, или попросту Вэла. В пору нашего особенно тесного общения он, окончив аспирантуру, начинал бурную преподавательскую деятельность на биологическом факультете, которая, помимо довольно занудной, по его словам, учебной работы, состояла в организации и проведении ежегодных летних экспедиций в различные уголки необъятной Родины с целью закрепления изученного материала.

Экспедиций Вэл ждал весь год и готовился к ним с творческим размахом и энтузиазмом. В этих целях в подсобке у него всегда имелся спальник для проверки, как он выражался, профпригодности соискательниц, двадцатидвух-двадцатитрехлетних аспиранток, которым Вэл без долгих разговоров и в популярной форме объяснял, что ломачи останутся без практики. Те, что отрадно, принимали такую постанов-

ку вопроса с единодушным пониманием и стоическим смирением, во всяком случае, никому из них не пришло в голову пожаловаться в деканат на сексуальный произвол моего друга.

Скорее всего, они находили Вэловы притязания необременительными и само собой разумеющимися, страна-то как-никак была накануне официального вступления в эпоху рыночных отношений. Что, собственно, и подтвердило однажды устроенное нами среди практиканток (а я непременно ездил в знаменитые Вэловы экспедиции, заранее приурочивая к ним свой летний отпуск) шутивное анкетирование на тему «Как вы относитесь к сексу с преподавателями?». Так вот, тогда все наши респондентки ответили в том духе, что у них не убудет, а нам, старым козлам, должно быть стыдно. Помню, что на «козлов» мы с Вэлом ничуть не обиделись, а вот намек на возраст нас несколько напряг: ведь нам в ту пору не исполнилось и по тридцатнику.

Ах, какое чудесное было время! Ах, как я обожал и ценил Вэла за то, что он брал меня с собой и ни в чем не ущемлял. А негласное условие, по которому право первой ночи всегда предоставлялось ему как главному льву, меня ни капельки не оскорбляло, напротив, устраивало. Ведь по вечерам, сидя у костра и хищно разглядывая свой разгоряченный дешевым алкоголем прайд, мы делали выбор коллегиально.

После чего начиналась обработка очередной, пока не опробованной аспирантки, которую мы проводили сообща.

С двух сторон на нее сыпались комплименты и лестные слова, при этом мы соревновались в остроумии и изощренности не столько перед новым объектом вожделения, сколько друг перед другом, перехватывая нить паутины обольщения, которую виртуозно плели, как два матерых паука.

Хотите верьте, хотите нет, но сегодня эти глубокие рейды по тылам противника представляются мне даже более сладостными, чем следовавшие за ними «боевые действия». Потому что, сдается мне, дальше мы с Вэлом были куда как менее изобретательны и куда как более однообразны. А потому аспирантки своим юным женским чутьем раскусывали нас, как орешки, и просто-напросто великодушно позволяли нам потешить свое самолюбие. Вполне возможно, что из жалости. Надо же, вероятно, думали они, снисходительно наблюдая наши с Вэлом ужимки и прыжки, на что способны взрослые половозрелые самцы с хорошим образованием и приличным интеллектом, чтобы заполучить малую толику из того, чего у нас с избытком и хватит еще на сотню им подобных.

Представляю, как они потом обсуждали нас у себя в палатках (ведь женщины намного циничнее мужчин)! А посему каждая следующая «жертва» была прекрасно осведомлена о наших привычках и повадках и, не исключено, делаясь потом впечатлениями с товарками, со знанием дела хмыкала «Ничего нового, все то же самое!» Воображая себя царями зверей, мы были, по сути, двумя жалкими мышками в ког-

тистых лапках любопытных и игривых молодых кошек, которые не слопали нас лишь по той простой причине, что ни Вэл, ни я не казались им достойной добычей.

И то верно, чего с нас было взять? Вэл имел жену, ребенка и очень небольшую зарплату, из которой, в случае вычета алиментов, и на губнушку не наскребешь. Я, хоть и был по факту ни чем не обременен, выглядел в их глазах законченным раздолбаем без перспектив (и в этом, надо отдать им должное, они не ошибались). Одного они не предугадали, что Вэл, в отличие от меня, со временем придет в разум и, осознав, что в его преподавательской деятельности есть только один плюс – аспирантки становятся все моложе и моложе – подастся в бизнес и весьма в нем преуспеет.

Не знаю, кусали ли они потом локти из-за упущенной выгоды, а я ужасно злился на Вэла за то, что по его милости лишился чудесного летнего отдыха, не требующего моральных и материальных затрат. На какое-то время наша многолетняя дружба даже дала трещину, затем мы снова стали общаться, но значительно реже, так как новая Вэлова жизнь не позволяла ему сколь-нибудь длительных загулов, да и детей у него на почве оседлости прибавилось.

Значительно выросло и его благосостояние, требующее постоянной заботы и преумножения. Когда я был у него в последний раз, он увлеченно обустроивал свой только что отстроенный загородный дом с бассейном, сауной, бильярдной, отдельными спальнями и ванной для каждого члена се-

мый и гостей и кучей других буржуазных прибабасов. И тем не менее, когда в процессе устроенной им для меня экскурсии по обретенным райским кушам, я спросил его, не жалеет ли он об экспедициях, глаза Вэла заволокла нежная ностальгическая пелена...

А спустя пару месяцев с Вэлом случилось странное, если не сказать мистическое, происшествие. С аппетитом вкушая вишни в собственном саду, он проглотил вместе с одной из них плодоножку. Казалось бы, такая ерунда. Собственно, Вэл этого даже и не заметил, а потом вдруг начал чахнуть. Врачи долго ничего не могли понять, потому что по всем медицинским показателям мой дружок должен был быть здоров, как бык, а он продолжал бледнеть и хиреть. Дошло до того, что однажды он не смог спустить ноги с кровати, и жена с помощью старших детей усадила его в машину и повезла к главным медицинским светилам. Надо отдать им должное, они быстро нашли причину Вэловой немочи, которая крылась в застрявшей в его прямой кишке злополучной вишневой плодоножке – но было уже поздно: к тому моменту жизнелюбивый мышонок, возомнивший себя львом, впал в кому.

С тех пор он так и лежит, весь утыканный трубками, соединяющими его с аппаратами, снабжающими суррогатами жизни – на это заработанных им капиталов пока еще хватает. За все время я навещал Вэла в больнице только однажды: протиснулся в палату, постоял у кровати, как солдат в почет-

ном карауле, стиснув зубы и сожалея о том, что у меня нет автомата. С каким удовольствием я бы дал из него очередь в белый потолок, а затем по белым стенам, чтобы со всех сторон затрещало, заискрилось и посыпалось. В надежде, что от этого светопреставления Вэл выйдет из комы, вскочит с кровати, вырвет из себя разноцветные трубки и немедленно засобирается в экспедицию с аспирантками.

Глава XII

Да, а если вернуться к теме моей паранойи, проявляющейся в боязни собственного отражения, то в дополнении к ней с совсем уж недавних пор я стал одержим навязчивым страхом по поводу растущего у меня живота. То и дело я его ощупываю, или спрашиваю у кого-нибудь, насколько сильно он выдается. Славка надо мной откровенно смеется, старые подруги хмыкают и утешают, как маленького капризного ребенка. Чем я, по правде, частенько злоупотребляю. Дошло до того, что избалованный их почти материнской терпимостью, я, совершенно обнаглев, завел себе привычку, будучи с одной, обсуждать достоинства и недостатки других.

Кончилось это тем, что однажды, позвонив самой смешливой и (что много существенней) самой неприхотливой из своей «сборной», я получил отказ с непривычной формулировкой:

– А что делать-то будем? Перемывать косточки остальному контингенту? Ты снова будешь рассказывать про премудрости Наташи и благоглупости Тани? А я и так уже столько

о них знаю, что могла бы стать их официальным биографом!

Это был щелчок. Тут я понял, что мне придется менять тактику, а кто бы знал, как я это не люблю! Поэтому на некоторое время я затаился. И тут вдруг – Людка, которую я немедленно занес в список подарков судьбы, вслед за договором на издание моего многострадального романа, сладостной мстью Наталье из «Расслабься» и Псиной.

Если б только она поменьше болтала, цены бы ей не было. Так нет же, она умудрялась тараторить даже в самые патетические моменты. Тогда мне приходилось ее резко обрывать:

– Одно из двух: или мы трахаемся, или мы треплемся, выбирай.

И надо отдать должное Людке – она всегда выбирала первое.

Зато уж потом отводила душу. Сколько же я наслушался про ее бывшего ухажера – любителя собственных какашек! Неудивительно, что в итоге я его люто возненавидел.

– Представляешь, – дирижировала она под музыку бокалом красного вина, поливая им свою голую грудь. – он рассказывал мне про своих баб, а я, как дура, все это записывала. Нестор-летописец, блин!.. А он потом читал и страшно собой гордился. К-казел! С тех пор каждую новую швабру он первым делом знакомит с моим бессмертным произведением, чтобы знала, с каким героем-любовником дело имеет. Получается, что я же еще на его имидж работаю! К тому же бесплатно! Убила бы собственными руками!

– Так возьми и убей! – не выдержал я в конце концов.

– Ага, не хватало еще в тюрюгу из-за него загреметь! – фыркнула Людка.

– Так а ты убей его виртуально.

– В смысле?

– В смысле напиши продолжение своего произведения, в котором он заболит простатитом, станет полным импотентом и скончается в бедности и одиночестве, в предсмертном бреду повторяя твое имя.

– А что? – призадумалась Людка. – Пожалуй, это идея.

– Еще какая! – воспользовавшись заминкой, я быстренько натянул штаны. – Ты его породила, ты же его и убьешь. По моему, все очень даже логично.

Надо сказать, что в тот день все кончилось самым лучшим для меня образом. Я беспрепятственно убрался восвояси, так как Людка, вопреки своему обыкновению, меня не удерживала. Зато уже на завтра наступил крошечный ад. Людка, которая отнеслась к моему предложению умертвить бывшего любовника с присущими ей творческим размахом и темпераментом, стала методично пичкать меня плодами своего литературного садизма. И ладно бы она прикончила его сразу, так нет же, ей захотелось растянуть это удовольствие. А потому начала она с подробного описания душевных мук, нанесенных ей вероломным обожателем собственных какашек.

Теперь Людка раскачивалась в постели под музыку с бо-

калом вина в одной руке и увесистой пачкой распечатанной писанины в другой, закатывая глаза и подвывая в характерной поэтической манере:

– На конце его члена – разбитые мечты его прежних женщин, их неисполненные желания, неродившиеся дети, некупленные норковые шубы, их слезы, тоска и надежды... И, когда он входит в меня, как нож в масло, я получаю все это по наследству. А потом он уйдет и от меня, захватив с собой для следующей и мои разбитые мечты, и мои неисполненные желания, и мои слезы, и моих неродившихся детей, и мои ненаписанные стихи...

Сам себе удивляюсь, как я это выдержал и дождался, когда уже свершится то, ради чего все и затевалось. Правда, надо отдать Людке должное: с учетом грандиозности замысла и объема написанного она расправилась со своим обидчиком с рекордной скоростью – за какие-то десять дней. По крайней мере, поставь я перед собой мало-мальски сопоставимую задачу, нипочем бы в такие сроки не уложился, а, значит, мои враги могут жить спокойно.

Последние строчки своего убийственного во всех смыслах творения Людка зачитала практически без выражения, медленно и бесстрастно:

– Парамонов умер весной после тяжелой и затяжной болезни. На похоронах Галка поплакала. Но в меру. Он слишком часто ее предавал.

(Для справки: под Парамоновым подразумевался подлый

любитель какашек, а под Галкой – сама Людка).

Когда Людка замолчала, я на всякий случай уточнил:

– Это все?

– Все. – буднично отозвалась Людка, сладко потянувшись и через паузу добавила. – Ты себе представить не можешь, что я испытала, когда точку поставила! Как будто я огромный груз сбросила!

– Еще бы! – хмыкнул я, покосившись на толстую пачку измятых страниц, примостившуюся на краю кровати.

– Да я о другом, бестолочь! – рухнула на спину Людка. – Понимаешь, я освободилась! Освободилась!

– Ну, да, – предпринял я унылую попытку поверить алгеброй гармонию, – это известный психологический прием. Ты выплеснула все, что в тебе накопилось, после чего почувствовала облегчение. А если тебе удастся это опубликовать, ты сможешь компенсировать свои моральные потери еще и материально.

– О, господи, какой же ты скучный! – заворчалась в постели Людка. – Ладно, иди сюда.

... Возвращаясь к себе через пару часов, я размышлял о том, настолько ли волшебна волшебная сила искусства и освободилась ли Людка от своего любителя какашек на самом деле, или ей это только показалось на короткий и сладостный миг. Ибо ничто так крепко не привязывает нас к ближнему, как нанесенные им обиды.

А также неисполненные обязательства, мысленно добавил

я, когда у меня в кармане затренькал мобильник, а на его экране высветилось имя моего издателя. Отвечать, конечно, не хотелось, уже потому что нечего было, но пришлось. Он, само собой, стал интересоваться, как у меня продвигается работа над романом. Пришлось соврать, что очень хорошо. Тогда он спросил, не мог бы я ускорить процесс.

Тут уж я возмутился:

– Но ведь по договору у меня еще две недели!

На что Кирилл в лучших своих традициях тут же включил менеджера по стиральным машинкам.

– Конечно-конечно, я не настаиваю. Просто, чем раньше вы закончите, тем быстрее роман будет опубликован.

– Хорошо, я постараюсь, – пообещал я фальшивым голосом, ненавидя себя при этом за все и сразу. А больше всего за то, что я когда-то накропал свой дурацкий роман! Ну, кто меня, спрашивается, заставлял? А кто выкручивал мне руки, чтобы я подписал издательский договор на условиях, которые заведомо невыполнимы? Сейчас бы ленился в свое удовольствие, периодически таскался бы к Людке, гулял с Псиной, собачился по пустякам со Славкой, болтал с продавщицами в зоомагазине, завидовал писучему Сереге и предавался сладостным размышлениям о собственной никчемности.

Тем более что в последнее время жизнь моя протекала на редкость органично и наполнено. Наверняка, тому имелись объективные и субъективные причины, в которые можно вдаваться, а можно и не вдаваться. Но одну я назову схо-

ду, и это, как ни странно, приبلудная псина. Когда я откуда-нибудь возвращался, она бросалась ко мне со всех своих коротких лап и так искренне, так неподдельно радовалась, как никто и никогда.

Еще в прихожей, не успев включить свет и затворить за собой дверь, я слышал, как она спешит мне навстречу, звонко лая и трогательно царапая коготками паркет. А потом, развязывая шнурки на ботинках, увертывался от ее мокрого шершавого языка, которым она норовила лизать мне не только руки, но щеки и нос. И сколько бы я при этом ни чертыхался и ни отбивался, в такие моменты меня с головой захлестывало тихое умиротворение.

В конце концов, я сдавался, усаживался на пол и позволял Псине выражать свою собачью преданность мне всеми доступными ей средствами. Я милостиво разрешал ей любить себя и купался в ее любви, точно какой-нибудь пресыщенный падишах, снисходительно принимающий ласки многочисленных наложниц. Встав на задние лапы, передними она упиралась мне в грудь, а я гладил ее подвижное, теплое, беззащитное и одновременно мускулистое, как круп лошади, маленькое тельце. И пока, самозабвенно повизгивая, она горячо дышала мне в лицо, а моя ладонь улавливала ее упругое сердцебиение, мы были с ней единым целым и одновременно центром мироздания.

Вот почему я бесился, если в такую минуту в коридор выползал Славка, который все портил: непременно издавал до-

вольно гнусный смешок и отпуская какой-нибудь дурацкий комментарий, типа:

– А вот и наша сладкая парочка!

Или – еще хуже – жаловался на собачьи происки. То ботинок у него пропадет, то еще что-нибудь стряется, и во всем, разумеется, виновата мое приبلудное лохматое сокровище.

А как я любил наши прогулки! Это всегда было лучшее время в моей жизни, независимо от того, что ему предшествовало. Обычно я выходил из дому разбитым, в отвратительном состоянии духа, занудно брюзжащим на собаку, по милости которой мне пришлось покинуть свой уютный продавленный диван, а возвращался вполне себе бодрым и готовым мириться с судьбой, не оправдавшей лучших моей надежд.

К тому же у нас с Псиной постепенно выработался любимый маршрут прогулок. Если в первые дни мы не высовывали носа со двора, то со временем стали забредать и подальше. Сначала протоптали дорожку в ближайшую лавочку, где продавались разные собачьи деликатесы, и вскоре ее посещение превратилось для нас в своего рода цирковое представление. Под одобрительные собачьи повизгивания я придирчиво разглядывал пакетики с кормом, периодически интересуясь у Псины:

– Не помнишь, а это мы пробовали?

На что Псина отвечала бодрим лаем.

Такие сценки мы разыгрывали чуть ли не ежедневно, и,

тем не менее, каждый раз они пользовались неизменным успехом у общительной продавщицы и немногочисленных покупателей. Самое смешное – я и впрямь втихаря повадился пробовать собачью еду, находя ее вполне съедобной и даже вкусной. Особенно мне понравились куриные шашлычки, на мой вкус, весьма подходящие в качестве закуски к пиву. Однако всякий раз, когда я лакомился из ее пакета, Псина смотрела на меня с нескрываемым удивлением.

От палатки с собачьей едой мы обычно брали чуть вправо и, побродив по переулкам, выходили к последней в наших краях панельной пятиэтажке, уже приготовленной под снос. Еще недавно здесь было ведомственное жилье, и обитавший в нем народ расселяли долго и драматично. А если судить по отдельным светящимся вечерами окнам, довести это дело до конца так и не удалось.

Обогнув пятиэтажку, мы поворачивали резко влево, чтобы уйти от шумной, заставленной машинами улицы. Таким образом последний отрезок нашего пути пролегал мимо приземистого одноэтажного флигеля, будившего во мне фантазию с детства. Табличка «Усадьба Маховых. Памятник архитектуры XVIII века. Охраняется государством» матово отсвечивала на его стене сколько я себя помнил. Даже в ту пору, когда в нем находилась какая-то контора. Что здесь было изначально, я доподлинно не знал, но мне почему-то хотелось думать, что конюшня.

В советские времена примерно раз в два года флигель кра-

сили свежей краской разного оттенка желтизны, а к первому мая и седьмому ноября вывешивали по обеим сторонам крыльца красные флажки. К середине 2000-х здание опустело и приобрело бесхозный вид: на дверях – амбарный замок, в разбитых окнах – ржавая жесть, на стенах – лохматые ошметки вспухшей краски. И все-таки продолжало стоять. На радость бездомным котам, а заодно и на нашу с Псиной.

В соответствии с установившимся у нас ритуалом уже на ближних подступах к конюшне я спускал с поводка свое серое сокровище. Собака, радостно повизгивая, тут же бросалась к охраняемому государством строению, чтобы задрав лапу у крыльца, обозначить тем самым свои притязания на эту территорию, которую она решительно не желала с кем-либо делить. Ну, разве что, со мной. Но только не с этими хвостатыми и наглыми созданиями, то и дело забирающимися внутрь сквозь дыры в окнах!

Еще издали завидев очередного злоумышленника, Псина начинала пронзительно лаять, а если кот, не вняв предупреждению, все же норовил нарушить невидимую границу, бесстрашно бросалась ему наперерез. Охваченный азартом охоты, я бежал за ней, издавая воинственные вопли, что рождались во мне спонтанно и неосознанно. А может, существовали всегда, как лай внутри собаки, на генетическом уровне, доставшемся по наследству от пещерных предков. Стоит ли говорить, что ни один кот не мог устоять перед таким напором? Все они позорно бросались наутек, не разбирая дороги.

Пока однажды нам не попался матерый полосатый котиче с надорванным ухом. Ни лай псины, ни мое улюлюканье не заставили его свернуть с намеченного пути. Вместо того, чтобы спрятаться в кустах или перемахнуть через забор, как обычно делали все его соплеменники, он на всех парах летел к конюшне, видимо, рассчитывая, опередив нас, спрятаться внутри. Однако ему не хватило буквально мгновенья. Добежать-то он успел, но оказался у глухой стены, а дорогу к отступлению мы с Псиной ему отрезали.

К немалому нашему восторгу кот сначала выглядел ужасно испуганным и затравленным, а потом, вероятно, решив, что терять ему все равно нечего, ошетинился и уставился на нас злыми зелеными глазами. И тут мы с Псиной растерялись: что делать дальше? Ну не рвать же его, в самом деле?

– Да ладно ты, не бойся! Мы – свои, – самым миролюбивым тоном проговорил я и присел на корточки. Клянусь, если бы у меня было оружие, я бы беспрекословно выложил его на грязный снег к кошачьим лапам!

Но кот на мировую не пошел, наоборот – зашипел, как масло на сковородке. Псина дрогнула первой: нервно взвизгнула, отскочила и спряталась у меня за спиной. В итоге я остался с загнанным котом один на один – ежиться под его разъяренным взглядом. Чувствую, пора и мне ноги делать, того и гляди, котяра глаза выцарапает. Зажмурился, и в то же мгновенье кот пролетел у меня над плечом, как тяжелый снаряд, с размаху бухнувшись в сугроб где-то позади... А

когда мы с псиной оглянулись, его и след простыл.

Пристыженные, мы потом долго не решались друг на дружку смотреть. Я шел чуть впереди, понурая Псина семенила след в след за мной. Бедная, она переживала наше общее фиаско еще тяжелее, чем я. Чтобы хоть немного ее утешить, я стал плести какие-то небылицы про светлые идеалы, которые мы якобы защищали, борясь с бездомными котами:

– Там же жили прекрасные лошади прекрасных дам, а они туда – со своими грязными лапами!..

После чего мы, не сговариваясь, остановились и устремили свои печальные взоры на конюшню, оставленную нами на милость кошачьему отродью.

– С другой стороны, – добавил я со вздохом, – им же ведь тоже надо где-то жить.

Псина немного помолчала, если, конечно, понятие «молчание» применимо к собакам, а потом жалобно заскулила. Наверное, вспомнила ту холодную ночь, когда она жалась у нашего дома, не зная, куда податься, брошенная, несчастная, голодная... Что бы с ней было, если б я ее тогда не приютил? Или вопрос нужно ставить иначе: что было бы со мной, не прибейся она однажды к моему подъезду?

Глава XIII

Псина же отвадила меня от Людки. За что я на нее, если честно, не в обиде, потому что в какой-то момент Людки стало слишком много. А было так. В тот раз я вернулся позже обычного, истосковавшаяся Псина кинулась мне на грудь с

особенной страстью, а высунувшийся в дверь Славка мстительно объявил:

– Ты бросаешь ее на полдня, а она воет на весь дом! А еще лужи назло наливает! Только почему-то у меня под дверью. А я-то тут при чем?

Конечно, на Славку, как и на весь дом, мне было наплевать, а вот Псину стало жалко. До такой степени, что назавтра, отправляясь к Людке, я захватил ее с собой.

Людка не то чтобы сильно обрадовалась, но отнеслась к Псине вполне нормально, погладила, пощекотала за ухом, спросила, какой она породы, и удивилась, что я не знаю. А какая, собственно, разница, главное, что нам с ней хорошо. Может, мы вообще – родственные души, для которых телесная оболочка не имеет никакого значения?

В отличие от Людки, Псина держалась неуверенно и зажато. С одной, стороны, оно и понятно, обстановка-то непривычная, с другой, было тут что-то еще, и я это сразу почувствовал, но не сразу дифференцировал. Пока мы сидели на кухне, и ей перепали вкусные кусочки, Псина вежливо слизывала угощения с наших с Людкой рук, слабо повиливая хвостом и в меру подобострастно щурясь. Сюрпризы последовали, когда действие плавно переместилось в спальню, куда Псина допущена не была.

Людка захлопнула дверь перед ее носом, а я, высунув голову, имел наглость приказать:

– Сиди тихо и веди себя прилично!

Так она меня и послушалась! Не прошло и пяти минут, как за дверью раздался вой. Поначалу мы с Людкой восприняли такое музыкальное сопровождение достаточно легкомысленно, даже похихикали, но по мере его усиления, наше настроение менялось не лучшим образом. Меня, например, оно отвлекало о того, ради чего я, собственно, и тащился к Людке чуть не через пол Москвы. Людка же стала беспокоиться, что собачий вой вызовет недовольство ее соседки – одинокой вьедливой пенсионерки, и не беспочвенно: очень скоро кто-то и впрямь остервенело забарабанил по батарее.

– Давай ее запустим, – предложил я.

– Ну, раз она жить без тебя не может, – нервно дернула плечом Людка.

Я открыл дверь, и псина, которая только того и добивалась, прошмыгнула в комнату.

– Тебе не стыдно? – пожурил я ее, кутаясь в простыню.

Псина для проформы поджала уши и забралась под стул, на котором валялись мои скомканные штаны.

Потом я попил водички, и мы с Людкой продолжили с того места, на котором остановились, правда, без прежнего энтузиазма. Дело и так не ладилось, а тут еще Псина стала лизать мне руку, а когда я сунул ее под подушку, переключилась на мои торчащие из-под простыни голые пятки. От щекотки я стал хохотать, как подорванный, на что Людка, принявшая все на свой счет, страшно обиделась и толкнула меня в грудь коленкой:

– Дурак! Не вижу ничего смешного!

Я сделал попытку оправдаться:

– Да ты не поняла, просто у нас групповуха получилась.

Но Людка уже отползла от меня к стенке и недовольно уставилась на сидящую на полу Псину. А надо знать, что направленные на нее молчаливые взоры моя хвостатая подружка переносит плохо и сразу начинает волноваться. И в этот раз она тихо зарычала, чем вызвала еще большее раздражение с Людкиной стороны.

– Смотрите на нее, она еще и рычит! – прикрикнула на Псину Людка. – А ну пошла отсюда!

Мне стало обидно за Псину.

– Да ладно, чего она тебе сделала? – Попытался я урезонить Людку, ссориться с которой в мои планы не входило. Я вообще не люблю портить отношения со своими женщинами. Зачем лишний раз напрягаться, если они сами с этим управятся?

Одного я не учел: в этот раз я оказался между двумя соперницами, каждая из которых отстаивала свои права на меня. В другой раз подобное обстоятельство мне, стареющему неудачнику, может быть и польстило, но тут началось такое!.. Когда в ответ на очередной собачий рык Людка со злости запустила в Псину тапком, та внезапно приняла слишком знакомую мне характерную позу и щедро оросила ковер на полу! Я и глазом моргнуть не успел от неожиданности, а Людка разразилась таким пронзительным визгом, что у меня

уши заложило.

Тут уж и я перешел на повышенные тона.

– Да не ори ты так! – одернул я ее. – Ты же ее пугаешь!

Но Людку было уже не остановить. Соскочив с кровати, она заметалась по комнате, окончательно запугав собаку, которая с лаем забилась в угол. А Людка, вместо того, чтобы оставить ее в покое, стала размахивать какой-то тряпкой и орать:

– Пошла! Пошла!..

– Слушай, отстань от нее! – я понял, что буду последним подлецом и предателем, если не вступлюсь за бедное животное. – Что ты к ней привязалась?

– А ты больше с ней не приходи! – выставила мне ультиматум Людка.

– Да я могу вообще не приходить! – пригрозил я, путаясь в штанах.

– Тогда и трахайся со своей собакой! – ядовито огрызнулась Людка.

Кстати, досталось мне и от Псины, которая смотрела на меня, не мигая, и в глубине ее черных зрачков стоял немой вопрос: зачем ты полез на эту похотливую сучку? Тебе что, заняться больше нечем? Пойдем лучше котов погоняем!

Так закончился мой роман с Людкой. Назавтра меня уже к ней не тянуло, и мы с Псиной всласть нагулялись, не пропустив ни одного пункта программы, включая конюшню с котами. А еще, проходя мимо ближайшего к нашему дому

книжного магазина, я увидел в витрине последнюю книжку молодого Мерзавца, по поводу которой Серега мне все уши прожужжал.

Сначала я решил игнорировать это обстоятельство, а потом все-таки дал слабину. Вернувшись, покормил Псину и, пообещав ей в награду за терпение любимое лакомство – ушки, опрометью кинулся обратно – в магазин. Там я сграбастал книжку, как вор, предварительно оглядевшись по сторонам, и тут же стал ее нервно листать, жадно выхватывая то там, то здесь плотно спрессованные абзацы, как коршун живую плоть. Мне хватило и четверти часа, чтобы понять главное: новый роман Мерзавца несравненно слабее предыдущего, стартового. Как же я торжествовал! Стыдно признаться, но будь вокруг поменьше народу, я бы, наверное, попробовал изобразить какое-нибудь несложное коленце из тех, которыми с грехом пополам обучился на потных дискотеках времен моей студенческой юности.

– Что, парень, спекся, сдулся, выдохся? – ехидно впился я взглядом в портрет автора на обложке.

Что, нутряной энзэ кончился? То-то же! Теперь слова уже не будут бить из тебя жирным фонтаном, как первая нефть из скважины. И тебе, как и всем поденщикам, вроде меня, придется просеивать их сквозь сито, долго разглядывать на свет, задыхаясь от предчувствия – вдруг бриллиант? – и отбрасывать безжалостной рукой, убедившись, что это всего лишь очередной осколок бутылочного стекла. Или – того ху-

же – вымаливать, выклянчивать, а то и душу, сам знаешь, кому, продавать. Не ты первый, приятель, не ты последний. Знаешь, сколько прошли тем же путем до тебя, по дорожке, мощеной несбывшимися надеждами?

Я даже подмигнул фотографическому Мерзавцу на обложке, взгляд которого показался мне каким-то затравленным, и... сделал то, чего я меньше всего от себя ожидал, – купил его несчастную книжку! Кинул ее в пакет, где уже лежали ушки для Псины (что, как тебе такое соседство, юный наглец?), и, посвистывая, вразвалочку, взял курс на свой диван. А по прибытии на место милостиво принял порцию традиционных собачьих ласк и погрузился в чтение.

Да-да, именно так: я читал новый роман Мерзавца, методично поглощая слово за словом, строчку за строчкой, главу за главой, безошибочно отмечая про себя слабые места и снисходительно усмехаясь, а порой, когда немощность автора проступала уж очень отчетливо и неприкрыто, позволяя себе протяжный стон удовольствия, от чего свернувшаяся в моих ногах псина каждый раз вздрагивала, приподнимала свою смышленную морду и тревожно вглядывалась мне в лицо. Как заботливая мать или преданная жена. В благодарность за это я, совершенно растроганный, гладил ее по теплому шерстяному боку, и во мне росло и ширилось ощущение простого и безоговорочного счастья, которым, так уж чудесно сложилось, я был обязан молодому высочке и его беспомощной книжке!

Той самой, что я проглотил, почти как Стивенсона в раннем детстве, не отрываясь даже на еду (Псину разве что покормил), и уже ночью, перелистнув последнюю страницу, поставил заключительный диагноз: лучше б ее не было. По крайней мере, для автора, для этого доброго, открытого, судя по выражению его физиономии на обложке, парня. Я даже сочувствием к нему проникся. Ну, куда он, спрашивается, торопился? В шею его, что ли, гнали, или собаки за ляжки хватили? Не мог подождать, накопить в себе!.. Хотя... Таланту ведь тоже кушать хочется. С этой мыслью я еще немного повалялся на диване, возложив книжку себе на грудь, после чего, ощутив внезапный прилив сил, резко вскочил, чем вызвал недовольство хвостатой подружки, пригревшейся у меня в ногах.

– Ладно, Псина, не сердись, – взял я в руки ее смышленную морду, – поработаю-ка я, пожалуй...

И в самом деле, спокойно и сосредоточенно, без долгой изматывающей подготовки, засел за компьютер, что было мне в принципе не свойственно. Открыл нужный файл и принялся методично, недрогнувшей рукой, вырезать и выбрасывать в корзину длинные философские отступления и затянутые воспоминания, которыми, по мнению издателя, мой роман был сильно перегружен, чтобы потом заполнить образовавшиеся пустоты активным действием и диалогами. Подумать только, а ведь еще совсем недавно меня не покидало ощущение, что мой роман – это упругое тело молодой

девушки, в угоду глупой моде вздумавшей изменить свою внешность, а я коновал –пластический хирург, безжалостно кромсающий его из-за денег!

Теперь же я чувствовал себя скорее патологоанатомом, который, отбросив грязную простыню, со сжатым в руке скальпелем профессиональным взором оглядывает лежащее перед ним тело: да, красивая была девушка, но ведь она уже мертва. А, значит, можно, не мучаясь угрызениями, ее полосовать и потрошить, вытаскивать внутренности, а потом, запихнув их обратно, наскоро зашить разрез грубыми стежками через край. Впрочем, это еще вопрос, насколько хороша была усопшая. Не исключено, что все как раз наоборот: она была редкой уродиной, и ей бы очень не помешало попасть под нож пластического хирурга, больше того, она об этом мечтала, и во всем себе отказывала, копя на операцию, чем и довела себя до тяжелой болезни, и, как следствие, угодила на стол к патологоанатому.

Словно под действием сильного допинга, я просидел у компьютера всю ночь и следующий день до обеда, отрывая свою расплюсченную задницу от стула только для того, чтобы всыпать корма в собачью миску и один раз выгулять псину во дворе. А затем, совершенно обессиленный, измочаленный, выжатый до последней капли, но все еще счастливый, замертво рухнул на диван. Последнее, что я почувствовал, радостно проваливаясь в гостеприимно разверзшуюся подо мной бездну, – тепло, исходящее от моей псины, привычно

расположившейся у меня под животом, где-то в районе солнечного сплетения.

И как же хорошо и уютно мне было на дне этого сухого, устланного ватой колодца, что я бы его никогда по своей воле не покинул и не променял на изматывающую маету, зорко стерегущую меня на поверхности, если б откуда-то сверху не раздался громкий лай моей собаки! Такой внезапный, пронзительный и отчаянный, что я вскочил, не успев еще как следует проснуться. А когда открыл глаза, увидел... Гандзю! Она сидела рядом со мной, на том самом месте, которое обычно занимает Псина, и смотрела на меня с тем же неподражаемым выражением, с каким она обычно разглядывала мыльные потеки и волосы, оставленные мной или Славкой в ванне, прежде чем, обозвав нас грязными свиньями, обдать ее горячей водой из лейки душа.

– Привет! – помотал я для верности головой. – Надеюсь, это приятный кошмар?

– Сам ты кошмар! – невозмутимо отозвалась Гандзя. – И собака у тебя кошмарная. Скажи ей, чтоб не гавкала.

– Собака! – Нарочито строго посмотрел я на свою Псину и предпринял заранее обреченную на неудачу попытку скопировать неповторимый Гандзин выговор. – Не гавкай!

Псина, тихо твякнув еще разок, обиженно поднялась и гордо, как оскорблённая в лучших чувствах жена, ушла куда-то в дальний угол, отчего меня сразу же начали мучить угрызения совести.

А тут еще Гандзя заметила на диване пустой пакетик от куриных шашлычков, которыми мы с Псиной баловались перед сном.

– Не удивлюсь, если ты это ешь! – заявила она и ехидно поинтересовалась. – И где ты только такую шавку взял?

– Ну не в Лондоне точно, – проворчал я.

– А я и не из Лондона, – ничуть не оскорбилась Гандзя, – я уже полгода как в Москве!

– Что, не понравилось на чужбине? – я втянул ноздрями воздух, уловив исходящий от Гандзи мучительно знакомый запах. Возможно, единственный, который я бы не спутал ни с каким другим – Настиных духов.

– Нет, в Лондоне мне понравилось, – серьезно ответила Гандзя, – просто обстоятельства изменились. Чтоб ты, Сапрыкин, знал...

Гандзя явно настроилась на долгое и подробное повествование, но я ее перебил:

– Слушай, как называются твои духи?

– Агент-провокатор, – быстро перестроилась на новую тему Гандзя. – Правда, классные?..

– Как-как?

– Агент-провокатор, – терпеливо повторила Гандзя и стала мне методично вдалбливать, как учительница второгоднику, чем ей понравился этот аромат, а также где и за сколько она его купила.

Я терпеливо ее выслушал, сам себе удивляясь. Ведь в

прежние времена, когда Гандзя была то ли моей жиличкой, то ли любовницей (а вернее, и тем, и другим сразу) это давалось мне с трудом.

Столь же терпеливо я ее рассматривал. А Гандзя изменилась, приобрела, так сказать, европейский лоск, но, как всегда, с перебором. И в этом вся Гандзина натура, ни в чем не знающая меры. Серый и наверняка дорогой брючный костюм на ее пышных формах выглядел как-то неуместно, куда больше ей пошел бы какой-нибудь прикид китайского производства с дешевой барахолки. Примерно то же можно было сказать и о ее макияже в скромных пастельных тонах, оставлявшем впечатление, что Гандзя просто не успела накраситься. Зато короткая шубка из песка, которую она не потрудилась снять, а только расстегнула, смотрелась на ней вполне органично.

– Значит, ты в Москве уже полгода? – не без труда вклинился я в поток Гандзиных словоизлияний. – Бросила, что ли, своего британца?

– Ну-у-у!.. – Гандзя закатила свои малороссийские очи. – Мы просто не сошлись с ним характером... К тому же он был такой жмот!..

– Неужели? – усомнился я. – А по твоему виду и не скажешь...

– Рада, что ты заметил, – Гандзя нежно погладила воротник своей шубки. – Только Уолтер тут не при чем. Я сама всего добилась.

– Это как? – я всерьез заинтересовался и даже принял полусидячее положение.

– Это так, что я теперь деловая женщина, – важно ответствовала Гандзя, чем еще больше меня заинтриговала. Хотя, казалось бы, куда уж дальше.

– А, по-моему, ты всегда была деловая, – заметил я, припомнив Гандзины попытки обосноваться на моей территории на правах законной супруги.

– Так, а шо мне оставалось делать? – Гандзя распахнула свою шубейку, в которой ей было жарковато, высвободив новую волну Настиного запаха, вызывающего у меня приступы тоски. – Как бедной девушке мне приходилось постоянно бороться за свое счастье. Хотя и сейчас тоже приходится, но и счастье уже другое, Петька, понимаешь, другое! Более масштабное!

То, как Гандзя произнесла последнюю фразу, заставило меня посмотреть на неё внимательнее. Похоже, девушка наших со Славкой неприхотливых грёз привезла с берегов Темзы не только новые духи, но и какие-то пока не очень понятные мне идеи. Что лишний раз доказывает: за границу наших людей выпускать противопоказано, сие ещё на декабристах проверено.

Тем временем Гандзя бросила короткий взгляд на плотно прикрытую дверь и приняла заговорщицкий вид:

– Слушай сюда, Петька! Можно хорошо заработать, а заодно улучшить жилищные условия. При этом ничего особен-

ного от тебя не потребуется.

– Очень интересно! – я заворочался на продавленном в том числе с Гандзиным же участием лежбище.

– Дело в том, что, – Гандзя взяла многозначительную паузу, – я представляю одну крупную строительную компанию! Которая со дня на день начинает строительство жилого комплекса. Догадайся где?

– Ну и где? – мне надоело угождать Гандзе. Я и так ее достаточно потешил.

– Да здесь, рядом с твоим домом, Сапрыкин!

– Если ты имеешь в виду выселенную пятиэтажку, – начал я было лениво соображать, и эта идея мне сразу не понравилась.

– Вот-вот, ты соображаешь в правильном направлении, – похвалила меня Гандзя.

– Допустим, – нахмурился, – только где там ваш комплекс встанет?

– Ты забываешь про старый сарай и пустырь рядом! – Гандзя просто сияла.

– Какой еще сарай? – На самом деле я уже понял, что Гандзя имеет в виду нашу с Псиной любимую конюшню. – А ты хотя бы в курсе, что этот сарай является памятником архитектуры?

На что Гандзя продемонстрировала знание вопроса, которого я от нее не ожидал:

– Ну, во-первых, в новый перечень памятников он не по-

пал. А во-вторых, он в аварийном состоянии.

С этими словами Гандзя вспорхнула с моего дивана, аки осенний листок с клена, и толкнула дверь песцовым плечиком:

– Ладно, пойду со Славкой общнусь! А то он еще обидится, что все внимание тебе одному, а разве это справедливо?

Гандзя скрылась, а я остался на своем диване – дурак дураком. Минуту-другую я полулежал в неудобном положении, которое принял по Гандзиной милости, потом присел, поджав под себя ноги, и сразу напоролся на обиженный взгляд своей псины.

– Ну не злись, иди сюда! – позвал я ее, и она тут же запрыгнула на диван и, радостно дрожа всем телом, лизнула меня в нос.

– Только без этих телячьих нежностей! – позволил я себе покапризничать, уворачиваясь от горячего шершавого языка. Ну, не свинья ли? Она же меня простила сразу, ни секунды не торгуясь, окончательно и бесповоротно!

– Слушай, псина, – заговорил я с ней убежденно, – если верить Гандзе, нашу с тобой конюшню, в которой жили прекрасные лошади прекрасных дам, хотят снести. И построить вместо нее свой дурацкий жилой комплекс из железобетона! И где ж мы тогда будем гулять? Ну нет, мы этого не допустим! Ведь не допустим, псина?

В ответ собака тут же приняла боевую стойку и звонко тьякнула, тем самым выразив полное одобрение моей граж-

данской позиции.

– Только ты меня и понимаешь, – в благодарность я погладил ее по курчавой спине, отчего растроганная Псина пришла в еще большее возбуждение и, пользуясь моим расположением, накинулась на меня со своими собачьими ласками.

И надо ж было, чтобы ровно в эту секунду ко мне вновь нагрянула Гандзя, без стука и в сопровождении слегка помятого Славки.

Гандзя, которая успела снять и перекинуть через локоть своего песца, неодобрительно воззрилась на нас с Псиной:

– Сапрыкин, ты хоть проверил, сколько у нее блох?

– Думаю, что не больше, чем у тебя! – я снова хлопнулся на спину, прижав к себе собаку.

– Нет, ты слышал? – Гандзя попыталась заручиться поддержкой Славки – этого самого скользкого угря из всех возможных. – У него что, совсем крыша прохудилась?

Со Славкиной стороны, конечно, никакой реакции не последовало, зато лежащая сбоку от меня Псина вдруг напряглась и оскалила зубы. И это, я замечу, были первые серьезные признаки агрессии, которые она выказала, с тех пор, как она ко мне прибилась! Прежде она только лаяла, да и то по обязанности. Ну, еще выла. Да, забыл, еще на Людку рычала, но все равно это было не так!

– Держи свою шавку, урод! – сразу заорала Гандзя.

Честно говоря, у меня не было ни малейшего желания исполнять Гандзины приказы, а если бы даже и было, я бы уже

не успел. Маленькое тело моей Псины вдруг натянулось как тетива, я и глазом моргнуть не успел, а на собачьих клыках уже был изрядный клок Гандзинога песка!

Гандзя заверещала так, что стекла в окнах задрожали, отчего Псина, выронив из пасти свой боевой трофей, еще громче залаяла и изготовилась к новому броску. Я с трудом ее удержал, вцепившись в ошейник, а заодно прикрикнул на Гандзю:

– Да заткнись ты, идиотка! Сама ее пугаешь!

Гандзя нехотя сбавила децибелы, но лучше от этого никому не стало.

– Никогда тебе этого не прощу, Сапрыкин! – объявила она, тяжело дыша. – И твоей шавке тоже! У тебя хотя бы справка есть, что она не бешеная?

– А у тебя? – выверился я на нее не хуже своей псины. – У тебя есть справка, что ты не бешеная? На каком основании ты врываешься в мою квартиру? Я тебя приглашал? Я тебя звал? Думаешь, что если ты какой-то представитель какой-то гнусной строительной конторы, для тебя все двери открыты?

– Ах, вот ты как заговорил! – Гандзя уперла руки в бока, совсем как в ту пору, когда она еще мыла полы в нашем клоповнике. – Вот она когда твоя сущность поперла! Жалкий неудачник, да ты мне просто завидуешь. Потому что ты за свою жизнь ничего не добился, а я добилась! Ты даже бабу себе не завел! А все потому, что кому ты нужен! Только этой шавке бездомной, а больше – никому!

Не буду скрывать, что услышав такое, я испытал сильное желание сказать своей псине «фас» и отдать ей на полное растерзание Гадзино песца. Но я этого не сделал. По большей части из-за Славки, который стоял рядом с Гандзей и как приличный человек вынужден был бы ее защищать. Кроме того, моя Псина и так получила сильнейший стресс, а мне ее жалко, в отличие от Гандзи. Эту сельскую дуру и танком не переедешь, а у моей Псины тонкая, чувствительное натура и храброе сердце львицы. А уж сколько в ней благородства, преданности и отваги! Вот только, боюсь, ни по одному из этих показателей я ей не соответствую. Обидно, честное слово, обидно!..

– А не пошла бы ты... лесом! – наконец изрек я и кивнул на Псину. – Я ее с трудом удерживаю – не ровен час порвет!

– Клоун! – фыркнула Гандзя! – Всегда им был, им и останешься! – Однако же комнату мою покинула, предварительно гордо вскинув голову. Славка, округлив свиные глаза, удалился вслед за ней. После чего из коридора донеслись удаляющиеся Гандзины причитания:

– Козел! Я же хотела ему выгодный вариант предложить! А он на меня свою дворнягу натравил!..

Через минуту Славка вернулся, встал напротив меня и уперся затылком в стенку:

– Ну, и чего ты добился?

– А чего она из себя тут хозяйку изображает? То на квартиру претендовала, а теперь у нее уже другие масштабы! За-

махнулась на близлежащие окрестности!

– Думаешь, порванная шуба ее остановит? Не знаю, какой она там представитель, но, похоже, все очень серьезно. Гандзя сказала, что они уже получили разрешение на строительство жилого комплекса с подземным паркингом. Но опасаются, что местные жители встретят стройку без восторга.

– Надо же! – хмыкнул я. – Какие они проницательные! А ведь, казалось бы, жители должны радоваться, что сначала под их окнами будут круглыми сутками забивать сваи, а потом закроют солнце! Я уже молчу про уничтожение памятника истории и архитектуры.

– Это ты про конюшню? – Славка отлепился от стенки, вихляясь, прошелся по комнате и приземлился на стул у компьютера. – Да брось ты! Сколько по Москве снесли старинных усадеб не чета нашей, от которой одна конюшня осталась!.. Они сделают это в любом случае, и ты тут ничего не попишешь... Зато мог бы заработать! Как я понял, они специально Гандзю подослали. Чтобы она уговорила нас сколотить группу жителей, которая будет не против, а за. Естественно, не бескорыстно.

– И ты, конечно, на это купился! Как самый коренной из замоскворецких аборигенов!

– Да я вообще тут не при чем, – уныло скривился Славка, – и собираюсь держать нейтралитет. Но раз уж это все равно произойдет, желаем мы того или нет, почему бы хотя бы копейку не слупить?

– Ага, типа расслабиться и получить удовольствие, – я погладил лежащую рядом псину, которая в этот момент именно таким образом себя и вела. – А вот и хренушки ей! Возьму и возглавлю группу жителей, которая «против». Не отдадим им нашу конюшню, правда, Псина?

Псина одобрила мои слова тьяканьем.

А по Славкиной физиономии разлился ничем не прикрытый скепсис:

– Ты-то? Возглавишь? Ну-ну... Ты хотя бы с дивана слезь и с собакой погуляй. Сегодня еще ни разу не выходил.

И свистом подозвал к себе мою Псину, которая – вот же предательница – тут же спрыгнула с дивана и, повиливая хвостом, присела у Славкиных ног.

Мне стало досадно. Ведь как все хорошо начиналось, а теперь... Где, скажите, те радость и творческий прилив, что подарила мне бездарная книжка Мерзавца? Куда все испарилось, куда все выветрилось? Или?.. Я принял: слабый запах Настиных духов в комнате все еще присутствовал, но остался-то он после Гандзи!..

Глава XIV

Наверняка я еще долго бы злопыхательствовал по Гандзиному поводу, если бы сошедший с привычных рельсов поезд моей жизни не совершил очередной рискованный маневр. Но все по порядку. Ближе к вечеру мне позвонил Кирилл и сходу стал расхваливать перелицованный вариант романа, не скупясь на самые лестные оценки. Несмотря на это,

я внутренне напрягся, потому что скорость, с которой он успел прочитать мое модернизированное творение, не могла не удивлять. С другой стороны, я и сам потратил на переделку романа не так уж много времени, причем большая его часть ушла у меня на достаточно механическое «усекование» пространных лирических отступлений. По мнению Кирилла, они сильно утяжеляли повествование, хотя, кто знает, может, он просто рассчитывал таким образом сэкономить на бумаге? И то верно, писателей сегодня развелось немерено, а леса повсеместно сокращаются. А потому по-хорошему надо бы самых плодовитых, вроде Сереги, обязать заниматься посадкой деревьев, или же окончательно перейти на электронные носители. А впрочем, и в этом случае не стоит забывать, что глаза у читателей тоже не казенные...

Однако вернемся к нашим баранам. Точнее, к одному из них, сидящему на своем продавленном диване с трубкой возле уха и внимающему льющимся из нее сладким речам в смутном ожидании подвоха. А оно, надо сказать, оправдалось – минут этак через десять, когда у Кирилла иссяк запас славословий.

– Поздравляю вас, Петр, мы уже запустили ваш роман в работу, – объявил мой издатель, – а пока нужно позаботиться о рекламе. В этой связи... Как вы посмотрите на то, чтобы принять участие в программе «Миг удачи», которую ведет Андрей Захаров?

– Что-о?.. – Я чуть с дивана не свалился. Да более дрянной

передачи, чем этот «Миг удачи», на нашем телевидении с фонарем не сыскать!

– Согласен, публика там собирается не самая интеллектуальная. Но зато передача идет в прайм-тайм, и смотрит ее полстраны. – Молниеносно упредил растущее во мне негодование мой сладкоречивый издатель-искуситель. – И вообще, взгляните на это проще – как на рутинную обязанность. Как на бремя славы, в конце концов. – Эта незамысловатая острота вызвала у моего невидимого визави приступ веселья, и я снова услышал его демоническое «кха-кха-кха». – Тем более что в договоре есть пункт об участии автора в рекламной кампании его произведения.

Ну вот, так я и знал! Опять договор! И, главное, в этот раз я честно пытался его изучить, да что толку? А ведь в нем наверняка есть и другие пункты, которые могут выйти мне боком. Что еще я обязан сделать по этому договору? Душу дьяволу продать? Так я ее уже продал! Причем два раза, если кто забыл! А деньги пропил!

Злющий-презлющий поплелся я к Славке – разбираться. Ладно я, а он-то куда смотрел?

– Ну да, был там такой пункт, и что теперь? – сверкнул он очками, на секунду оторвавшись от компа.

– А то, что мне теперь нужно тащиться к Захарову на «Миг удачи»!

– Опа, в ящик! – Одобрительно цокнул языком Славка. – Классно!

– Да-а? А ты хоть раз этот «Миг удачи» видел?

На что мой квартирант спокойно отозвался:

– Ты же знаешь, я вообще телик не смотрю. И потом, какая тебя разница? Это же в рекламных целях.

– А по-твоему, позориться в рекламных целях – это почетно? – Я все больше распалялся. А что мне еще оставалось?

Однако Славке моя задрипанная честь, судя по всему, была ничуть не дорога.

– Слушай, что тебе надо? – довольно гнусненько огрызнулся он. – Я-то тут вообще при чем? Не хочешь публичности, не надо было роман свой писать! А если б меня лично позвали мою работу прорекламирровать, то я бы хоть на «Спокойной ночи, малыши» пошел! Даже не пошел, а победил! Но меня никуда не зовут, потому что наука в этой стране никому не нужна. А твой роман, Сапрыкин, нужен. Поэтому радуйся и не мешай мне работать!

– То есть, ты считаешь, что мой роман – дерьмо? – уточнил я зловещим тоном. Собственно, я и сам так считал еще пять минут назад, а сейчас готов был вцепиться Славке в глотку.

Псина – а она всегда меня сопровождала в ходе моих визитов к Славке, – тут же уловила мой воинственный настрой и тихо рыкнула в знак солидарности. Дескать, я с тобой.

– Да ничего я не считаю! – выпалил, полуобернувшись, Славка. – Тем более что я его в глаза не видел. А договор читал уже после того, как ты под ним свой драгоценный ав-

тограф поставил! Так чего ты теперь от меня хочешь? И...
Вообще, убери свою собаку! Ты ей даже лапы не моешь!

– Да они у нее почище, чем у тебя! – за Псину я обиделся даже больше, чем за свой роман.

Псина, видимо, думала так же, а потому громко залаяла на Славку. Мне даже пришлось ее придержать на всякий случай. А Славка, который наверняка был под сильным впечатлением от недавней стычки с Гандзей, нервно дернулся и мстительно пообещал:

– Ладно-ладно, попросишь ты у меня колбасы...

Что там ни говори, а портить отношения между Славкой и Псиной было не в моих интересах, ведь периодически я ее с ним оставлял. Поэтому я окликнул свою хвостатую подругу:

– Пойдем отсюда, Псина! Нас здесь не любят.

Правда, напоследок позволил себе хлопнуть дверью. По крайней мере, на это я как законный хозяин еще имею право!

Так и не получив от своего неблагодарного квартиранта столь необходимого мне сочувствия, я хотел было поискать его у Сереги, но вовремя одумался. Ибо, как свидетельствует мой прежний опыт, дело это абсолютно безнадежное. Во всяком случае, до сих пор традиционное Серегино «участие» в моих невзгодах сводилось к следующей формуле. Первое: Серега объявляет, что случившееся со мной – кошмар, ужас и катастрофа. Второе: делает вывод, что все это – закономерное следствие моего же идиотизма. И, наконец, третье:

сообщает, что с 99 процентами известных ему гомо сапиенсов подобное ни стряслось бы ни при каких обстоятельствах. Стоит ли удивляться, что я давно уже ни на что ему не жалею. Притом что сам Серега себя такого удовольствия не лишает, и я вынужден выслушивать его стенания по всяческим поводам, а их у него воз и немаленькая тележка. Конечно, это несправедливо, но куда деваться? Ведь Серега – единственный мой друг-единомышленник с тех пор, как Вэл лежит утыканный проводками, а остальных рассеяло время.

Короче, я предпочел страдать лежа на диване, однако процесс этот был прерван в самом начале. Очередным телефонным звонком, причем с незнакомого мне номера. Проигнорировав вызов, я повернулся на другой бок, но через десять минут звонок повторился. Ну и наглость! Даже пострадать спокойно не дадут!

– Кто там еще? – недовольно рявкнул я в трубку.

– Я говорю с Петром Сапрыкиным? – Ничуть не смутился глуховатый женский голос.

– Допустим!

– Это Зоя Трубицына – ассистент режиссера программы «Миг удачи». Завтра запись эфира, начало в 12. Теперь, что касается одежды: нельзя одевать белое, черное, в полоску, в клетку и в горошек, остальное можно. Когда приедете, позвоните мне, я вас встречу.

Протараторила и отключилась, я даже не успел спросить, чем ей так горошек не угодил. Только потом я сообразил,

что теледевица говорила о моем участии в передаче, как о чем-то окончательно и бесповоротно решенном, даже не поинтересовавшись моим мнением. Наверное, это Кирилл ее уверил, что с моей стороны никаких возражений не будет. А может, она считает, что все мечтают сняться в их низкопробном балагане. С этой мыслью я уже вознамерился, было, ей перезвонить и высказать все, что я на этот счет думаю. Но потом здраво рассудил, что эта Зоя всего лишь мелкая пешка, и если уж высказывать свое «фи», то – Захарову. И желательно с глазу на глаз. Тут-то в моей голове и созрел гениальный план. Во всяком случае, так мне тогда показалось.

– Ну, хорошо, будь по-вашему! – вскричал я, переполошив прикорнувшую у меня в ногах Псину, и кинулся к шкафу, в котором хранился мой не то чтобы обширный гардероб. Застыл на мгновение перед открытой дверцей в раздумье, а потом стал метать на диван штаны и рубахи. Принявшая мои действия за игру Псина радостно залаяла.

– Ну, и где тут у нас гор-рошек? – уставился я на разбросанные тряпки. – Или хотя бы полоска? – Однако вынужден был констатировать, что в этом смысле гардероб мой безнадежен.

Теперь вся надежда была на Славку. Я вспомнил, что, когда несколько лет тому назад он появился на моем пороге, на нем был роскошный клетчатый пиджак самого вульгарнейшего пошиба. С тех пор он его надевал от силы пару раз, а потом его, видимо, кто-то надоумил, что в таком прикиде

нормальной работы ему не найти. А вдруг Славка выкинул свой раритет, внутренне похолодел я. Нет, вряд ли, уж слишком он для этого рачительный.

Так оно и оказалось: Славка меня не подвел, хотя, и встретил нас Псиной не слишком приветливо:

– Ну, что опять?

Да и к просьбе моей отнесся с большим подозрением. Долго выпрашивал, зачем мне понабился его замечательный декадентский сюртук. Я не стал скрывать, что хотел бы покрасоваться в нем перед телезрителями. Славка заколебался, но примерку все-таки разрешил.

Натянув на себя Славкин пиджак, я пришел в неопишувмый восторг:

– Какая вещь! Контрабандный товар!

И чуть было все этим не испортил. Потому что Славка почувствовал скрытый подвох и взъерепенился:

– А ну снимай! Тоже мне кутюрье выискался!

Пришлось выкручиваться, доказывать, что я-де без всякой задней мысли, а с самыми лучшими намерениями. Ухищрения мои даром не пропали: Славка хотя и не сразу сменил гнев на милость. Велел только быть аккуратнее и не заляпать пиджак «какой-нибудь гадостью».

– Уж будь спокоен! – заверил я своего строптивного квартиранта, а между делом поинтересовался, нет ли у него заодно рубашки в горошек?

– Чи-во? – Славка воззрился на меня тяжелым бычьим

взглядом.

– Ну, нет, так нет, – развел я руками, – посмотрю, кажется, у меня где-то в полоску была...

И поспешил ретироваться, пока Славка насчет пиджака не передумал.

Назавтра я был на телевидении. Минута в минуту и при полном параде. Позвонил, как и полагалось, Зое. Минут через пять на проходной появилась на редкость невзрачная девица, сощурившись, обвела взглядом приличную толпу в предбаннике и выкрикнула мою фамилию. Я гордо вышел вперед, приготовившись насладиться произведенным эффектом, однако все прошло не так, как я предполагал. Не то чтобы Зоя вовсе не оценила мои старания, но, если честно, я рассчитывал на большее. Отправлять меня восвояси она почему-то не стала, только застыла на пару мгновений лицом и все. Ладно, сказал я себе, в конце концов, моя главная цель не эта несчастная пигалица, а Захаров. А еще точнее, мой издатель – Кирилл. Посмотрим, как ему понравится такая рекламная кампания!

Хуже, что и дальше события развивались не по тому сценарию, который я себе нарисовал заочно. Пока мы шли по длинным коридорам телецентра, никто из следовавших встречным курсом не обратил на меня ни малейшего внимания! Это уж потом я понял, что телевизионщики народ бывалый, и клоунами их не удивишь, а поначалу воспринял ситуацию чуть ли не как тайный заговор. Впрочем, скоро реак-

ция на мой тщательно подобранный «образ» все-таки последовала. Когда Зоя ввела в меня в довольно просторную комнату, где уже находилось несколько человек, явно не местных, а таких же пришлых, как я. Так вот они-то воззрились на меня с удивлением, если не сказать с опаской. И это меня хотя бы немного порадовало.

– Ну вот, все в сборе! – резюмировала Зоя. – Тогда прослушайте инструктаж. Когда в студии начнется дискуссия, не ждите, что вас попросят высказаться. Отстаивайте свою точку зрения самостоятельно. Скоро вас пригласят, а пока можно попить кофе. – И добавила, обращаясь исключительно ко мне. – А мы с вами пойдем к гримерам.

Я сразу насторожился:

– Почему?

– Потому что остальные там уже были.

– А это обязательно? – я завертел головой, высматривая Захарова, ради которого я и затеял свой маскарад, но его нигде не было

– Не бойтесь, ничего страшного с вами не сделают, – Зоя даже не улыбнулась.

– А я и не боюсь! – Меня задело, что эта телевизионная пигалица приняла мои метания за трусость.

– Тогда пойдете?

– Как скажете, – буркнул я. В конце концов, может там мне попадется Захаров?

В этот раз шли мы недолго. Зоя завела меня в помеще-

ние напротив, напоминаящее вокзальную парикмахерскую со всеми подобающими атрибутами в виде зеркал, туалетных столиков и кресел для клиентов, в основном пустующих. Меня усадили в крайнее от двери, и какая-то сосредоточенная особа, даже не поздоровавшись со мной, стала зачесывать мне волосы сначала на правый пробор, потом – на левый, затем снова на правый, в итоге вернувшись к тому варианту, с которым я явился и который я сам для себя называю «художественным беспорядком». Единственно – как я понимаю, исключительно для того, чтобы создать видимость работы – взбила на моем темени что-то вроде кока, спрыснув это утлое сооружение лаком. Покончив с прической, несколько раз прошлась по моей физиономии какой-то щеткой, что было очень щекотно. Красить мне губы я на всякий случай запретил. В клетчатом пиджаке и полосатой рубашке я и без того выглядел законченным фриком, для полноты картины не хватало разве что галстука в горошек, но я их не ношу в принципе.

Кстати, как выяснилось, пока меня прихорашивали, Зоя никуда не уходила – ждала за дверью. Не иначе боялась, что сбегу. Так что к месту сбора я вернулся под ее конвоем, а вот кофе выпить уже не успел: меня и всех остальных снова куда-то повели по длинным и гулким коридорам. Женщины при этом шагали впереди вместе с Зоей, мужчины – след в след за ними, а я замыкал шествие, чувствуя себя неприкаянным инопланетянином. Боевой дух, переполнявший ме-

ня еще утром, мало-помалу весь из меня вышел, а освободившееся пространство постепенно занимало беспокойство. Что я здесь забыл? Зачем мне это нужно?

Вскоре мы все оказались в студии, вернее, в ее отгороженной тыльной части, темной, пыльной и неудобной. Не успел я еще толком оглядеться, ко мне подскочил шустрый паренек, который ловко приладил на лацкане моего роскошного пиджака микрофон, а на брючном поясе передатчик и, ни слова не говоря, удалился. Потом подрулила Зоя, отвела меня в сторонку и стала с заговорщицким видом инструктировать:

– Повестка дня такая. Сначала бабушка расскажет, как стирает внуку подгузники. Потом выступит народный целитель-уринотерапевт... А вы – уже за ними. Особо ничего не требуется. Просто изложите свое мнение и все. После чего Андрей расскажет о вашей книге. Ясно?..

– Более-менее, – кивнул я обреченно, чувствуя себя интеллигентной старой девой на выданье, ожидающей встречи с женихом, заочно сосватанным заботливыми подружками. И платье на ней новое и замуж бы надо, а все равно хочется удрать. И ведь, самое главное, вспомним, зачем я вообще сюда явился? Чтобы бросить вызов. А вместо этого выслушиваю наставления, как себя вести и что говорить.

– Вот и хорошо, – похвалила меня Зоя, – а пока ждите, когда вас назовут, – с этими словами она отошла от меня в сторону, туда, где переминались с ноги на ногу прочие участники передачи. Их она напутствовала всех скопом.

Глава XV

Бабульку, стирающую памперсы, я вычислил сразу, потому что другая представительница лучшей половины, заготовленной для очередного вечернего «поедания» телезрителями, была еще довольно молода. А вот кто из двух сухопарых и сосредоточенных мужичков в одинаковых серых костюмах является уринотерапевтом, сколько не ломал голову, так и не решил. Кстати, кем были остальные, Зоя меня в известность не поставила. Видимо, по сценарию слово им представлялось уже после меня.

Покончив с собратьями по «удаче», я принялся рассматривать публику, которая уже занимала стулья в студии. А что мне еще было делать? Правда, для этого мне пришлось подойти поближе к полу, отделяющему своеобразные «кулисы», в которых мы все находились, от студии, где и должно было развернуться главное действие. А народу там тем временем набивалось прилично – по моим прикидкам, больше сотни. На первые ряды усаживались в основном благообразные тетки, которые тут же принимались друг с дружкой перешептываться, подалее – прибывающая небольшими группками молодежь. Юноши и девушки, по виду, да и повадкам, старшеклассники или пэтэушники, сначала лениво толкались и перебрасывались шуточками, а затем невозмутимо утыкались в свои телефоны.

На всю эту «усушку-утруску» ушло ещё несколько минут, после чего мне и остальным «героям» будущей переда-

чи приказали подготовиться к ответственному моменту выхода. Все, включая и меня (не буду скрывать) сразу подобрались, заметно занервничали и стали искать глазами Захарова. Было ясно, что все начнется, когда он появится в студии, а потому его неожиданная материализация перед собравшимися в невероятном клетчатом (!?) костюме произвела на всех эффект разорвавшейся бомбы. Какой эффект она произвела на меня, не буду даже пытаться описать.

–Здравствуйте, здравствуйте! Рад видеть вас в студии токшоу «Миг удачи»! А вам, дорогие телезрители, от всех нас – огромный привет! – энергично частило клетчатое божество из ящика, сбегая по ступенькам между рядами стульев. – Сегодня, как, впрочем, и всегда, к нам в гости пришли люди, которые хотят поделиться своими достижениями. Давайте им поаплодируем!

В ответ заранее проинструктированная публика разразилась не очень стройными хлопками, кои Захаров, как опытный дирижер, одним мановением руки довел почти до овации, а затем столь же виртуозно оборвал. Дальше аплодисменты раздавались порционно, словно заранее отмерянные каждому участнику в равных количествах, отчего у меня сложилось впечатление, что с публикой была проведена отдельная и очень серьезная репетиция. Имя – взрыв хлопков – затишье и снова имя... Я, совершенно всем этим раздавленный, почти ничего не соображал, только ждал, когда назовут меня...

– Петр Сапрыкин, писатель! – наконец дошла до меня очередь, и, получив причитающуюся мне долю зрительского внимания, я на негнущихся ногах протопал туда, где уже сидели те, кого успели выкликнуть раньше. Примостился аккурат рядышком с бабушкой с подгузниками, которая в это мгновение показалась мне почти родной, и втянул голову в плечи...

В зал, как и на Захарова, я старался не смотреть, и все равно не столько заметил, сколько почувствовал: мое явление народу вызвало реакцию особого рода. В том числе и у ведущего, с которым, так уж случилось, я откровенно конкурировал по части клетчатости. Эх, жалко все-таки, что я не нашел ничего в горошек! Хотя, кто его, этого Захарова, знает, может, у него и такой костюм имеется? И все Зоины рекомендации по части гардероба приглашенных на передачу объясняются исключительно опасением, как бы кто-нибудь ненароком не затмил телеидола своей экстравагантностью? Что ж, раз так, то я его хотя бы по колеру обскакал: «моя» клетка была в контрастных рыже-лиловых тонах, а захаровская – в примитивных серо-голубых.

Сначала все шло по плану. Бабушка, которой, видимо, по праву старшинства дозволили первой «поделиться достижениями», достала из пакета стиранные памперсы и продемонстрировала публике плоды своих трудов. На что въедливый Захаров немедленно поинтересовался, каков от этого предприятия экономический эффект. Бабуся, не моргнув глазом,

ответствовала, что большой: если раньше на подгузники внука уходила вся зарплата его папаша, то теперь только половина. Однако по зрительским рядам прокатился недовольный ропот: как можно на ребенке экономить? Дескать, еще неизвестно, как такое ноу-хау на его здоровье отразится. Что только подзадорило мою соседку, которая, призывая меня в свидетели, стала яростно размахивать подгузниками прямо у меня перед носом:

– Ведь правда же чисто? Скажите им, что ни пятнышка!

Вслед за бабусей слово взял уринотерапевт, обнаружившийся через два стула от меня, и с этого момента сценарий пошел вкривь и вкось, что, впрочем, ничуть не беспокоило ведущего. Прежде всего, уринотерапевт не пожелал укладываться в регламент и вообще оказался болтуном, похлеще Захарова. Буквально не давал ему рта раскрыть, распалившись, бегал по студии и увлеченно пропагандировал мочу как панацею от всех напастей. А когда кто-то из зрителей попробовал ему робко возразить, сокрушил оппонентов убийственным аргументом – взял да и махнул своего чудодейственного снадобья прямо из невесть откуда взявшегося шкалика. Зал на минуту задержал дыхание, после чего дружно ахнул.

Понятно, что на этом фоне даже «достижения» экономной старушки, стирающей памперсы внука, померкли в одночасье, что уж говорить о моих, все еще остававшихся неведомыми миру? Тем временем Захаров, не без труда, но су-

мевший унять неистового уринотерапевта, дал понять, что наступил мой черед. По предварительному уговору я должен был всего-то прокомментировать увиденное, а Захаров прорекламирровать меня в качестве последней надежды русской литературы. Но тут случилось ужасное: я впал в ступор, напрочь забыл заранее подготовленный текст и растерянно усталился в зал на снятых с уроков старшеклассников и молодящихся пенсионерок, прогуливающих в телевизоре свои фамильные драгоценности.

– ... Петр, – донеслось до меня сквозь нарастающий шум в ушах, – так что вы нам скажете? Что вы думаете о том, чему мы только что стали свидетелями?

Я посмотрел на Захарова сквозь расплывающиеся перед моим взором радужные круги – не хватало мне только в обморок шмякнуться – и брякнул первое, что пришло в голову, лишь бы только не молчать:

– Я думаю... Я думаю, что у нас свободная страна, в которой каждый может сходить с ума по-своему.

– Но все-таки, все-таки у вас же есть собственное мнение по поводу... м-м-м... этих достижений?

Вот привязался!

Я из последних сил напряг извилины:

– Ну-у... Относительно второго я могу сказать, что если я, не дай бог, неизлечимо заболею, то, наверное, соглашусь выпить, что угодно, включая мочу... Что же касается первого, то у меня детей нет, а потому о подгузниках и их стирке

у меня весьма смутные представления...

Произнеся эту не бог весть какую глубокомысленную тираду, я воззрился на Захарова – может, хватит уже – как вдруг откуда-то из зрительских рядов послышался выкрик фальцетом:

– А вот и неправда!..

Я перевел взгляд туда, откуда он исходил, и увидел лохматого долговязого парня в желтой майке с непонятным абстракционистским рисунком. Тот поднялся с места и, глядя прямо на меня, повторил уже уверенней:

– Насчет детей вы говорите неправду. У вас есть сын. Это я.

Мне будто огнем в лицо полыхнуло, дыхание перехватило, руки задрожали, я подался вперед и чуть было не рухнул с дивана. Вот оно, вот оно возмездие, молотом по наковальне стучало у меня в висках, так мне и надо. За все! За мой роман – кто заставлял меня его писать? За то, что пошел на поводу у издателя – ну, не продажная ли сволочь? За то, что явился на ток-шоу – сволочь продажная и беспринципная вдвойне!

Я посмотрел на Захарова, как будто он мог мне чем-то помочь (Мне?! Чем?!), а тот, крутнувшись на одной ножке, на всех парах подлетел к пареньку в желтой майке и сунул ему лицо микрофон :

– Значит, вы утверждаете, что приходитесь писателю Петру Сапрыкину сыном?

– Да, утверждаю, – нахально подтвердил юнец.

Поскольку в сценарии ничего подобного не значилось, я не знал, что и делать: то ли раскрыть ему объятия, то ли требовать теста ДНК. Впрочем, ни один из этих вариантов реализовать мне так и не пришлось, потому что из тех же зрительских рядов послышался новый взволнованный возглас:

– Нет, это мой отец!

Публика ахнула. В этот раз свои права на меня предъявляла уже девушка, совсем молоденькая, которую вернее было бы назвать девчушкой, а еще вернее, пацанкой, – рыжая, с румянцем во всю щеку и задорным блеском в зеленых глазах.

Тут уж я окончательно растерялся и решил целиком положиться на Захарова, полагая, что в подобных ситуациях он должен чувствовать себя, как рыба в воде. И он мои надежды оправдал, хотя и не сразу. Хотите – верьте, хотите – нет, но на пару мгновений этот проныра замешкался, а на его прожженной физиономии отразилось что-то вроде недоумения. Но, надо отдать ему должное, быстро взял себя в руки, и в следующую секунду микрофон уже маячил перед румяным личиком:

– Так вы, выходит, тоже дочь Петра Сапрыкина?

– Почему тоже? – девица оказалась строптивой. – Я – точно дочь. А насчет него, – кивнула она на парня в желтой майке, – не уверена. Может, он самозванец!

Публика снова протяжно ахнула, зато Захаров моментально сориентировался и, обращаясь ко мне, выдал самую гол-

ливудскую из своих улыбок:

– Поздравляю вас, Петр! Еще недавно вы были бездетным, а теперь у вас сразу двое наследников.

Зал бешено заплодировал, а я зачем-то привстал со стула и с глупой улыбкой раскланялся. Ноги у меня при этом были ватные. Потом я снова опустился на стул и стал дожидаться, когда все кончится. Притом что на самом деле все только начиналось.

– Честно говоря, Петр, я сегодня собирался говорить о ваших литературных успехах, – объявил Захаров, – но обстоятельства складываются так, что придется говорить о других. Вы, оказывается, ко всему прочему еще и очень любвеобильный мужчина!..

– Да просто бабник! – тут же вскинулась одна из тетушек в первом ряду. – Наделал детей, побросал их где ни попадя, а теперь романы пишет! Уверена, что эти двое – еще не все! Наверняка и другие есть. – И уже персонально к Захарову. – Это хорошо, Андрей, что вы его показали! Пусть и остальные на него посмотрят и подадут на алименты!

После этого старушка с подгузниками в знак солидарности с женской половиной зала демонстративно от меня отодвинулась, а я понял, что умудрился затмить уринотерапевта. Тот, кстати, тоже стал на меня коситься, но, скорее всего, из зависти. Вот если бы у него было столько детей в студии, сколько у меня, все бы стали пить мочу не морщась. А так его усилия пропали даром, потому что все лавры достались мне.

Дальше и вовсе пошло-поехало. Каждая из пришедших на ток-шоу теток считала своим долгом высказать все, что обо мне думает, а Захаров был рад стараться подсунуть им свой микрофон. Стоит ли удивляться, что, благодаря «Мигу удачи», я узнал о себе много нового и интересного. Вот только остальные участники передачи остались без должного внимания. Их выступление, скомканное и бледное, никто практически и не слушал. Не знаю, чем бы все кончилось, не исключаю, что возмущенные тетки разорвали бы меня в клочья, если б не жесткий телевизионный регламент.

На очереди была запись следующей передачи, и Захаров мастерски свернул дискуссию, произнеся свое коронное финальное пожелание не упускать из рук птицу удачи. После чего еще минуту назад негодующая публика сразу утратила малейший интерес к моей персоне и стала потихоньку расходиться. Мои соседи, включая экономную бабульку и ури-нотерапевта, тоже начали подыматься с мест, один я сидел, как пришибленный, не в силах пошевелиться и тупо наблюдал, как Захаров пожимает руки участникам передачи. Наконец, очередь дошла и до меня.

Когда этот телекрасавец протянул мне свою ухоженную длань, я вдруг растерялся, потом зачем-то вскочил, а он заговорил со мной так, как будто мы знали друг друга сто лет. А то и делили по-братски аспиранток.

– Думай, что хочешь, – сказал он мне, картинно отдуваясь, – парень – моя идея, отрицать не буду, но эту девицу

я вижу в первый раз. Откуда она взялась? Может, это твой издатель подсуетился? Хотя, вряд ли... Мы же с ним все обговаривали...

Я слушал его оправдания вполуха, жадно всматриваясь в скопившуюся у выхода толпу. Где же она, где? Неужели уже ушла? И тут я ее увидел. Рыжая девчонка стояла у стены, явно кого-то дожидаясь.

А Захаров продолжал умиротворяюще зудеть:

– Старик, публика любит скандалы, сам знаешь. Все теперь будут говорить: «Это тот самый Сапрыкин, что двух детей бросил? Ладно, почитаем, что этот подлец написал». Я потому и предупреждать тебя не стал, чтобы все естественней получилось. А что касается девицы, то тут я точно не при чем... Короче, не сердись, ладно?

– Ладно, – пообещал я и направился к рыжей девчонке, которая, поняв мои намерения, привстала на цыпочки и призывно помахала мне рукой.

– Ну, привет, – подошел я к ней, – знакомиться-то будем?

– А чего ж не познакомиться? Меня Лера зовут. Валерия Петровна.

– А фамилия? – Тупо спросил я.

– Рожкова, – ответила она почему-то с вызовом.

– Рожкова, – повторил я то ли с облегчением, то ли с разочарованием. У Ольги была совсем другая фамилия – Дорофеева, – а маму-то как зовут?

– Инна, – брякнула моя новаявленная дочь.

Инна, Инна... Что-то не припомню... И потом, как она узнала, где меня искать? Я совсем не знаменит и на экране-то в первый раз засветился. И то не до конца, передача-то в записи пойдет!

– Постой, – пробормотал я, – но с чего ты взяла?

Но рыжая, не дослушав меня, подхватила под локоть дружную девчонку – с иссиня-черной крашеной гривой, и обе они, дружно прыснув, выбежали из студии.

– Ты куда? Подожди! – Крикнул я, но рыжая даже не обернулась.

Я понял, что мне ее все равно не догнать, а потому так и остался стоять в дверях, обтекаемый со всех сторон разгневанными женскими массажи.

В кармане у меня завибрировал телефон, звук которого я отключил на время передачи. Звонил Кирилл:

– Ну, как все прошло?

– Лучше некуда, – фыркнул я.

В этот момент мимо меня осторожно протиснулся мой «сын» в желтой майке.

– И ты бросаешь папочку! – желчно бросил я ему вслед.

Тот, обернувшись, развел руками:

– Я же для вашего рейтинга старался!

И на всякий случай прибавил шагу.

Глава XVI

Между прочим, «Миг удачи» с собственным участием я так и не посмотрел, хотя ассистентка Зоя потом перезвони-

ла и сообщила дату и время эфира. Больно мне надо любоваться на свою глупую физиономию в ящике! Она мне и в зеркале надоела. А в тот колготной день сразу с телевидения отправился к Сереге. Не буду скрывать, мне хотелось поделиться с ним пережитым перед камерами, но было опасение, что он неправильно меня поймет. Сочтет за примитивное хвастовство.

Тем более что встретил меня Серега не то чтобы слишком радушно. Открыл дверь, сказал, не глядя, «А, это ты» и пошлепал назад – к компьютеру.

– Что, сроки поджимают? – поинтересовался я, скромно пристроившись на подоконнике. Другого свободного местечка в Серегином бедламе для меня просто не нашлось. Впрочем, мне ли привыкать?

– И они тоже, – набычившись, молвил Серега, после чего перевел на меня довольно мутный взгляд, – а живые классики, я вижу, не урабатываются... Кстати, с чего это ты так вырядился? На маскарад, что ли, собрался?

– Уже оттуда, – хмыкнул я. Тут только я вспомнил, что не в меру «расфранчен», а объяснить, с какой стати мне совсем не с руки. Так же как комментировать Серегины подковырки насчет живого классика, хотя они мне порядком надоели. Поэтому я их молча проглотил.

И правильно сделал, потому что Серега сразу подобрел, приволок из кухни полбутылки перцовки, две рюмки и колбасу в нарезке.

– Хоть дух перевести! – объявил он, швырнул все это добро на заваленный чем ни попадя стол и немного передвинул ноутбук, открытый на странице с тремя оборванными на полуслове сиротливыми строчками.

– Не идет? – Посочувствовал я самым подхалимским тоном.

– Даже не спрашивай! Вот где у меня все это! – Серега стукнул себя кулаком в кадык. – Сроки горят, из издательства звонят, а у меня уже буквы кончились!

– Понимаю, – поддакнул я осторожно. Уточнять, до какой степени мне самому знакомы Серегины муки, я не стал. Мы оба были напряжены. Приятель мой мог в любую минуту взорваться, а я сдетонировать. Такое с нами уже было. Потом мы полгода друг на друга дулись и с большим трудом помирились. Причем, я в отсутствие Сереги страдал больше, чем он без меня.

После первой рюмки мы оба немного расслабились.

Серега положил на язык тонкое до полупрозрачности колечко колбасы и откинулся на спинку стула:

– Весной вообще плохо работается. Авитаминоз, наверное... И эта... нехватка тестостерона. Может, пора уже какую-нибудь замещающую гормонотерапию проводить, как думаешь?

– Не знаю, – пожал я плечами и тоже положил на язык колечко колбасы. Мне вдруг стало удивительно легко, а в такие моменты о чем-либо думать – преступление.

Сергея, похоже, настроился на ту же волну.

– А еще, я слышал, для тестостерона нужно солнце, – протянул он мечтательно, – поэтому южные мужики могут для глубокой старости.

– Ну, да, наверное, – отозвался я лениво, – а еще – деньги.

– А вот это – в первую очередь! – с воодушевлением подхватил Сергей. – По себе знаю, когда в кармане что-нибудь заведется, дефицит тестостерона ощущается меньше. Вот и представь, какие половые гиганты наши олигархи!

– С другой стороны, – не удержался я чтобы не ввернуть, – воображение в этом деле тоже немалую роль играет. Так что, нашему брату-писателю еще грех жаловаться...

Эх, и кто меня только за язык дернул поминать всуе нашу общую принадлежность к сомнительному клубу избранных! Серегу сразу как будто перемкнуло.

– Так тут все зависит от размера таланта! – Ехидно заметил он. – Сам знаешь, у кого он больше, у кого – меньше.

В воздухе снова запахло грозой, поэтому я взял на себя роль гостеприимного хозяина, о которой забыл Сергей, и разлил по рюмкам перцовку:

– Давай-ка лучше еще по чуть-чуть!

Отказываться от выпивки Сергей не стал, но, вопреки моим ожиданиям, с обоюдоопасной дорожки не свернул и тут же завел свою ревнивую волынку:

– Сапрыкин, ты бы хоть раскололся, о чем оно, твое замечательное произведение?

Перцовка сразу встала у меня поперек горла. Кое-как откашлявшись, я все-таки попытался увернуться от запущенного в мой огород булыжника:

– Как известно, писать можно только о двух вещах: о том, что знаешь очень хорошо, или о том, чего не знает никто. Лично я выбрал второй вариант, поэтому писал о себе.

– Так я и знал! – как мне показалось, удовлетворенно хмыкнул Серега. – А чего? Тема хорошая. В конце концов, не ты первый, не ты последний. Хотя, конечно, некоторые пишут и про других... Или другое...

Стало ясно, что с выбранной им скользкой дорожки Серега уже не свернет. Все, что мне оставалось, затаиться и наблюдать, что будет дальше. А дальше Серега стал что-то искать на своем заваленном хламом столе, и вскоре вытащил из вороха бумаг книжицу карманного формата. Мне хватило мгновения, чтобы сфотографировать ее название «Завтрак саранчи» – красными буквами по черному гляncy.

– Вот, купил тут на днях... Занятная вещица. Молодой автор. Олег Спиридонов. Не слышал про такого? – Нарочито бесстрастно молвил мой вероломный приятель.

Я напрягся пуще прежнего:

– Можно посмотреть?

– Да ради бога, – усмехнулся Серега, – можешь даже взять почитать, если хочешь.

И я взял. На свою голову. Хотя чутье мне подсказывало, что делать этого не стоит. Сразу листать не стал – сунул в

накладной карман Славкиного пиджака и постарался до времени забыть. Да куда там – книжка, как свежий горчичник, жгла мне бок даже через подкладку.

После этого все окончательно пошло не так. Я начал нервничать и перестал себя контролировать. А Серега только того и добивался.

– А я прямо жду – не дождусь, когда твое творение уже, наконец, в магазинах появится. – С наслаждением наступил он на мою большую мозоль. – Ты хоть предупреди перед этим, а то еще расхватают.

– Предупрежу, – процедил я сквозь зубы.

– А еще лучше подари мне книжку, – не унимался Серега, – тебе же положены десять авторских экземпляров. От одного, чай, не обеднеешь.

– Подарю, – я все еще сдерживался, но с большим трудом.

– Только с автографом, учти!

– Хорошо, – я был готов буквально на все, лишь бы он наконец заговорил о чем-нибудь другом.

Однако Серегу мои жертвы не умиливали.

– А уж я почитаю и очень внимательно! – Пообещал он мне почти зловещим тоном. – И если что – не обессуди!

Тут уж я не стерпел!

– Да не порть ты зря глаза! Я тебе и так скажу: мой роман – полное дерьмо! Так что завидовать тут абсолютно нечему!

Мой приятель, конечно, только того и ждал.

– Завидовать? Еще не хватало! – фыркнул он.

– Ну, так и я о том же, – я сделал последнюю попытку разрядить обстановку.

Однако Серега моих усилий не оценил и в лучших своих традициях попер грудью на буфет:

– Да это ты мне всегда завидовал, на самом деле! Потому что, в отличие от тебя, я всегда впахивал, как мне это было ни противно! Может, конечно, нетленки я не написал, но зато и не был никогда таким душным, как ты! Ты же вцепился в меня, как клещ, потому что никто тебя больше не выносит! Людка и та тебя послала!

Тут бы мне обратить разговор в шутку, беззлобно согласиться, что я ему завидую (я ведь и впрямь завидовал Серегиной работоспособности) и щедро посыпать голову пеплом, тем более что ровно за этим я к Сереге и явился! Так нет же, я вдруг полез в бутылку вслед за Серегой. Уж не знаю, что меня так зацепило. Скорее всего, нелестное сравнение с клещом, потому что я и вправду нуждался в Сереге намного больше, чем он во мне. А потому с его стороны это был запрещенный удар ниже пояса.

– Все! – Рывкнул я на Серегу. – Хватит рвать на груди тельняшку. Она уже и так вся в дырках!

... Короче, не буду пересказывать все, что мы в тот вечер друг другу наговорили – уж очень это скучно – скажу одно: расстались мы почти на ножах. Я выскочил от Сереги красный и распаренный, на ходу натягивая куртку. Правда, дверью я не хлопал. Это сделал за меня Серега. Зато я, уже с

лестницы, крикнул ему, что ноги моей больше у него не будет, чем испугал выходящую из лифта старушку. А заодно и себя самого, потому что одна только мысль о моем полном отлучении от Сереги немедленно привела меня в крошечный ужас.

Потом, несчастный и потерянный, я заблудился в метро, как в трех соснах. Продолжая заочный спор с Серегой, два раза проехал мимо своей станции, и вернулся домой совершенно разбитым и обессиленным. Пси́на, разумеется, бросилась меня радостно лизать, но даже она не смогла привести меня в маломальское равновесие. А когда Славка заглянул ко мне, чтобы полюбопытствовать, как прошла запись телепередачи, я только замотал головой и вручил ему пиджак. Славка пожал плечами и ушел, но вскоре вернулся и со словами «Это было в кармане» бросил на диван книжку, которую мне подсунул Серега. В пылу обиды я о ней все-таки забыл, а зря. Потому что это была настоящая бомба, очень скоро превратившая меня в кровавые ошметки.

И почему я не бросил ее под дверь у Сереги? Ведь только-только, казалось бы, все у меня немного наладилось после дрянного романа сдвувшегося Мерзавца, как судьба с Серегиной подачи опять решила надо мной посмеяться. Примерно на третьей главе «Завтрака саранчи» ко мне пришло неотвратимо убийственное понимание: его автор талантлив, как дьявол! И все же я еще на что-то надеялся и каждую новую страницу перелистывал с заветным холодком в сердце:

ну, сейчас, сейчас он где-нибудь собьется и сфальшивит... Да где там! Книжка была написана кровью. Причем моей.

...На то, чтобы дозвониться Кириллу, я потратил весь следующий день. Сначала он просто не отвечал, после обеда отозвался и, сославшись на важные переговоры, пообещал перезвонить мне позже. Я, скрипнув зубами, смирился, однако ожидание далось мне нелегко. Я ничего не мог делать, даже лежать на диване, поэтому ходил из угла в угол, бормоча заготовленное для Кирилла объяснение, словно стихотворение зубрил. Вскоре моя нервозность передалась и Псине, которая сначала тревожно наблюдала за мной из-под стула, а потом стала жалобно подскуливать.

Тогда я ее покормил и, чтобы хоть как-то убить время, вывел гулять раньше обычного. Правда, на улице мы пробыли от силы минут тридцать, изрядно сократив традиционную программу с инспектированием усадебной конюшни. К тому не располагало, во-первых, настроение, а во-вторых, на редкость промозглая и ветреная погода. Я отчаянно мерз, хотя перед выходом из дому изрядно утеплился, даже шапку напялил, а на улице еще и капюшон от куртки сверху натянул. И все равно было холодно.

К концу нашего променада я буквально стучал зубами и страстно мечтал о своем усыпанном хлебными крошками диване. Конечно, я мог бы согреться, затеяв с Псиной перегонки (такую забаву мы ввели в обиход, когда из соображений гуманизма отказались от травли бездомных котов). Тем

более что она этого хотела и, пытаясь завлечь меня в игру, несколько раз забегала вперед, и, повиливая всем своим гуттаперчевым телом, звала за собой, но во мне не было нужного драйва.

Я чувствовал себя совершенно выпотрошенным и не находил сил даже на осознание собственного ничтожества. Положа руку на сердце, такое сладостное и по глубинной своей сути спасительное. Ведь говоря себе «да, я жалкий, ни на что не годный неудачник», ты распускаешь стягивающие тебя путы и даешь волю собственному естеству, которому только того и надо. Маски сброшены, и теперь, наконец, можно без всяких стеснений быть тем, что ты есть на самом деле.

О, как же благословенны в такие моменты все в мире краснотелые Натальи из всех в мире «Расслабься»! Просто расцеловать бы их! Уже за то, что они видят тебя без прикрас, в твоём беспредельном ничтожестве, и не собираются щадить и сочувствовать. Воистину их красными устами глаголет истина. Ты – ноль, ты – пустышка, безнадежная бездарь, дырявый носок, окурочок, брошенный мимо урны... Было бы идеально, если б к этому стройному хору присоединился еще и мой издатель Кирилл. Дорого бы я дал за то, чтобы он зашвырнул мой роман в мусорную корзину, а что будет потом уже неважно! Даже если при этом он затребует назад гонорар. Плевать, что я его почти потратил.

Так я думал до тех пор, пока смирение не трансформировалось в равнодушие, и во мне не осталось ничего, кро-

ме страстного желания доволочься до родного дивана – этой продавленной усыпальницы моих несбывшихся надежд. А она меня по обыкновению не подвела, с готовностью приняла в свои волосатые объятия, в которых я немедленно забылся. Одно плохо – ненадолго, часа через два я распахнул воспаленные глаза и понял, что банально заболел. Подхватил какую-то заразу типа ужасного свиного гриппа, бр-р-р... Если по возвращению с прогулки у меня было что-то, похожее на озноб, то теперь я плавился от доменного жара, а лежащая рядом раскаленная Псина только усугубляла ситуацию. Пришлось ее пнуть.

Псина, невнятно взвизгнув спросонья, серым кулем шмякнулась на пол, однако тут же сделала попытку занять привычное местоположение, которую я решительно пресек. И без нее, как в печке. Температуру бы измерить, да где он, этот градусник? Кажется, у Славки был... Но его еще надо разбудить, а для этого нужно как минимум слезть с дивана. В итоге Славка материализовался сам, уже утром, привлеченный воем моей верной четвероногой подружки, своим звериным чутьем почуявшей неладное. К тому моменту вредоносный вирус в моем организме успел развиться и окрепнуть до такой степени, что я не мог пошевелить языком.

– Ты чего, заболел? – склонился надо мною Славка и тут же испуганно отпрянул. – Грипп, небось? Врача вызвать? Еще не хватало! Я слабо помотал головой.

– Ну, не знаю, – нахмурился мой верный квартирант, –

тогда давай я в аптеку метнусь. Куплю чего они там насоветуют.

Поскольку во времени я ориентировался плохо, то относительно следующего Славкиного явления могу сказать только одно: было еще светло.

– Вот, – Славка придвинул к дивану стул, предварительно согнав с него Псину, и высыпал из пакета облатки с пузырьками, – это от температуры, это от горла, это от головы, это от насморка ... Есть хочешь? Нет? Ну, да... Короче, пить тебе больше надо. В смысле жидкости, – рядом с лекарствами возник двухлитровый пакет яблочного сока и стакан.

После этого Славка, нарочито сочувственно повздыхав, покормил Псину и повел ее прогуляться, предварительно уведомив, чтобы завтра я на него не рассчитывал, поскольку, де, у него важные переговоры на предмет продажи своих исконно русских мозгов забугорным покупателям. Уж сколько их было только на моей памяти, а все безрезультатно, никак не удастся Славке выгодно сторговаться!

Как бы там ни было, а на завтра мне лучше не стало. Таблетки кое-как сбивали температуру на час-полтора, после чего она снова поднималась. Устав бороться с болезнью, я просто лежал на диване с закрытыми глазами и ждал, когда это чем-нибудь кончится. Обидно, но у меня не было сил даже на то, чтобы себя пожалеть, чего я вполне заслуживал. С другой стороны, такое бессилие меня вполне устраивало. Как и то, что никто, включая Кирилла, мне не звонил. Все,

все про меня забыли, и слава богу. Что может быть сладостнее, чем, признав себя жалким неудачником, закончить свои паршивые дни на старом диване, в полном одиночестве?

А, впрочем, и тут мне не повезло. Потому что насчет одиночества я, кажется, загнул. А как же Псина, которая тихо сидела у меня в ногах, преданно смотрела мне в глаза и страдала? Долго ли еще она так выдержит? Хочешь – не хочешь, пришлось напрячь оплавленные извилины, озадачив их вопросом, кому бы препоручить несчастное животное в отсутствие Славки. Серегу я сразу отбросил в силу известных причин. Впрочем, даже если б мы не поругались, вряд ли б я доверил Псину этому безответственному эгоисту и пьянице, с которым у меня, увы, так много общего. Алка тоже заведомо отпадала. На такие подвиги она не способна, разве что мать разволнует. Гм-гм, кто там еще?.. Людка? А вот это вариант. По крайней мере, болезнь удобный предлог для примирения сторон... Но, во-первых, у нее к Псине личные счеты. А, во-вторых, не успею я выздороветь, как она наверняка потребует сатисфакции, а я буду еще слишком слаб, чтобы цапаться... Остаются старые подружки, с которыми меня давно ничего не связывало, кроме вялой спорадической переписки. Что ж, пожалуй, можно было бы пройтись по списку, но не при нынешних обстоятельствах. Надеюсь, они еще помнят меня молодым и красивым, пусть я для них таким и останусь. Не хочу, чтоб их взору предстал сопливый дядька средних лет в рваных носках и трехдневной щетине.

По всему выходило, что рассчитывать мне ровным счетом не на кого, но, не желая с этим смириться, я схватился за телефон. Должна же в моих контактах найтись хоть одна подходящая кандидатура! В конце концов, выберу первую попавшуюся! Нажал на кнопку, и тут же выскочило: «Айгуль». Наморщил горячий лоб: кто такая? Ах, да, девчонка из супермаркета, тонкая и ломкая, как соломинка. Чем-то напоминающая Настю, но о ней сейчас лучше не думать, да и не сейчас тоже...

Короче, я взял и позвонил этой Айгуль, ни на что особенно не надеясь, и совершенно незнакомый женский голос ответил мне: «Да?»

– Привет! – прохрипел я. – Ты Айгуль? А я Петр Сапрыкин. Мы как-то болтали с тобой о собачьем корме. В супермаркете. Помнишь?

– Помню, – Безмятежно отозвалась на мою глупейшую фразу трубка и замолчала.

– А ты где сейчас? На работе? – Вкрадчиво осведомился я, испугавшись, что на том все и кончится.

– Нет, у меня сегодня выходной. – влилась мне в ухо новая доза космического спокойствия.

Сам же я из страха спугнуть удачу затараторил пуще прежнего:

– Слушай, я не знаю, где ты живешь, но... Короче, я лежу совершенно больной, а с Псиной гулять некому... Нет, у меня, конечно, есть квартирант, но он сегодня не может, у него

переговоры. И вообще он хочет уехать за границу, потому что наука у нас никому не нужна...

Я хотел было добавить к вышесказанному «да и кто у нас тут вообще кому-нибудь нужен», но не стал забираться в такие дебри, а просто продиктовал свой адрес.

Глава XVII

И она пришла, причем очень скоро. Я с трудом доплелся до прихожей, чтобы открыть ей дверь, но в целом был очень доволен. Сказал «Да брось ты», когда она принялась стягивать сапоги, и, держась за стеночку, вернулся на диван. Кое-как отдышавшись, присмотрелся к гостье, которая в этот раз показалась мне сущим подростком, и на всякий случай любопытствовал, сколько ей лет.

– Двадцать семь, – сказала она уже привычным мне бесстрастным тоном.

Гм-гм, двадцать семь, а выглядит на четырнадцать, отравленной стрелой пронзила меня зависть. Не знаю, является ли это признаком неотвратимо приближающейся старости, но с некоторых пор я стал замечать, что реагирую на чужую молодость как на личное оскорбление.

– А как ее зовут? – Айгуль погладила лежащую в моих ногах собаку, отнесшуюся к ее ласкам весьма благосклонно.

– Ее зовут Псина, и она очень хочет гулять, – нагло заявил, – а поводок можно найти в прихожей.

– Понятно, – кивнула девчонка и посмотрела на Псину, – пойдешь со мной?

Собака в ответ вежливо и вместе с тем радостно тьякнула, но ничего, похожего на ревность, я по этому поводу не ощутил. Трудно сказать, почему. То ли из-за болезни, то ли оттого, что Айгуль сразу вызвала у меня доверие.

– Там есть деньги, – показал я на стол, – купи ей по дороге какого-нибудь корма.

– Хорошо, – эта юная дочь Востока была сама невозмутимость, – А вам ничего не надо?

– Нет, – покачал я головой, – меня квартирант кормит. А гулять мне нельзя.

А потом я впервые за два дня более-менее нормально заснул, а, проснувшись, увидел Псину и Славку. Псина, изловчившись, лизнула меня в нос, а Славка ехидно осведомился:

– Где ты раскопал эту пастушку?

– Какую еще пастушку? – Огласил я комнату громким зевком.

– Ну, ту, что я здесь застал.

– Это ты про Айгуль, что ли? – не сразу сообразил я. – А где она?

– Пять минут назад упорхнула, – доложил Славка, – а перед этим вымыла плитку.

– Вымыла? Надо же! – я задумчиво уставился в потолок. – Сколько ж я проспал?

– Не знаю, сколько ты проспал, – проворчал Славка, – но эту твою Айгуль я вижу в первый раз. Колись, кто она такая.

– Да просто девчонка из супермаркета, – мне было лень

интриговать, – попросил с Псиной погулять, раз ты не можешь.

– А заодно помыть плиту, – съязвил – не удержался Славка.

– Нет, плита – это уже ее инициатива.

– Ну-ну, а то бывали у нас тут уже такие инициативные! – хмыкнул Славка, явно намекая на Гандзю. Уж чья бы мычала!

На следующий день с Псиной гулял Славка, а послезавтра мне стало получше, и я уже подумывал о том, чтобы нарушить постельный режим, когда она появилась снова. Я имею в виду Айгуль. Вошла, разулась, несмотря на мои возражения, водрузила на тумбочку пакет с продуктами и обняла радостно вихляющую крупом Псину. Признаться, я был не прочь завихляться с ней в унисон, лишь бы мне достались те же милости, но ограничился сдержанной похвалой:

– Молодец. Не боишься навещать малознакомых умирающих покупателей.

– Почему малознакомых? – возразила она. – Вы – писатель. Вас по телевизору показывали.

Я прикусил язык. Вот, значит, как она приходит, эта капризная барышня слава! Можно сказать, неожиданно и впопыхах, попробуй тут подготовься. К тому же не одна, а с целым ворохом проблем, как в моем случае. Изволь теперь доказывать, что ты не злостный алиментщик!

– Э-э-э!.. – я схватился за свое сиплое горло. – Только

сразу вношу ясность: никаких детей я не бросал, и те двое, из телевизора, не имеют ко мне никакого отношения. Короче, это просто пиар.

– Я знаю, – тихо откликнулась Айгуль.

– Откуда? – подивился я.

– Да кто ж этого не знает? – улыбнулась девчонка. – Обычный трюк!

Да-а, слышал бы ее Захаров, то-то расстроился бы, бедняга! Зритель, по всему, пошел искушенный, на мякине не купишь. Тем смешнее, что сам я почти повелся! Интересно, а тетки в студии, которые готовы были меня разорвать, они-то как же? Вдруг они тоже заранее все знали и просто озвучивали текст, который им всучил Захаров? Тогда это был театр для одного зрителя, в моем лице. Последнего из неискушенных.

– Ну что, мы пойдем погуляем? – Айгуль потянулась за висящим на вешалке поводком, чем вызвала приступ восторга у Псины. И зачем только разувалась, спрашивается?

Они ушли, а я доплелся до окна, чтобы посмотреть им вслед, и, умиротворенный, завалился на диван. Потом мне вспомнилось, что Кирилл мне так и не позвонил, хотя обещал, но думать об этом не хотелось. В конце концов, разве болезнь – не достаточно уважительная причина для того, чтобы хотя бы на время забыть о собственном ничтожестве?

В итоге я провалялся еще неделю, сладостно осознавая, как это, в сущности, приятно – быть больным, когда за тобой

ухаживают, исполняют твои желания, сочувствуют и жалеют. С каждым днем я получал от своего поначалу незавидного положения все больше удовольствия. Будь моя воля, так бы и проболел всю жизнь. Пока я беззаботно пролеживал диван, Айгуль выгуливала Псину, приносила продукты и готовила мне еду. Ну что еще нужно для счастья, спрашивается? Понятно, что Славка мне из-за этого ужасно завидовал и всячески норовил испортить обедню.

– Ты смотри, не слишком-то увлекайся, – ухмылялся он, просовываясь ко мне в комнату, – а то войдешь в роль, потом хрен выйдешь. У меня была одна знакомая научная пара, оба кандидаты наук. Казалось бы, умные люди со степенями, а все никак не могли определиться, кто из них слабее здоровьем. Он считал, что он, она – что она, уступать, как водится, никто не хотел, а в результате распалась крепкая семейная ячейка.

Вместо ответа я нащупывал рукой под диваном один из своих растоптанных тапок – все равно какой, правый или левый – и молча в него швырял, но этот гад всякий раз успевал захлопнуть дверь раньше, чем оружие возмездия достигало намеченной цели.

А Кирилл все не звонил и не звонил, да и я, уже полностью выздоровев, не обнаружил в себе прежнего желания биться в рефлексиях, как умирающий в конвульсиях. Потому и отсутствие вестей о дальнейшей судьбе своего многострадального романа воспринял чуть ли не как божественный про-

мысел. Во мне крепло убеждение, что, получив от меня переделанную рукопись, мой издатель наконец убедился в собственном безумии и счел за лучшее затаиться. Однако спустя неделю мне на карточку вдруг «капнули» денежки, в размере, предусмотренным договором. Из чего сам собой напрашивался вывод, что новый вариант романа Кирилла вполне устроил, но во мне ничто не шелохнулось. Решив, что в этой истории от меня, по сути, больше ничего не зависит, я окончательно из нее самоустранился.

Дни напролет я проводил в блаженном ничегонеделанье, чем очень радовал Псину. Наши прогулки становились все более длительными и разнообразными, окрестные коты нас уважали и в меру побаивались, снег почти стоял, а деревья, у которых можно было вольготно задрать лапу, подернулись первой нежно-зеленой дымкой. Иногда к нам присоединялась Айгуль, которая, как выяснилось, жила в двух кварталах от нашего двора, в той самой выселенной под снос пятиэтажке, на полулегальном положении, но за приемлемую плату. Я как абориген знакомил ее с местными достопримечательностями, неприметными нетренированному глазу, она рассказывала мне о себе, о своей жизни на родине, в Киргизии, которую она покинула три года назад.

Так я узнал, откуда на ее восточных скулах славянские веснушки и фамилия Терентьева. От русского отца, как и Айгуль, уехавшего в Москву на заработки, но еще в конце девяностых, и с тех пор не подававшего о себе вестей. Все

думали, что он сгинул, как многие до и после него, неопознанным и никому не нужным человеческим материалом. А оказалось, он жив, и Айгуль его разыскала через осевших в Москве земляков, хотя это было не так-то просто. Однако теплой встречи не получилось. Папаша, успевший устроиться под крылышком немолодой, намаявшейся от безмужья вдовушки, не только не принял дочь в свои объятия, но и заподозрил в корыстных намерениях. Да еще и пригрозил, что, если она еще раз объявится, позаботится о ее высылке из России.

– Вот сволочь, – прошипел я, – давить таких папаш надо!

И сразу вспомнил про «Миг удачи». Впрочем, Айгуль же сама сказала, что не поверила в Захаровскую телепостановку. А что касается Ольги... Я уже и сам не знал, как относиться к этим преданьям старины глубокой. Честно говоря, особого чувства вины за мной все это время не водилось, но тут вдруг скребнуло: а если б у меня на пороге возник (возникла) сын (дочь)? Причем не подставной (подставная), а реальный (реальная)? Что бы я делал, а? Изображал несуществующую радость? Требовал экспертизы ДНК? Или без долгих разговоров захлопнул дверь перед носом? Думайте, что хотите, но очень велика вероятность, что я выбрал бы третий вариант. Так что, какие у меня могут быть претензии к гражданину Терентьеву? Хотя Айгуль, конечно, жалко. Она добрая, отзывчивая, симпатичная, и нам с Псиной очень здорово с ней гулять.

Единственное, чего я не поощрял, так это разговоров о моей писанине. И не потому, что считал, будто она ничего в таких вещах не понимает. Просто не хотел засорять наше общение хламом, пылящимся в моей внутренней «творческой мастерской». Поэтому, когда Айгуль однажды все-таки заинтересовалась, про что моя книжка, я хмуро буркнул, что, типа, о том – о сем, после чего она как мудрая восточная женщина вопросов на эту тему мне больше не задавала. В остальном с моей стороны никаких запретов не существовало, я готов был выложить ей всю свою жизнь, тем более что такого благодарного и внимательного слушателя я не имел очень и очень давно, а, может, и никогда.

Сама она говорила мало, но одобрительно улыбалась и так живо реагировала на мое нескончаемое словоблудие, что я не смог бы остановиться, даже если бы захотел. Оно и понятно. Ведь Славка приступы моей велеречивости терпит от силы пять минут, после чего убегает под предлогом неотложных дел, а с Серегой мы расплевались. Что до продавщиц в зоомагазине, то я их в последнее время старался без особой нужды не эксплуатировать, оставляя в качестве резерва на черный день. Максимум что позволял, – обсудить сидящих в аквариуме прожорливых тритонов, на которых не находилось покупателей. На все остальное у меня была теперь Айгуль.

Вот и в тот роковой день мы вышли с Псиной из дома во двор, где нас уже поджидала Айгуль, у которой был выход-

ной, и, завернув за угол, двинулись по самому длинному из проложенных нами маршрутов, благо, погода к тому располагала. Когда еще гулять, если не в теплый майский день? Я, разумеется, тут же пустился в сладостные разглагольствования, Псина тоже, как могла, получала свою законную дозу удовольствия, для чего периодически подпрыгивала и лизала нам с Айгуль руки, а если удавалось, и носы. Словом, все было хорошо – лучше некуда, пока, уже на обратном пути, подходя к нашему дому с тылу, мы не заметили подозрительную активность у старинной конюшни.

Два каких-то типа, один в цивильном, другой в рабочей робе, что-то обсуждали, размахивая руками и по-хозяйски расхаживая вокруг обветшалого памятника старины. Чуть в стороне стоял заляпанный грязью внедорожник. Тут я вспомнил, что Псине нужно купить корма, и мы завернули в зоомагазин через дорогу, то и дело обеспокоенно оглядываясь. А когда возвращались, возле конюшни уже никого не было, остались только следы от буксовавшей во влажном грунте машины. Чуть позже в глаза мне бросились ржавые штыри, торчащие из стены в том месте, где, сколько я себя помню, висела табличка, извещающая зевак о том, что здание охраняется государством.

Я встал, как вкопанный. Вслед за мной притормозили и Айгуль с Псиной, пока еще не понимающие что произошло.

– Гады!.. – скрипнул я зубами.

– Кто? – растерялась Айгуль.

– Они снесут конюшню! – я сжал кулаки, как тогда, когда на пару с Псиной лаялся с Гандзей. Гандзя, Гандзя... Выходит, она всерьез предлагала мне подработать иудой за тридцать серебрянников! Знал бы, не держал Псину, а позволил ей разделаться с Гандзиным песцом окончательно и бесповоротно, как она того хотела!

– Псина, ты видела, что они творят? – я спустил свою четырехлапую подружку с поводка, после чего она с брезгливым видом принялась обнюхивать следы недавнего вторжения чужаков.

Мы с Айгуль занялись примерно тем же самым, и в поисках пропавшей таблички обошли со всех сторон конюшню и обшарили кусты. Но все безрезультатно, похоже, главное вещественное доказательство архитектурно-исторической значимости конюшни злоумышленники прихватили с собой, бросив в багажник внедорожника. А теперь их хозяева скажут, что этот старый сарай никакой ценности не представляет. Собственно говоря, я тоже не находил в нем особенной прелести, скорее, просто привык, что он стоял здесь всегда. А сейчас готов был разрыдаться от одной только мысли, что могу его больше не увидеть. Что тогда будет с бездомными котами, подарившими нам с Псиной столько приятных минут? А с деревьями, у которых так славно задираешь лапу?..

– А может, его хотят отремонтировать? – предположила бесхитростная Айгуль.

– Отреставрировать? Сомневаюсь! – помотал я головой.

Уж очень лакомым был кусок прилегающей к конюшне территории. Удивительно даже, как его раньше к рукам не прибрали.

Глава XVIII

Увы, я тогда понятия не имел, с какой скоростью могут развиваться события, если речь идет о клочке московской земли, сопоставимой по стоимости с разведанным нефтеносным районом. Уже завтра в бывшей усадьбе всю кипела работа: на пяточке перед конюшней елозила пара грузовиков, а по границе участка вбивали трубы под будущий забор гастарбайтеры.

При виде столь безрадостной картины мы с Псиной на минуту-другую остолбенели. Затем меня охватила ярость. Энергично работая желваками, я кинулся на поиски главного на этом шабаше, дабы выяснить, что здесь происходит, хотя и так все было ясно. Главного я, разумеется, не нашел, а спокойные, как будды, гастарбайтеры в ответ на мои гневные вопросы, типа, где ваше начальство и по какому, собственно, праву, только хлопали смуглыми веками, не сбиваясь при этом с ритма своей муравьиной работы. Им не было никакого дела до какой-то там охраняемой государством конюшни, потому что в родных кишлаках их жены и дети ждали, когда из России придет очередной перевод, на который можно будет жить до следующего. Поэтому праведный гнев и возмущение со мной разделяла только моя Псина, все это время оглашавшая окрестности громким боевым лаем.

То обстоятельство, что исторической конюшней завладели чужаки, привело меня в состояние, близкое к параноидальному. Похоже, строители обосновались на лакомом пятнышке под покровом ночи, когда все, включая и меня, безмятежно спали... Хотя, чему тут на самом деле удивляться? Достаточно полистать учебник истории за четвертый класс средней школы, чтобы раз и навсегда уяснить: внезапность и вероломство еще с библейских времен были главным оружием всех завоевателей. Впрочем, если брать конкретно наших супостатов, то они имели наглость предварительно заслать в мой стан лазутчика в лице Гандзи, но я этот "звоночек", получается, пропустил мимо ушей. Конечно, я на нее наорал, а Псина выдрала клоч из ее шубы, да толку-то что? Разумеется, маломальским оправданием мне может служить последовавшая затем болезнь, и все же, все же... Теперь Славка наверняка меня на смех поднимет, что, типа, я поимел от своей принципиальности, и будет по-своему прав.

Снедаемый столь безрадостными размышлениями, я сильнее обычного дернул за поводок озадаченную Псину, как будто она была виновата в том, что на дорогой нам уголок позарились какие-то хапуги. Бедняжка даже взвизгнула от неожиданности.

– Ладно, прости, прости, – пробормотал я примирительно и со всех ног рванул к нашему дому. Моей целью были две пенсионерки у подъезда – высокая и плотненькая – озабоченно наблюдающие за тем, что творится на территории,

непосредственно примыкающей к нашему двору и традиционно считающейся чем-то вроде общественного сквера. Как же они удивились, когда я, не имевший привычки здороваться и наверняка, слывший у них невеждой и зазнайкой, первым с ними заговорил на волнующую тему надвигавшейся на нашу голову масштабной стройки.

Бабульки, надо отдать им должное, хоть и проявили поначалу некоторую настороженность, постепенно прониклись ко мне доверием – недаром говорят, что общее несчастье сближает – и выдали массу полезных сведений. Причем до такой степени полезных, что я мысленно поклялся себе впредь до скончания века с ними раскланиваться. Не столько из вежливости, сколько для того, чтобы иметь под рукой надежный и проверенный источник информации.

А теперь о том, что я из него почерпнул в этот раз. Так вот, старушки поведали мне, что на месте конюшни, как им, в свою очередь, сообщил сгружавший плиты рабочий восточного происхождения, в скором времени будет жилая высотка и супермаркет. От них же мне стало известно, что пару лет назад на этот клочок городской земли уже вроде бы покушались (странно, что я ничего об этом не знал, хотя, может, и не странно), но на уровне префектуры было принято решение привести территорию в порядок и разбить на ней сквер с беседками, скамейками и цветниками. Однако планы, как это часто бывает, так и остались на бумаге.

– В нашем районе и так рекреационных зон не хватает, –

со знанием дела заключила та из тетушек, что повыше и пожилистей, – а теперь последнее свободное местечко застроят!

А вторая, что пониже и поплотней, добавила:

– Наша старшая по дому, Любовь Иванна, уже звонила в префектуру, а там удивляются, мол, какая стройка? Дескать, они ни сном, ни духом... А пока они будут удивляться, у нас под окнами небоскреб вырастет, глазом моргнуть не успеем!

– Значит, народ надо поднимать! – вставил я свои пять копеек.

– Вот и подымайте! – многозначительно воззрились на меня великовозрастные подружки. – Вы ж молодые. А мы присоединимся.

– Хорошо, договорились, – деловито заявил я, – а эта ваша Любовь Ивановна? Ее как найти?

– Она в семнадцатой квартире живет, – подсказала жилистая, – а я – напротив, в девятнадцатой. А Марь Васильна, – кивнула она на плотненькую, – в восьмой.

– Ясно, – я снова дернул за поводок изрядно заскучавшую Псину, и, сопровождаемые взглядами пенсионерок, мы с ней нырнули в подъезд.

Дома, наспех покормив Псину, я кинулся к компьютеру. Мне нужно было срочно определиться с планом дальнейших действий, и вскоре непродолжительный поиск вывел меня на общественную организацию под названием "Архпатруль". Потом я позвонил по приведенному на сайте телефону.

– Архпатруль, – ответил молодой женский голос.

– У нас сносят памятник архитектуры восемнадцатого века. Что делать? – выпалил я в трубку.

... Через пятнадцать минут я был основательно подкован бесстрастной особой по имени Юля, которая начала свой инструктаж сухо и по-деловому: "Значит, так, слушайте внимательно и не перебивайте. Все вопросы, когда закончу". Я послушно, как паинька, внимал, пока Юля вдалбливала мне буквально пошаговый план действий. До того подробный, что у меня даже вопросов не осталось. Моя понятливость Юлю порадовала и, пожелав мне удачи, она пообещала принять непосредственное участие в борьбе за наш памятник архитектуры после того, как я сдюжу необходимую подготовительную работу.

Я поблагодарил ее за помощь и, не откладывая в долгий ящик, взялся за дело. Сначала с помощью интернета проштудировал историю усадьбы Маховых, открыв для себя при этом много нового и неожиданного. А именно, что принадлежала она вовсе не дворянам, а зажиточным купцам, сделавшим состояние на торговле свечами и керосином. Что, впрочем, не помешало мне насочинять воззвание под заголовком "Не дадим закатать в бетон уголок старой Москвы". Следующий пункт программы дался мне труднее. Уже потому что для его реализации, мне пришлось не только выбраться из-за компа, но и выйти из квартиры. Пси́на, конечно же, рванула, было, за мной, решив, что намечается внеплановая

прогулка, но ее осадил:

– Сиди дома, я скоро!

В действительности я вернулся часа через полтора, с шершавым от непрерывной болтовни языком. Притом что за это время я успел обойти не больше десяти квартир в своем подъезде. И везде было одно и то же: "Здрассте-здрасьте. Вы уже знаете, что рядом с нашим домом планируется возведение жилого комплекса? Как вы к этому относитесь? Против? Тогда поставьте, пожалуйста, свою подпись. Спасибо". А еще я сделал для себя открытие, что в нашем доме полным-полно людей, которых я не знаю, но, которые, оказывается, знают меня. И не только благодаря недавней телепередаче. Оказывается, я и раньше был им известен, по крайней мере, они меня замечали, а я их до сих пор – нет. Поэтому я испытывал неловкость от того, что соседи обращаются ко мне как к старому знакомому, хотя я их вижу, по сути, в первый раз. Сам себе удивляюсь, как так получилось, что во всем доме я умудрился свести какое-никакое общение только с Прокофьичем, да и то благодаря Гандзе. Будь она неладна.

Штука в том, что сначала она поселилась у Прокофьича на правах то ли дальней родственницы, то ли знакомой знакомых. Хотя, как выяснилось потом, в столице у нее имелся единокровный дядька-участковый, но не суть. А суть, что в конечном итоге она как-то незаметно окопалась на нашей со Славкой территории. Причем Славка по сию пору считает, что привадил ее я, а я так уверен в обратном. Однако как

бы там ни было, а факт остается фактом: поначалу Гандзя казалась нам забавной простушкой, к тому же она отлично готовила и поддерживала порядок в моей берлоге. О прочих ее достоинствах умолчу не столько из скромности, сколько потому, что я о них уже распространялся.

Да, но, повторяюсь, Прокофьич, который обитал этажом ниже еще задолго до меня, появился в моей жизни вместе с Гандзей. Я свел с ним знакомство в минуту отчаяния, когда Гандзя перестала меня забавлять и превратилась в нешуточную угрозу. В первый раз я появился на его пороге, одержимый идеей сплавить ее обратно и сделать вид, что ничего не было. Трюк мой, конечно, не удался, и в конечном итоге выручил нас со Славкой вовсе не Прокофьич, а британец Уолтер (дай бог ему здоровья!), но именно тогда нас судьба и свела, за что я ей по-своему благодарен. Ведь когда я узнал его поближе, стало понятно, что мы с ним одного поля ягоды. И еще вопрос, кто из нас больший неудачник.

Потому что Прокофьич – космонавт, который никуда не улетел. Он был в третьем отряде космонавтов и восемь лет терпеливо ждал своей очереди, пока другие счастливики, облачившись в скафандры, торжественно взбирались по трапу, и это их восхождение с замиранием сердца наблюдали у своих голубых экранов миллионы советских телезрителей. А в их числе и я – крепкоголовый десятилетний пацан, которого более всего занимали не рискованные эксперименты на орбите, а то, каким образом космонавты справляют нужду в

невесомости.

Помню, как живо мы обсуждали этот насущный вопрос с мальчишками во дворе.

– Да как они могут в толчок прицелиться, если их все время мотает, – рассуждал деловитый Виталька по кличке Лонг, прозванный так за высокий рост.

– Наверное, они пристегиваются ремнями, – высказывал предположение Ромка, с которым мы учились в параллельных классах, и с ним после некоторого размышления все соглашались, потому что ничего более вразумительного придумать не могли.

Что касается космических кашек, то тут мы тоже были единомышленны: наших познаний, полученных из телевизора, хватало на следующую научную гипотезу: их удаляли из корабля, после чего они вращались по орбите, пока не входили в плотные слои атмосферы и не сгорали. Сколько времени мог занимать этот процесс, мы не знали, но страшно забавлялись, представляя, торжественное плавание кашек в безмолвном космическом пространстве.

Кстати, каждый раз, когда я думаю о Прокофьиче, неизменно спохватываюсь, что до сих пор не удосужился его расспросить, так как же на самом деле космонавты справляют нужду в невесомости, даю себе слово непременно сделать это при случае, но всякий раз забываю. Может, это все оттого, что я стал старый, ленивый и нелюбопытный? Да и Прокофьич – уже не тот, что был еще пару лет тому назад, косми-

ческая тема ему больше неинтересна, и все другие – тоже. Он, и выпивая, теперь не расслабляется, а еще крепче замыкается в себе. Ни на что не жалуется, ни о чем не жалеет, просто сидит, сжимая в костяных пальцах рюмку, покачивает ногой и сосредоточенно смотрит на свой старый тапок.

Языки развязываются только у нас со Славкой, да и то уже не в той степени, что раньше. То ли мы быстрее напиваемся, то ли все, что могли, уже переговорили. Кстати, примерно так же у нас в последнее время было и с Серегой после того, как нам обоим наскучило перемывать косточки ударникам литературного фронта. И лично я склоняюсь к тому, чтобы видеть в этом неумолимо надвигающуюся старость, главный признак которой вовсе не морщины и мышечная слабость, а удлиняющиеся периоды отсутствия желания что-либо чувствовать и хотеть.

А ведь я пока еще подгребаю к полтиннику. Что говорить о Прокофьиче, для которого эта отметка давно позади, а потому, глядя на него, я могу запросто прогнозировать свое безрадостное будущее. Ведь у нас с ним так много общего: он полжизни готовился стать космонавтом, да так и не стал, а я столько же и с тем же самым успехом примерялся быть писателем. Что ж, значит, скоро я превращусь в угрюмого затворника, из которого даже посредством пыток и алкоголя не раздобудешь ни слова, ни эмоции. И это лишний раз доказывает, что человеческая душа, вопреки религиозным догматам, ещё как умирает, причем намного раньше тела.

С другой стороны, к чему мне сегодня его душа и его откровения, если сведения о том, как космонавты справляют нужду, наверняка можно почерпнуть в Интернете, а то, что я до сих пор этого не сделал, очередное свидетельство неотвратимости моего старения. И все-таки в те времена, когда в Прокофьиче еще теплился огонек, я успел сохранить на «жесткий диск» своей памяти несколько его историй, которым я вряд ли найду какое-нибудь применение.

Одну я мысленно озаглавил как «Сказ о катапульте». Она относится к самому славному и мужественному периоду многообещающей молодости Прокофьича, когда у него все еще было впереди. Катапульта входила в разряд устройств, при помощи которых испытывалась готовность потенциальных звездных героев преодолевать невероятные космические перегрузки. Так вот, все, что я запомнил из его рассказов, ее второе, негласное название – абортарий. Если верить Прокофьичу, женский состав испытательного центра только тем и занимался, что «катапультировался» по случаю очередного залета. Перегрузки делали свое дело: эффект был стопроцентный. Но, в конце концов, звездный абортарий погубила алчность. У отвечающего за катапульту сотрудника обнаружилась коммерческая жилка, и он надумал взимать за «услугу» мзду. А так как тарифы росли, как на дрожжах, то рано или поздно нашелся завистник, который стукнул на космических предпринимателей в партком. После чего лавочку прикрыли.

Подобные байки я бы с удовольствием слушал и сегодня, но Прокофьич, увы, иссяк. А кроме того, на меня в последнее время столько навалилось, что, честно говоря, было не до старика. Поэтому я уже месяца два к нему не заглядывал, зато в этот раз завернул первым делом. Прокофьич, как обычно, был в легком подпитии и без долгих разговоров подписал мой манифест по поводу сноса конюшни. Потом я спросил, не заходила ли к нему Гандзя. Он утвердительно кивнул. Как выяснилось, была она у него в тот же самый день, что и у меня, спрашивала, не хочет ли Прокофьич заработать, а вот каким именно образом, он не понял. Почему, можно не уточнять.

–Такая была вся! – Прокофьич покрутил руками, старясь изобразить Гандзин прикид, но спохватился. – Ой, на себе лучше не показывать!

Рассеянно кивнув старику, я пошел дальше, попутно соображая, кого из жильцов нашего дома, кроме меня и Прокофьича, Гандзя могла попытаться завербовать, а вслед мне полетело:

– Эй, ты куда? Зашел бы, что ли...

– В другой раз, – пообещал я, сбегая по ступенькам вниз. На самом деле я был не прочь поболтать с Прокофьичем, как в старые добрые времена... Но в данный момент на моей повестке дня остро стоял вопрос спасения исторической конюшни, за которое я взялся с совершенно несвойственным мне рвением и которое, скорее всего, благополучно иссякло

бы уже к концу дня, не получи я неожиданно мощную поддержку в лице особы с первого этажа, честно говоря, сразу показавшейся мне несколько странной.

Начнем с того, что она открыла дверь, едва я успел нажать на звонок, как будто специально стояла в прихожей и дожидалась. На вид – лет тридцать пять, худощавая, остроносая с собранными в неаккуратный пучок пегими волосами.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался я, хриплой скоровогогоркой изложил содержимое своего манифеста, который я успел вызубрить наизусть, и заученным движением протянул листок с подписями и ручку.

Тут я заметил, что выражение у моей собеседницы отсутствующее, и приготовился, было, начать все сначала, но этого не понадобилось: она выхватила из моих рук листок и что-то быстро в нем начертала, предварительно приложив к крашеной стене подъезда. Потом вернула мне и я, бегло взглянув, убедился, что все честь по чести: фамилия, инициалы, номер квартиры, только в конце вместо точки – дырка от нажима.

Я приготовился раскланяться и ретироваться, и тут она спросила:

– А делать ничего не надо?

– В каком смысле? – я слегка растерялся, но быстро взял себя в руки. – Ах, да... Я был бы очень вам признателен, если бы вы помогли мне собрать подписи, а то еще столько квартир обходить, а я уже охрип!

И что бы вы думали, она тут же согласилась! После чего я передал нежданной энтузиастке списки и потопал к своей соскучившейся Псине. Славка уже был дома, и, как выяснилось, успел ее в очередной раз напичкать кормом. Я ему за это попенял:

– Кто тебя просил? Она недавно ела.

– А тебе что, жалко? – лениво огрызнулся Славка. – Она скулила и выпрашивала.

– Мне не жалко. Но у нее скоро ожирение будет, если ее кормить всякий раз, когда она скулит!

– Тогда сидел бы с нею и следил за ее рационом! – в этот раз Славка лязгнул зубами уже вполне нешуточно. – А я, между прочим, не обязан выслушивать ее вой за свои деньги!

– Даже так? – я не остался в долгу. – А ты пойди и найди себе что-нибудь за те же деньги, но без воя. Потом расскажешь.

На это Славка мне уже ничего не ответил, только хлопнул дверь в свою комнату.

Я хотел было присовокупить к уже сказанному язвительное замечание в том духе, что двери у меня не казенные, но вовремя прикусил язык. Однажды мы уже ругались со Славкой насмерть, а потом месяц не разговаривали, и я, как и в Серегином случае, перенес эту тихую войну со значительно большими потерями, чем мой квартирант. Оно и понятно. Все-таки Славка ходил на работу, а я сидел в четырех сте-

нах, дай бог раз в неделю выбираясь в «Расслабься», к Сереге или еще куда-нибудь. Это, во-первых. А во-вторых, что бы я ответил, если бы Славка на мой совет подыскать жилье без воя, предложил мне найти жильца повежливей? Утерся бы и только! Потому что «А»— я к нему привык и «Б» – вряд ли потерпел на своей территории кого-нибудь, кроме него. Тут я был, как Пси́на, для которой коты из конюшни – враги и главное развлечение в одном флаконе.

Возможно, я бы еще поразмышлял на эту тему и даже придумал, как мне уязвить Славку без большого ущерба для себя, но тут в прихожей раздался звонок. Мне трудно было предположить, кто бы это мог быть, потому что никого из своих обычных немногочисленных визитеров я не ждал. А если бы даже и предположил, то все равно не угадал: ко мне нагрянули две тетki, с которыми я свел знакомство во дворе, а с ними еще одна, очень активная и громогласная. Как оказалось, та самая старшая по дому Любовь Иванна. Явились они ко мне, чтобы по их выражению, сверить часы, то бишь обговорить совместную борьбу с захватчиками конюшни.

Я, еще вчера в упор их не замечавший, гостеприимно пригласил теток на кухню, а куда деваться, ведь мы же теперь были с ними в одной лодке вместе с Псиной и котами. Те, надо сказать, ступили в мое жилище не без опаски. Озирались, как в пещере первобытного человека, косясь на мокнущие в кружках чайные пакетики, из-за которых я веду со Славкой давнюю, но безуспешную войну. Потом мало-помалу обвык-

лись до того, что мы вчетвером бухтели с полчаса не меньше (ужас-ужас). Удивительно, но присутствовавшая при наших посиделках Псина вела себя более чем степенно: тихо лежала под моим табуретом, разве что пару раз демонстративно зевнула: дескать, тебе еще не надоели эти старые гримзы?

Тем временем я поведал теткам о своих контактах с «Архпатрулем» и затеянным сбором подписей против застройки бывшей усадьбы Маховых, а они, в свою очередь, поделились свежими вестями из префектуры, на которую их стараниями уже обрушился шквал звонков от «возмущенных жителей». Дружно сойдясь во мнении, что откладывать активные действия долее нельзя, мы выработали конкретный и едва ли не поминутный план. При этом начать мы решили с митинга жильцов дома, назначив его на завтрашний вечер. Расстались мы, как заговорщики, а едва я закрыл за тетками дверь, на кухню пожаловал Славка и гнусно хмыкнул:

– Что, народное ополчение сколачиваешь, Минин ты наш с Пожарским?

Подслушивал, конечно же. А кто бы сомневался!

Глава XIX

Следующее утро началось плохо. То есть оно началось, как обычно, если не считать того, что на прогулку мы вышли раньше привычного времени. Причем не терпелось не столько Псине, сколько мне. Я хотел посмотреть, что происходит возле конюшни, путь к которой, как тут же выяснилось, был для нас полностью отрезан выросшим за ночь

забором. Причем довольно высоким. По крайней мере, мне пришлось подпрыгивать, чтобы разглядеть, что за ним. А то, что я там увидел, меня не воодушевило. У кустов, в которых любят прятаться бездомные коты, растопырилась громоздкая стопа бетонных плит, не узнать было и уютную полянку перед конюшней, ее так укатали грузовиками, что она превратилась в грязное месиво. Но что хуже всего, чуть сбоку, прямо у забора, притулился обшарпанный строительный вагончик. Все, пропала конюшня! Выходит, не соврала Гандзя!

Я наливался злостью на глазах. Гады, гады! Отгородились уже! А главное, как быстро! Не сегодня – завтра снесут конюшню, плевать им на то, что она памятник архитектуры XVIII века и что мы с Псиной любим вокруг нее гулять. В раздражении я снова потянул за поводок сильнее обычного, отчего моя лохматая подружка глухо тявкнула.

– Прости, не сдержался, – присев на корточки, я погладил Псину по курчавой спине, – видишь, что эти сволочи вытворяют? Расположились, как дома. Ладно, пойдем поближе посмотрим.

Мы двинулись вдоль забора. Преисполненная сознанием важности нашей миссии, Псина трусила бодро и пружинисто, как пограничный пес Алый. Метров примерно через тридцать в заборе обнаружили ворота, закрытые, но не запертые, я легко толкнул ближнюю створку, и она отворилась. Под ногами смачно чмокнула глинистая жижа, я выругался и придержал рванувшуюся вперед собаку, которой грязь до-

ходила до брюха. В этот момент из строительного вагончика показался детина в черной форме охранника и без долгих реверансов раззявил рот:

– Куда прешь? Не видишь, сюда нельзя?

– А почему? – я пошел на принцип.

– А потому что здесь частная территория, – охранник нехотя шагнул в вязкую хлябь, и по его широкой простонародной физиономии растеклась вселенская русская тоска.

– С каких это пор? – уж, конечно, я понимал, что такому ничего не докажешь, но из упрямства стоял на своем. – И вообще, с чего ты взял, что она частная? Где бумага с печатью, а?

– Ты че, мужик, сильно умный? – охранник поскущел пуще прежнего. – Тогда тебе к начальству.

– Ну, и где ваше начальство? – я продолжал обреченно упираться.

– В офисе, где же еще, – детина потянул на себя створку ворот.

Я ухватил ее со своей стороны:

– А офис, конечно, далеко – отсюда не видно!

– Какой же ты понятливый! – похвалил меня страж вероломно захваченной усадьбы и миролюбиво посоветовал. – Шел бы ты, мужик, отсюда, а?

– А если я не уйду? – я, как обезьяна, повис на воротах, а Псина – на мне.

– Ну, и зря ты так, мужик, – с сожалением сказал охран-

ник и сделал молниеносный выпад. Я даже не успел толком сообразить, как так получилось, что мы с Псиной отлетели на приличное расстояние и приземлились в вязкой и жирной глинистой жиже. Честно скажу, такого поворота событий я совсем не ожидал, а потому отреагировал не сразу. В отличие от Псины, которая яростно залаяла и кинулась на моего обидчика, правда, ее отчаянная атака быстро захлебнулась, потому что к тому моменту ворота успели захлопнуться. Понятно, что ей не хотелось сдаваться, но что она могла сделать? Обиженно взвизгнув, Псина вернулась ко мне, бедная, жалкая и грязная.

Сам я выглядел не лучше. Глина облепила мои джинсы, в кроссовках чавкало, а главное, я был посрамлен в глазах собственной собаки. На самом деле, уже не в первый раз, если вспомнить кота, которого нам не удалось запугать, но разве от этого легче?

– Ничего-ничего, они еще свое получают, – пообещал я Псине, и мы пошли домой отмываться. Хорошо хоть Славка успел уйти на работу, а то представляю, как бы он нас встретил! У подъезда, на мое счастье, тоже никого в этот ранний час не было, и мой позор не произвел нежелательного впечатления на моих верных «ополченцев». А то, что бы они подумали обо мне как о «предводитель народного восстания»? Да и кто за таким пойдет? Зато на лестнице я столкнулся со своей странной помощницей, накануне вызвавшейся собирать подписи вместо меня. Она была в красных штанах,

длинной кофте мешком и берцах армейского образца, а в руках держала знакомые мне листы.

– Здрасьте! – брякнул я, вжимаясь в стенку.

– Здрасьте! – ответила она низким голосом и протянула мне списки.

Я заглянул в бумаги: потрудились она на славу, все листы были исписаны.

– Спасибо, – я поспешил ретироваться, и лишь пролетом выше спохватился, – вы на митинг-то сегодня придете?

– А куда я денусь? – отозвалась она почти с вызовом.

И я побрел дальше, оставляя после себя шлепки глины на ступеньках. Кстати, Псина оставляла такие же, только поменьше.

Остаток дня прошел в ожидании вечернего события. Я так завелся, что оставалось только удивляться. Не успели мы с Псиной кое-как отмыться, мне позвонили мои главные активистки-пенсионерки. Доложились, что явка должна быть если не стопроцентная, то очень даже внушительная, и что префектура в известность уже поставлена. Я, в свою очередь, дозвонился до Юли из «Архпатруля», хотя и не сразу – телефон у нее был долго занят – и сообщил о собранных подписях и планируемой акции протеста.

– Очень хорошо, – молвила она на это, – от нас кто-нибудь будет. Постараюсь я сама.

– Ну вот, видишь, – подмигнул я обсыхающей под столом Псине, – вся прогрессивная общественность встает на защи-

ту нашей конюшни. Можно сказать, в едином порыве. Коро-
че, но пассаран!

Потом, до самого часа икс, я уже ничего не делал, не счита-
тая того, что пару раз всыпал Псине корма в миску. Просто
слонялся из угла в угол, даже не пытаюсь занять себя чем-
нибудь полезным. Да и какой смысл, если не на ум ничего
не шло? Единственно вспомнился Кирилл: от него опять не
было вестей, а у меня не было ни малейшего желания его
разыскивать. А в целом эта история все больше напомина-
ла ту, которую я уже проходил когда-то в теперешнем «До-
ре». С той разницей, что тамошнего редактора Григория, я
долго и нудно доставал своими выяснениями. А сейчас меня
бы вполне устроило, если б мой роман снова где-нибудь за-
терялся и, может быть, даже навсегда.

Часа через три такой маеты на горизонте возник Славка
и сразу подозрительно громко заерзал башмаками в прихо-
жей. Чем тут же привлек внимание Псины, а потом уж и мое,
разумеется.

– А вот и наш главный карбонарий! – радостно попривет-
ствовал меня Славка, борясь со шнурками на ботинках. – А
ваши, между прочим, уже во дворе собираются!

«Карбонария» я мимо ушей пропустил, а вот по поводу
«наших» напрягся и посмотрел на часы: до сходки было еще
два часа.

– Да ладно-ладно, я пошутил, – смилостивился Славка, – у
подъезда только две твои вчерашние боевые подружки. Мо-

лоденькие, хи-хи! Похоже, рекогносцировку на местности производят. Так сказать, перед схваткой. Прикидывают, куда в случае чего отступить. Гы-гы-гы!..

– Очень смешно! – фыркнул я. Только диву даваться остается, как ловко я умудряюсь окружать себя любителями почесать об меня свой язык. Причем, исключительно для того, чтоб, не дай бог, не затупился. В этой области мне, вероятно, нет равных в мире, и, будь я попредприимчивей, запросто мог бы застолбить себе место в какой-нибудь книге рекордов.

Тем временем Славка, которому надоело распутывать шнурки, чтобы избавиться от ботинка, стал смешно дрыгать ногой. Сидевшая рядом Псина, поначалу с любопытством наблюдавшая за этими ухищрениями, в какой-то момент решила, что ему требуется помощь и вцепилась зубами в острый нос Славкиного башмака.

– Отстань! – заорал Славка и пнул мое отзывчивое животное с такой силой, что оно, бедное, шмякнулось в дальнем углу.

Тут уж я не выдержал:

– Ты че, озверел, живодер?

– А чего она? – заверещал Славка. – Ботинки, между прочим, новые и дорогие!

– Ах, дорогие! – вдохновился я, тем более что дрожжи были свежие. – Так ты у нас, оказывается, богатенький! А как за квартиру платить, так ты вечно без копейки! И это притом,

что я беру с тебя в два раза меньше реальной стоимости!

– Ну, началась старая песня! – скривился Славка. – Давай-давай, давно не слышали! Со вчерашнего дня!

За мной, разумеется, тоже не заржавело:

– А если тебе моя песня не нравится, поищи себе другого благодетеля! Который будет сдавать тебе комнату в центре по дешевке, да еще дожидаться, когда ты соизволишь раскошелиться! Не сомневаюсь, пол Москвы желающих наберется! Просто в очередь выстроятся!

Меня до глубины души возмутили не столько Славкины слова, сколько тон – тот самый, каким обычно говорят с надоевшими сварливыми женами, которых терпят из последних сил и то по обязанности. Вот только зря я рассчитывал, что он пойдет на попятный.

– Да пожалуйста! – выпалил этот нахал. – Мы так и так с тобой расстаемся! Я уезжаю.

– Вот и катись! Скатертью дорожка! Вперед и с песнями! – Еще немного поразорялся я по инерции, а потом осекся. Куда это он собрался, спрашивается?

А Славка, сумевший-таки избавиться от ботинка, вдруг осел на пол:

– Короче, такие дела, Сапрыкин. На меня нашелся приличный покупатель. Все, уезжаю в Южную Корею.

– Seriously, что ли? – озадаченный, я приткнулся рядом с ним. Псина, весьма довольная нашим полугоризонтальным положением, естественно, тут же кинулась лизать наши уны-

лые морды. Я заторможено отбивался, продолжая переваривать поступившую информацию. Выходит, у Славки все получилось? Он все-таки добился чего хотел! А как же я? Я ведь к нему привык! Не исключено даже, что он для меня на сегодняшний день самое близкое существо. Сразу после Псины. Да как он смеет меня бросать?

Немудрено, что я сразу почувствовал себя осиротевшим.

– Ну, и на черта тебе эта Корея? Чем тебе с нами плохо, со мной и Псиной?

– Почему плохо? – пожал плечами Славка. – Мне с вами как раз хорошо. Но науку тоже двигать надо, а здесь она на фиг никому не нужна. И еще нескоро понадобится.

– Да ладно тебе, – не очень уверенно возразил я, – вон в новостях говорят, что у нас наука как раз возрождается. Типа даже из-за границы к нам всякие профессора едут, а ты, выходит, наоборот!.. Бросаешь меня, да? И потом, что там хорошего, в этой Корее? Там же совсем другой менталитет! Говорят, они собак едят! Ужас, правда, Псина?

Моя четвероногая подружка тут же услужливо подтягнула.

Тут уж взмолился Славка:

– Да не рви ты мне душу, Сапрыкин! Сам не хочу. Прикипел к тебе. Но если я сейчас не займусь наукой, то не займусь уже никогда. Еще год-два и я буду конченный, понимаешь?

Еще бы я его не понимал, когда я уже прошел этот путь до него! А теперь поплетусь дальше, но уже без Славки. И

без Насти. И еще без кого-то из тех, кто мне безумно нужен, даже если я уже забыл их имена. Но почему, почему так? Черт, больно! А я-то думал, что меня окончательно покрывала короста безразличия. И дело тут не в особой привязанности, просто со Славкой, как бы я ни кочевряжился, мне было хорошо и комфортно, а терять то, что делает мою жизнь хоть чуть-чуть приятней, мне ужасно не нравится. Что там ни говори, а благодаря Славке, я всегда знал, что происходит в сутолочной московской реальности, к тому же он был человеком нужной мне дозировки. В отличие от того же Сереги, которого очень быстро становится много и которого я плохо переношу в больших количествах. Нет, но почему так, а? Только приладишь к себе кого-то как следует, и на тебе!

Мы еще немного посидели со Славкой на полу, лениво отмахиваясь от Псины, а потом я поднялся, покряхтывая, как старик, и мысленно размазывая по своим дряблым щекам слезы сентиментального эгоиста.

– Что, пора на сходку? – грустно улыбнулся Славка.

– Может, примкнешь для массовости? – закинул я, было, удочку, но сам же ее и смотал. – Ах, да, тебе сейчас неприятности ни к чему... Тогда хотя бы за Псиной присмотри...

– Да разве я когда был против? – Славка был сама покладистость. – Только она все равно будет выть, потому что жить без тебя не может!

– Ну, так развлеки ее чем-нибудь! Между прочим, у Айгуль она почему-то не воет.

– Так и оставил бы с ней! – естественно посоветовал мне Славка. Ненадолго же его хватило!

– Оставил бы, – буркнул я, с трудом подавив в себе скандальный рефлекс, – но она сегодня работает.

– Ну, ладно, ладно, – Славка тут же выбросил белый флаг, – буду развлекать ее, как смогу. Уж насколько фантазии хватит. Хочешь, анекдот тебе расскажу?

Последняя реплика предназначалась Псине, которая повизгивала, наблюдая за тем, как я натягиваю ветровку.

– Будь умницей, я скоро, – погладил я ее по курчавой голове и быстро просочился за дверь.

То ли Славка так и не рассказал свой обещанный анекдот, то ли он оказался несмешным, но вой я услышал, не успев дойти до первого этажа.

Глава XX

Во дворе уже собирался народ, но было его, если честно, не так чтобы густо. А конкретно всего-то три человека, если не считать моих главных сподвижниц – пенсионерок, которых я мысленно окрестил могучей кучкой. Из этих троих я сразу узнал свою давешнюю помощницу в берцах, еще двое – безнадежный интеллигент в очках на костистом носу и плотная тетенька средних лет в стеганой куртке с капюшоном – были мне незнакомы. «Вот так рать! – мысленно крякнул я при виде такой картины. – С такими, пожалуй, навоюешь!»

Тем временем сами «ратники», или карбонарии по-славкиному дружно воззрились на меня. Как будто дожидаясь ко-

манды. Хотя, возможно, я и преувеличиваю свою роль в русской революции. А может, и нет. Потому что от «могучей кучки» сразу отделилась Любовь Иванна, она же Старшая и, подрулив ко мне, чуть ли не по-армейски доложила:

– До префектуры дозвонились. Обещали быть.

– Отлично, – кивнул я, волей-неволей преисполняясь сознанием собственной значимости, – из «Архпатруля» тоже кто-нибудь подъедет.

Что делать дальше, я не знал, поскольку опыта ведения какой-либо общественной деятельности у меня было с гулькин нос. Если не считать участия в профсоюзных собраниях в самом начале моей бесславной карьеры в советском НИИ информации. А потому решил полагаться на самоорганизацию масс, в то время как у масс, похоже, на сей счет было иное мнение. Немногочисленные карбонарии продолжали сверлить меня пытливыми взорами: дескать, чего притих, вожак? А на меня, как нарочно, ступор нашел. Стою и не понимаю, что я вообще тут забыл? И что у меня за идиотская натура такая – сначала ввязаться в историю и только потом думать, на кой бы оно мне сдалось? Совсем как с писательством своим гребаным. Накатал целую книгу, а на последней странице выяснилось, что мне нечего сказать человечеству, ну, хоть режь! И сейчас, похоже, то же самое.

И так мне стало тоскливо, что я запрокинул голову и посмотрел на свои окна. И в одном из них, кухонном, увидел Псину и Славку. Псина упиралась лапками в подоконник и

лаяла, глядя на меня, а Славка корчил рожи. Мне ужасно захотелось туда, к ним, на кухню, где сияла вымытая Айгуль газовая плита и громоздились бесчисленные чашки с мокнувшими на дне чайными пакетиками. В конце концов, с чего я так завелся? Да, жалко конюшню, конечно, и котов жалко, даже того, который чуть было глаза мне не выцарапал, но слишком уж лакомый кусочек земли она занимает, чтобы стоять на нем вечно. Не сегодня-завтра до нее бы так и так кто-нибудь бы добрался. Удивительно уже то, что она до этих пор достояла, а не пала под неумолимой пятой прогресса еще раньше, как пали другие московские усадьбы, в том числе и более знаменитые, чем наша.

– А чего мы стоим? Надо идти к конюшне! – первой не выдержала моя странненькая помощница в берцах.

Я вздрогнул и посмотрел на часы:

– Давайте еще немного подождем. Может, еще кто-нибудь подойдет?

Возражений не последовало, и мы еще минут десять топтались у подъезда, однако желающих постоять грудью за конюшню от этого не прибавилось. Самое время было подумать о том, чтобы не разбежались оставшиеся.

– Ладно, пойдемте, – нехотя скомандовал я.

И мы пошли. Я впереди, на полшага от меня странненькая, а за нами, гуськом, «могучая кучка», интеллигент-очкарик и широкоплечая тетка. Короче, еще та компания! Впрочем, если рассматривать нашу вылазку как флэшмоб или,

прости, господи, перформанс ... Кстати, почему бы и нет? Ведь ваш покорный слуга какой-никакой, а художник, а художники имеют право на большее количество тараканов в голове, нежели рядовые граждане, необремененные вечной и пагубной страстью к самовыражению. К тому же, даже если мы ничего и не добьемся (в чем лично я не сомневался), то уж, по крайней мере, развлечемся.

Впрочем, вскоре наш решительный шаг застопорился по той банальной причине, что мы уперлись в возведенную строителями ограду. Передо мной уже, было, замаячил все тот же извечный русский вопрос, но тут мне был голос. Из телефона. Звонила Юля из «Архпатруля»:

– Мы на углу у зоомагазина, куда идти дальше?

Я снова взбодрился и подробно описал ей самый короткий маршрут через дворы, которым мы обычно ходим с Псиной. Судя по тому, что она сказала «мы», Юля двигалась к нам на подмогу не одна, и это прибавило мне оптимизма по части перспектив нашего безнадежного предприятия.

Однако то, что я вскоре увидел, совершенно не вязалось с моим заочным представлением об «Архпатруле». Я-то думал, что это солидная организация, в которую входят серьезные взрослые люди, возможно даже, научные сотрудники, а те, что прибыли спасать конюшню, оказались желторотыми юнцами. Все четверо, включая и саму Юлю, похожую на восьмиклассницу. Ясно, что после такого «вливания» свежих сил, сильно диссонировавших с моими карбонариями

по возрасту, наша команда стала выглядеть еще более разношерстной, и чего от нее ждать, я, честно говоря, не представлял. Да и от себя по большому счету тоже.

– Юля, – восьмиклассница из «Архпатруля» протянула мне свою короткопалую ладошку, без малейших колебаний сделав выбор между мной и интеллигентом-очкариком в мою пользу.

– Петр, – я двумя пальцами подержался за невесомую Юлину лапку, попутно присмотревшись, нет ли на ней чернильных пятен. Чего не было, того не было, а вот ногти она грызла – это точно.

– Это Влад, Никита, Максим и Егор, – Юля деловито перечислила своих гвардейцев, но кто есть кто, я, конечно, не запомнил, и для удобства переименовал их про себя по внешним признакам. Приземистого – в Верзилу, лысого – в Чубатого, упитанного – в Велосипеда, а четвертого, с характерной вмятиной на переносице, не особо мудрствуя, – в Боксера.

– Так, и какой у нас план? – сурово насупилась Юля, и я окончательно почувствовал себя не в своей тарелке.

Но тут мне на выручку пришли мои непримиримые пенсионерки. Старшая и ее товарки, как ловкие фокусницы, извлекли откуда-то белое полотнище с надписью «Руки прочь от памятника истории» и развернули его на манер транспаранта. Какие молодцы, я их явно недооценивал! Остальные карбонарии и Юлины гвардейцы переглянулись, а я, чтобы не ударить в грязь лицом ни перед теми, ни перед другими,

решительно толкнул ворота. Разумеется, они и не думали открываться, поэтому я стал с непритворным остервенением колотить ногой в створку.

– Надо посмотреть, что там происходит, – меж тем задумчиво произнесла Юля.

Этого было достаточно, чтобы трое из ее гвардейцев – Верзила, Чубатый и Боксер – как кошки вскарабкались по забору и, оседлав его, в картинных позах застыли на верхотуре. В это время Велосипед достал из рюкзака приличную полупрофессиональную камеру и принялся снимать происходящее. А события разворачивались все стремительнее. Ворота распахнулись изнутри, и мы ввалились в них дружной гурьбой. Навстречу нам побежал охранник, тот самый, из-за которого два дня назад я позорно приземлился пятой точкой в грязь.

– Куда? Куда? – закричал он, размахивая руками. – Сюда нельзя!

Но никто даже не собирался его слушать. В едином порыве мы все – и гвардейцы, и карбонарии – устремились к сиротливо желтеющей за строительными вагончиками конюшне. Слава Богу, она была цела! Уже в двух шагах от заветной цели наперерез нам бросились еще два охранника. Но перевес сил был на нашей стороне, а потому все, что им оставалось, это злобно сверкать глазами и названивать кому-то по мобильникам. Воспользовавшись моментом, я обежал во круг конюшни и убедился, что никакого урона она не понес-

ла, если не считать сорванной со стены памятной доски.

– Ну и как? – осведомилась возникшая за моей спиной Юля, когда я остановился у крыльца, чтобы перевести дух.

Я пожал плечами:

– Да вроде все в порядке. Только доски нет, на которой было написано, что это памятник архитектуры. Но они от нее еще в первый день избавились.

– Тут висела? – Юля кивнула на торчащие из стены штыри и скомандовала подоспевшему Велосипеду. – Сними!

После этого вопрос, что делать дальше, на моей повестке дня больше не вставал. Все пошло само собой. Пенсионеры вытащили свои транспаранты, безнадежный интеллигент и тетка в стеганой куртке живо обсуждали тот факт, что застройщики, помимо конюшни и прилегающей к ней территории, отгородили половину нашего двора, Юлины гвардейцы активно позировали на фоне строительных вагончиков, Странненькая в берцах меланхолично наблюдала за происходящим. Конкретно от меня ничего не требовалось, поэтому я решил пообщаться с Юлей.

– И что... Часто вы так... воюете?

– Да почти каждый день, – будничным тоном ответила она, – вчера в область выезжали. Там памятник конструктивизма сносят.

– Понятно, – хмыкнул я, – а отвоевали много?

– Не очень, – призналась Юля, – народ у нас инертный, поздно спохватывается, а местные власти и застройщики

этим пользуются.

– Ну а как вообще?

– Что вообще?

– Ну, жизнь... Чем в остальное время занимаетесь? – Покопался я на резвящихся с камерой гвардейцев.

– Кто чем, – просветила меня Юля, – в основном фрилансом.

– Ну да, это удобно, всегда можно урвать время для благородных дел, – витиевато выразился я и зачем-то разоткровенничался, – я тоже в некотором роде вольный художник. А здесь мы с собакой каждый день гуляли.

Однако Юля отнеслась к моим разглагольствованиям равнодушно и, ничего не ответив, удалилась к своим юнармейцам. Судя по всему, я был ей совершенно неинтересен. С другой стороны, я же не памятник истории и культуры, так что обижаться мне вроде бы грех. Ну и ладно, в конце концов, я здесь тоже не один. Я обернулся, чтобы посмотреть на своих карбонариев, и вдруг увидел кота. Того самого. Он неторопливо крался вдоль конюшни весь в своих заботах, не обращая внимания на происходящее вокруг. Бедный котяра даже не подозревал, что не сегодня-завтра останется без крыши над головой. Может, забрать его к себе? Глядишь, они найдут общий язык с Псиной, и мы заживем одной большой дружной семьей.

– Кис-кис! – позвал я его, присев на корточки.

Котяра на короткое мгновение замер, поджав уши и хвост,

выстрелил в меня своими желтыми глазищами – и ведь узнал, бродяга, я больше чем уверен – после чего изящно и непринужденно нырнул в заветное окошко подвала. Аривидерчи, глупые двуногие! И, надо сказать, смылся он вовремя, потому что спираль событий стала закручиваться очень быстро.

Сначала на спорной территории появились новые действующие лица – три типа, приехавшие на внедорожнике. К ним верноподданно кинулись охранники. О чем они говорили, мы не слышали, но по жестикеуляции было понятно, что речь идет о нас. Мы разом подобрались, построились, сплотились, подготовившись к отражению возможной атаки. Те, что из внедорожника, и охранники тяжелой поступью двинулись в нашу сторону. Напряжение нарастало, я по праву главного заговорщика вышел на пару шагов вперед, а юнармейцы обступили Юлю. Но вопреки ожиданиям, наш первый контакт с застройщиками – а это, конечно же, были они – вышел у нас достаточно миролюбивым.

– Здравствуйте, граждане! – поприветствовал нас один из вновь прибывших неприятелей, этакий свойский мужик-балагур. – Вы что же это нарушаете, а? Строительная площадка – это вам не место для прогулок.

– Серьезно? – я тоже принял нарочито игривый тон, хотя внутри меня все кипело. – Как раз таки мы всю жизнь здесь гуляли, а вас тут видим в первый раз. Кстати, кто вы, собственно, такой?

– А я – начальник строительства Ардатов Иван Тимофеевич, – свойский дядька-балагур был само благорасположение, – я здесь за все отвечаю, а посторонним на стройплощадке находиться не положено.

Тут уж заволновались мои карбонарии. «Сами вы посторонние! – понеслось из-за моей спины. – Руки прочь от памятника архитектуры!»

– Между прочим, – это была уже Юля, – а разрешительные документы на строительство у вас имеется?

– Конечно, – ослабился застройщик-балагур.

– Тогда покажите!

– Да я бы с удовольствием, – застройщик-балагур треснул в улыбке от уха до уха, – только я не очень понимаю, с кем имею дело. Вы-то мне не представились.

– А что тут представляться? Мы – общественность! – подала зычный голос Старшая.

– Мы – жильцы ближайшего дома, – загалдели остальные, – а вы у нас полдвора своим забором оттяпали!

– Ах, так вы наши добрые соседи! – несказанно обрадовался застройщик. – Так давайте жить дружно, зачем ссориться? Клянусь, мы не собирались ущемлять ваши интересы, зря вы так разволновались!

– Ага, не собирались, а ущемили! – зря он рассчитывал купить моих пенсионерок за рубль – за двадцать. – Вы, между прочим, без нашего согласия строить здесь права не имеете. Нам так в префектуре сказали. И вообще они обещали

сегодня приехать – разобраться что к чему!

– Очень хорошо, – душка-застройщик буквально лучился от восторга, – я только за, и сам им по этому поводу звонил. Пусть приезжают и пусть разбираются. Мы же цивилизованные люди, зачем нам лишние недоразумения! Да вот, кстати, и они, я так понимаю!

В этот момент в распахнутые ворота и впрямь въехала темная иномарка представительского класса. В ней было двое. Тот, что за рулем, из машины не вышел, а второй, щуплый, в светлом плаще и с недовольной физиономией – типичная канцелярская крыса (или офисная, если хотите) – пошлепал к нам, внимательно глядя под ноги, чтобы не вляпаться в грязь. Наш балагур, встрепенувшись, устремился к этому деятелю, заблаговременно протягивая длань для рукопожатия, из чего лично я сделал однозначный вывод, что они знакомы и вполне возможно накоротке. Ну-ну, посмотрим, что будут дальше.

А дальше было вот что. Чиновник, а это был начальник какого-то отдела префектуры, напустил на себя официальности. Дескать, что тут происходит, в чем дело и так далее. Я без долгих разговоров всучил ему нашу петицию с собранными подписями. Он быстро пробежал страницу глазами и, свернув в трубочку, сжал в руке, потом с самым серьезным видом выслушал наши претензии и озвучил следующее заявление:

– По поводу усадьбы Маховых. Я разделяю ваше беспо-

койство. Вы говорите, что на здании была памятная доска? Мне об этом, к сожалению, ничего не известно. Дело в том, что в настоящее время усадьба в нашем реестре памятников истории и культуры не числится. Тем не менее, заверяю вас: здание никто не снесет до тех пор, пока эксперты не дадут заключение о его архитектурной и исторической ценности. Ну а префектура тем временем изучит бумаги инвестора. А вам – спасибо за сигнал. Остальное – это уже наша забота.

– А телефончик вы нам свой не дадите, а то мало ли что? – недоверчиво спросила Старшая.

– Пожалуйста, звоните, – чиновник из префектуры протянул ей визитку.

Я посмотрел на балагура-застройщика. Хотя он не сделал ни одной попытки возразить, вид его не вызывал у меня доверия. С другой стороны, с формальной точки зрения все наши требования вроде бы были удовлетворены. Поэтому, еще немного потоптавшись у конюшни, мои карбонарии неспешно потянулись к воротам. Я и ребята из «Архпатруля» задержались подольше.

– Не очень бы я им на вашем месте верила, – тихо посоветовала мне Юля, – у нас такое уже было. Обещали, что не снесут, а потом потихоньку сносили. Установите на всякий случай дежурство, лучше круглосуточное.

– Да у них вроде и техники пока никакой нет, – заметил на это я.

– Это сегодня, а что будет завтра – неизвестно, – привела

свои резоны Юля.

А спустя десять минут мы разошлись. Расставаясь, я поблагодарил Юлю и ее юнармейцев, которые показались мне слегка разочарованными. Видимо, они ожидали большего. Признаться, я тоже чувствовал себя слегка обманутым. Хотя все прошло много лучше, чем я ожидал, ощущения полной и безоговорочной победы у меня не было. Напротив, я прекрасно понимал, что битва за конюшню еще впереди, а мой боевой дух иссяк уже на этапе артподготовки. Я ведь не фанатик, как Юля и ее архпатрульные, и до сих пор мною двигал сиюминутный порыв, а на нем далеко не уедешь. Что, спрашивается, я буду делать в следующий раз, когда от меня потребуются более решительные действия?

Судя по всему, успевший изрядно меня изучить Славка думал точно так же, а потому встретил меня в прихожей с ехидцей:

– Ну что, справедливость восторжествовала?

Так как настроения собачиться у меня особо не было, я молча его обогнул, погладил радостно взвизгнувшую Псину и проследовал к дивану, безотказно принявшему меня в свои волосатые объятия. Кто бы там что себе ни думал, но после своих сегодняшних подвигов я имел полное право на отдых. Псина, немедленно последовавшая моему примеру, тут же свернулась у меня в ногах калачиком. Милая, милая!.. Прежде чем отключиться на часок-другой, я еще раз погладил ее по курчавой голове.

Глава XXI

Суббота началась прескверно. Когда я выполз на кухню – заварить себе чаю, там уже околачивался Славка. Маячил у окна и, прихлебывая из чашки, пялился на улицу.

– О, проснулся наконец! – отчаянно замахал он мне рукой, словно я проносился мимо на скором поезде. – Посмотри-ка вниз. Это как раз по твоей части.

Томимый самыми неважнецкими предчувствиями я нехотя подгрел к окну, и, прижавшись лбом к стеклу, увидел крытый тентом грузовик, медленно и торжественно въезжающий в широко распахнутые ворота стройки. Я печально зевнул и отошел к столу, чтобы бросить в чашку чайный пакетик и залить его кипятком, но Славка снова меня позвал – на этот раз поглазеть, как из грузовика выпрыгивают зеленые человечки в рыжих касках, числом не меньше десятка. От этого зрелища под ложечкой у меня тревожно заныло. Я, конечно, не дурак и догадался, что ничего мы вчера на самом деле не добились, но могли бы эти застройщики хотя бы для приличия паузу выдержать! А заодно дать передышку мне. Потому что нет у меня такой привычки – бороться за справедливость с утра пораньше и на пустой желудок! Я и писать-то себя заставить не могу, если настроения нет (а его, как все уже, надеюсь, уяснили, нет практически никогда!), а тут изволь – высекай из себя искру, когда ты пуст и бесполезен, как использованный чайный пакетик.

– Нет, ты видел? Видел? – как нарочно не унимался Слав-

ка. – Они уже рабочих завезли. А еще там прибавилось охраны. Явно какой-то ЧОП подрядили. Ну, все, кранты конюшне.

Я, сцепив зубы, дал себе слово не вестись на Славкины провокации, и, надо сказать, до поры мне это удавалось. Все испортила Псина, которой, в отличие от меня, хладнокровия не хватило. В результате вместо того, чтобы спокойно поглощать из миски заботливо поданую мною пищу, она не без Славкиной помощи взгромоздилась на подоконник и принялась громко лаять на мельтешащих внизу зеленых работяг. В точности как на котов, нагло превративших в ночлежку историческую конюшню.

– Тебе что, делать нечего? – окрысился я на Славку.

– А что я? – скорчил рожу этот шалопай, который собирался меня бросить и по которому я уже заранее тосковал. – Она просто хочет справедливости. Правда, Псина?

– Да пошел ты! – буркнул я, сооружая себе унылый бутерброд из подсохшего куска хлеба и холодной, резиновой на вкус колбасы.

На самом деле Псине хотелось гулять, тем более что два вчерашних наших променада по причине уже известных событий получились непривычно для нее куцыми, а потому, глядя в окно, она периодически оборачивалась ко мне, повиливая при этом хвостом. Дескать, не видишь разве, что я уже засиделась в четырех стенах? А все по твоей милости. И во мне, как всегда, тут же зашевелились угрызения совести,

эти противные маленькие пиявки, которым только дай волю: присосутся – клещами не отдерешь.

Через десять минут мы были во дворе. Пси́на традиционно бегала от дерева к дереву, я курил, нервно прохаживаясь у ворот стройки, кстати, уже закрытых. Сигареты у меня оставалось еще на три-четыре затяжки, когда из-за кучно сгрудившихся во дворе автомобилей показалась Старшая, и шла она, конечно, ко мне. Из чего можно было сделать вывод, что все утро бдительная пенсионерка провела у окна. А может быть, даже и ночь.

– Они завезли рабочих! – объявила Старшая вместо приветствия.

– Я знаю, – я затушил сигарету и сунул ее в карман куртки.

Тем временем Старшая продолжала грузить меня оперативной информацией:

– Я уже позвонила Саблину из префектуры. Ну, тому, что был вчера.

– А-а, – протянул я, с одобрением наблюдая, как моя Пси́на тщательно примеряется к неприятельскому забору и дает по нему прицельную струю, – и что он?

– Да что он, – Старшая озабоченно свела к переносице подрисованные брови, – говорит, что все под контролем, что идет проверка... Как будто эти будут ждать, пока они там проверяют! Возьмут за выходные все снесут и вырубят, а в понедельник в префектуре руками разведут. После драки кулаками не машут!

– Да уж, против лома нет приема, – согласился я и мобилизовал свое серое вещество, – только людей-то они завезли, а вот техники там пока нет. Вряд ли они будут сносить здание вручную. Для этого обычно используют бульдозер. Или экскаватор...

– Значит, мы не должны туда бульдозер пропустить! А что? Станем на воротах и все! Надо наших обзвонить, чтобы наготове были, а пока дежурство установить!

– Вот и обзванивайте, – такой расклад радовал уже тем, что не требовал от меня никакой инициативы, – а я здесь подежурю. С собакой, – я подозвал к себе Псину, которая тут же приникла к воротам, за которыми скрывалось любимое место наших игрищ, напряглась и залаяла.

Само собой, меня разобрало любопытство, что она там нанюхала. Поэтому я заглянул в ближайшую щель в заборе и, что бы вы думали, увидел? Вернее, кого! Да все того же наглого кота! Этот предатель, явно рассчитывая на подачку, подобострастно крутился под ногами у охранников, которые, посмеиваясь, что-то уплетали. Продажная полосатая шкура! А я еще хотел его приютить!

– Ладно, не переживай, – вздохнул я, сочувствуя Псине, и пообещал, – мы еще до них до всех доберемся, зуб тебе даю.

Псина в ответ тихо взвизгнула. Похоже, не очень-то она мне поверила.

Зато в этот раз мы нагулялись от души. Правда, не покидая двора. Хотя Псине явно хотелось прошвырнуться по

одному из наших любимых маршрутов с заходом в зоомагазин, разгоном голубей на бульваре и выслеживанием шныряющих в подворотнях бездомных котов. Пару раз она давала мне это понять, добегая до угла ближайшего переулочка, а потом возвращаясь, так и не дождавшись меня.

– Мы тут на посту, понимаешь, – убеждал я ее, – вахту несем. Вот когда сдадим, другое дело. Так что потерпи.

Она внимательно меня слушала, склонив на бок свою кудлатую мордашу, фыркала и принималась накручивать круги между подернутыми нежносалатовой дымкой дворовыми деревьями, готовыми со дня на день проклюнуться клейкими листочками. Занималась беспутная московская весна. Когда вчера еще грязный снег, а завтра уже плюс двадцать пять и никакого межсезонья. Тем более все и так затянулось дальше некуда, на календаре конец апреля, и хочется наконец настоящего тепла.

Впрочем, с подветренной стороны да на солнышке при большом желании можно было погреться уже сегодня. По крайней мере, я нашел себе такой укромный уголок, прислонился к забору, сладко зажмурился, разомлел, и, вполне вероятно, заснул бы в стоячем положении, если б не Пси́на, которая время от времени бдительно торкалась носом мне в коленки. После каждого такого заботливого толчка я вздрагивал, тряс головой и осматривался, а потом снова погружался в сонную нирвану. Наверное, у меня авитаминоз, думал я лениво, и почти наверняка нехватка тестостерона, а он, как я

где-то прочитал, способен вырабатываться под воздействием солнечных лучей, если, конечно, это не очередное открытие неутомимых «британских ученых».

И вдруг «здрасьте». Я открыл глаза. Передо мной стояла Странненькая в берцах. Пришла меня сменить. Вместе со вчерашним безнадежным интеллигентом. То есть пришли они порознь, сначала Странненькая, а через минуту Безнадежный, но дежурить собирались вместе. До подхода остальных сил. Я же со своей стороны с легким сердцем передал им охраняемый объект и отправился, как и обещал Псине, бродить с ней по переулкам.

Разумеется, первым делом мы завернули в наш зоомагазин, где я недолго пощебетав с общительной продавщицей, купил своей верной подружке ее любимые ушки, которые она умяла сразу же за порогом. Потом за неимением котов мы немного погоняли голубей в тщедушном грязном скверике, после чего Псина взяла уверенный курс на супермаркет, в котором работала Айгуль. Этот пункт назначения появился на нашем маршруте относительно недавно, но я, честно говоря, ничего не имел против.

Обычно Айгуль, заметив нас сквозь стеклянную витрину, махала нам рукой и делала уморительные рожицы, приводившие Псину в неопишуемый восторг, немедленно передававшийся и мне. Прыгая рядом с нею, я напрочь забывал о своем нестерпимом писательском зуде, об изувеченном в угоду Кириллу романе, о Насте и прочих, доставляющих мне

массу неудобств мелочах. И даже нехватка тестостерона в такие моменты занимала меня гораздо меньше, чем досадное отсутствие хвоста, которым я мог бы забавно сучить в унисон моей Псине.

Уверен, сегодня все было бы точно так же, если б не телефон, затренькавший у меня в штанах на самом подходе к супермаркету. Звонила Старшая с пренеприятнейшим известием:

– Они прислали бульдозер. Мы перегородила дорогу, но людей мало.

– Иду! – обреченно выдохнул я в трубку и дернул за поводок упирающуюся всеми четырьмя лапами Псину. – Пошли, труба зовет.

Псина как-то особенно протяжно заскулила, и, преисполнившись чувством вины, я всю обратную дорогу уговаривал ее, чтобы не расстраивалась:

– Понимаю, ты хотела видеть Айгуль. Я тоже хотел. Но что делать, если злые люди собираются снести нашу конюшню? А у Айгуль завтра выходной, и она сама к нам придет. И ты будешь с ней гулять. А сегодня мы уже неплохо размяли косточки. И не спорь, пожалуйста.

Я увещевал ее громко и рассудительно, как маленького ребенка, не обращая внимания на косые взгляды встречных пешеходов. Пусть себе думают, что хотят, лишь бы только Псина не скулила. А она все никак не успокаивалась, оглядывалась назад, смотрела на меня печальными глазами и во-

лочила за собой обвисший хвост. Разрываясь от жалости к ней, я не сразу сообразил позвонить Славке, чтобы он вышел забрать собаку. Но ничего, он собрался быстро – мы его практически не ждали – выскочил из дома без куртки и, принимая из моих рук поводок, выпалил:

– Иди-иди, там нужны свежие силы!

Я проводил их с Псиной взглядом до подъезда и рысью бросился к воротам стройки, а ситуация возле них, судя по долетающим до меня голосам, складывалась напряженная. Вскоре за деревьями стал просматриваться бульдозер и обступившие его со всех сторон люди. Там были и мои карбонарии, и охранники, и рабочие в зеленых спецовках. Все вперемешку и все галдят, а кто чего хочет, понять трудно. Подойдя ближе, я заметил, что сами ворота распахнуты, а в пустующем проеме, взявшись за руки, стоят Старшая с подружками, Странненькая, Безнадежный и еще пара-тройка незнакомых мне прежде, но близких по духу соседей. Решимость, с которой они преграждали дорогу бульдозеру, произвела на меня столь сильное впечатление, что я немедленно влился в их сплоченные ряды, успев перед этим издать устающий противника вопль.

Карбонарии встретили меня радостным гулом, я же, заняв позицию между Старшой и Странненькой, позволил себе немного осмотреться. Так вот, из самой гущи событий ситуация выглядела следующим образом. В численном выражении наши с противником силы были примерно равны, но

духом мы его явно превосходили. Пока мы демонстрировали единство и сплоченность, свежеприбывшие рабочие растерянно топтались у забора, охранники метались и истошно орали, безуспешно пытаясь оттащить нас от ворот, а водитель бульдозера, с виду добродушный деревенский увалень, сокрушенно вздыхал, то и дело поглядывая на наручные часы. И даже пытался взывать к нашему сочувствию:

– Слушайте, ребята... Я против вас ничего не имею, и вы меня поймите... Я же простой работяга, меня куда послали, туда я и еду... Мне зарабатывать надо, семью кормить, а вы мне не даете... Разве это по-человечески?..

– А памятники сносить, значит, по-человечески? – вступила с ним в дискуссию Старшая. – И строить на их месте небокребы?

– Да я-то тут при чем? Мне куда сказали, туда я и еду, – бульдозерист завел свою волюнку по второму кругу, на что Старшая снова и буквально в тех же выражениях выставила ему свои контраргументы про памятники и небоскребы.

Правда, я их не дослушал, отвлекся на телефон, который задергался в конвульсиях в моем кармане. Звонила Юля, интересовалась, как дела. Надо же, как вовремя. Вкратце описал ей ситуацию. Она попросила держаться и пообещала подкрепление. Я со своей стороны уверил ее в том, что мы будем стоять до конца. Чувствуя невероятный прилив тестостерона, я всерьез полагал, что при сложившихся раскладах мы можем противостоять застройщикам, пока это нам самим не

надоест, и мысленно посылал «приветы» вероломной Гандзе: «Ну что, съела?». Кстати, я был бы не против, если бы инвесторы «выкатили» ее на нас в качестве психологического оружия. Вот уж была бы развлекуха!

Впрочем, и без Гандзи никто особо не скучал. Поскольку наше противодействие носило затяжной позиционный характер, то очень скоро мы совершенно незаметно для себя перешли к очередному его этапу, описанному еще историками Первой мировой, – а именно братанию. По крайней мере, когда несчастный бульдозерист пожаловался на то, что по нашей милости остался без обеда, все та же Старшая снабдила его пирожками, которые захватила с собой на случай долгой осады. Мне и другим карбонариями тоже перепало из ее стратегических запасов, и мы все вместе неплохо подкрепились, умильно наблюдая, как наш изголодавшийся противник налегает на домашнюю выпечку. Потом он попросил закурить, и я великодушно поделился с ним сигареткой.

Однако, любая идиллия – вещь хрупкая и крайне недолговечная, и я в этом в очередной раз убедился на собственном опыте, причем очень скоро. О том, что на нашем «фронте» грядут перемены, я догадался, заметив изменения в поведении охранников. Если до этого они в основном проводили политику запугивания и мелких провокаций, то теперь выжидающе сгрудились возле бульдозера, не особенно обращая на нас внимание. Было понятно: что-то грядет. Что именно, выяснилось с появлением в нашем балагане новых клоунов.

Хотя, не такие они были и новые. Во всяком случае, с двумя из них – балагуром-застройщиком и чиновником из префектуры мы уже встречались накануне. Правда, сегодня их сопровождали пэпэсники, на угрюмых физиономиях которых крупными буквами было написано: «И чего вам всем дома не сидится?»

– Граждане, разрешите нам, пожалуйста, пройти, – вежливо обратился к нам застройщик-балагур.

Мы дружно переглянулись и замотали головами: ни фиги!

После чего я, было, приготовился к душеспасительным беседам вроде вчерашних, но, похоже, в ближайшие планы застройщика они не входили. Словно получив невидимую отмашку, за нас снова взялись охранники. Выхватывая кого-нибудь из карбонариев, стоящих в цепочке с краю, тащили прочь от ворот, а те, вырвавшись, тут же возвращались назад, к нам. Остальные, включая полицейских, участия в этой заварухе не принимали, наблюдали за происходящим со стороны, не пытаясь остановить потасовку. Зачем они вообще сюда пожаловали, спрашивается? Цирк им тут, что ли!

А натиск охранников все усиливался. Когда из цепи выдернули меня, я успел краем глаза засечь, как деревенский увалень, которого мы из жалости потчевали пирожками, открыл дверцу бульдозера и вспрыгнул на подножку. Все, понял я, сейчас он прорвется в ворота! И тут с шумом и гиканьем, как индейцы из засады, из-за деревьев выскочили наши вчерашние юнармейцы из «Архпатруля» и, ни слова не

говоря... улеглись перед бульдозером. Как же я им обрадовался! Взял бы и расцеловал! Совершенно ошалелые охранники стали хватать их за руки – за ноги и относить с дороги. Но все напрасно: освободившееся место тут же занимал кто-нибудь из моих карбонариев, и если таскать юнармейцев охранники были еще способны, то оторвать от земли Старшую, не развязав при этом пупка, я бы на их месте даже не мечтал.

Словом, очень скоро охранники окончательно выдохлись, и мы бы, наверное, отпраздновали полную и безоговорочную победу, но тут в потасовку включились прежде проставившие пэпээсники, которым, похоже, роль сторонних наблюдателей надоела. Причем, если на Старшую и других наших тяжеловесов они воздействовали методами убеждения, дескать, холодно на земле лежать, уважаемые, чай не лето на дворе, то с юнармейцами вели себя без лишних церемоний. Те, конечно, уворачивались и рассыпались от них, как горох, доставляя противнику немало беспокойства. Но даже их перещеголяла Странненькая, которая в самый разгар схватки вскочила на ближайшую кучу мусора и пронзительно завизжала на обступивших ее чоповцев:

– Не трогайте меня! Уберите свои лапы, ур-роды!

Это было так неожиданно, что осаждавшие на мгновение замерли, чем я тут же воспользовался. Не то, чтобы я так уж сильно переживал за свою соратницу, скорее, во мне разыграло чувство солидарности, заставившее меня бросить-

ся к ней на подмогу. Одним прыжком я очутился рядом со Странненькой, жутко собою гордый и хмельной от ощущения невесты откуда взявшейся бунтарской энергии. Весело перемигиваясь, мы долго отпихивались от наседавших чоповцев, а потом стали мало-помалу отступать. Поначалу этот отход я был склонен рассматривать как временный и намеревался обратить в военную хитрость, но, видимо, что-то не рассчитал. В итоге мы оказались затертыми между забором и неприметным микроавтобусом, в который нас после непродолжительного сопротивления к большому моему стыду и запихнули. Единственное, что меня немного утешило: там уже сидели наши друзья юнармейцы. А значит, мы со Странненькой продержались все-таки дольше.

Потом нас отвезли в участок, где мы пробыли около часа. Причем факт составления протокола никого не обеспокоил, мы больше переживали за Старшую и других карбонариев. Как они там? На свободе сразу же начали им звонить, и узнали, что пока нас не было, на место боестолкновения приехала какая-то районная депутатша и тоже легла под бульдозер. А так как депутатша – лицо неприкосновенное, вражеская операция, что называется, захлебнулась. В конце концов, бульдозер развернулся и уехал, остальные неприятели ретировались за забор, из наших же никто не уходит, опасаясь обманного маневра. Окрыленные обнадеживающей информацией, мы поехали обратно, довольные собой, но недовольные пэпээсниками, которые, между про-

чим, могли бы вернуть нас туда, откуда взяли и где нас вскоре встретили, как героев. Еще через полчаса, проведя общее собрание, мы приняли решение о поочередном дежурстве и, оставив первую группу стражей, разошлись по домам.

Дома меня ждал на редкость теплый прием.

– А вот и наш победитель! – заорал Славка, едва я переступил порог. – Явился наконец! А то мы тут все испереживались!

В то же мгновение Псина вlepилась мне в грудь, как теплая лохматая торпеда, и я весь потек от нежности. Вот, кто меня не предаст и не продаст, почему-то подумал я. Хотя если кто-то меня до сих пор и предавал, то только я сам. На кухне, как всегда, не было ни одной чашки, в которой бы не мок сморщенный чайный пакетик, но вопреки обыкновению это меня не взбесило, а, скорее, умилило.

Глава XXII

В ту ночь я почти не сомкнул глаз, бесконечно ворочаясь и мешая спать бедной Псине. Пару раз я даже вставал и подходил к окну – посмотреть, что происходит на стройплощадке. Внизу было тихо. Где-то у ворот сидели или прохаживались невидимые в темноте дежурные по конюшне. Мы с Псиной честно отстояли свою вахту незадолго до полуночи, передав вахту Странненькой и Безнадежному, которых наверняка уже сменили, а потому я мог бы себе спокойно дрыхнуть, однако не тут-то было. Разумеется, в голову лезла всякая чушь. Вспомнился пропавший с моим романом Кирилл,

наша последняя встреча с Серегой, когда мы разругались в пух и прах... Поэтому я даже обрадовался, когда у меня звонил телефон, решив, что меня призывают мои карбонарии. Но это были не они.

– Привет, Сапрыкин! – шумный Людкин вздох накрыл меня, как волна, с головой. Прошло не так уж много времени с тех пор, как мы с ней поцапались, а я, оказывается, уже успел забыть ее номер, которому в период нашего бурного, но краткосрочного романа я так и не удосужился присвоить ему какой-либо ник. Что на меня, в целом, не похоже. Наверное, фантазия стала барахлить. Потому что я редко кого записываю под собственным именем, предпочитая говорящие прозвища. Так, например, Наталья из «Расслабься» значилась у меня в телефоне как «Нудьга».

– Привет. Как дела? – отозвался я буднично, а сам тем временем напрягся: кто знает, что у нее на уме? Вдруг она все еще настроена на выяснение отношений, к которым я совершенно не расположен, хоть сегодня, хоть завтра, хоть всегда.

– А дела такие, что мы его убили! – провозгласила Людка загробным голосом.

– Кого? – Осторожно осведомился я, приготовившись в случае чего дать отбой.

– Его! Он мне позвонил и попросил прийти к нему в больницу. У него опухоль... Кишечника... Просил прощения... Сказал, что часто перечитывал мою рукопись и плакал...

Тут только до меня дошло, что речь о незабвенном Люд-

кином любителя собственнх какашек!

– Так он что?.. Умер? – вздрогнул я. Хотя, с чего бы: я ведь его даже никогда и не видел. И знал-то постольку-поскольку, исключительно по Людкиным рассказам.

– Нет, но в очень тяжелом состоянии, – простонала Люд-ка, – а все мы, мы... Мы его убили!

– Но, во-первых, он все-таки жив, – я старательно подби-рал слова, тихо недоумевая, зачем бы оно мне вообще было нужно, – а во-вторых, чем это мы могли его убить? Разве он знал о наших отношениях? А если и знал, то вы ведь и без меня давно разбежались...

– Да я не про это, – перебила меня Людка, – а про концов-ку, которую мы придумали! Ну, про то, что Парамонов умер после тяжелой и продолжительной болезни...

Тут уж я пресек Людкины стенания самым решительным образом:

– Стоп! А я-то тут при чем? Ты сама это сочинила.

– Но ты подал мне идею! – Людка не оставляла попыток разделить со мной вину поровну.

Но я был решительно с этим не согласен:

– Да какая идея! Это известный психологический прием и не более того! Тебе просто нужно было избавиться от своих непомерных страданий. А потом, вспомни, это когда было? И месяца не прошло! Да никакая опухоль за такое время не разовьется! В конце концов, взгляни на эту историю по-дру-гому. Подумай о том, что ты убила персонажа, освободив тем

самым живого, реального человека, которому тесно в узких рамках.

Боюсь, однако, мои резоны ее не очень-то убедили.

– И все-таки, Сапрыкин, мне не по себе, – пожаловалась Людка.

– Ну, это понятно, – поддакнул я с пустопорожней многозначительностью.

– И еще мне его так жалко!

Не зная, чем еще ее утешить, я счел за лучшее сочувственно посопеть в трубку.

– А я тебя видела по телевизору, – неожиданно сменила тему Людка, – дурацкая была передача. – И снова шумно вздохнула. – Ладно, пойду, а то он там один в палате.

Засим Людка отключилась, оставив меня с моей бессонницей, которую я мог теперь заполнить новыми размышлениями.

Нет, но каков поворот сюжета! Любитель собственных кашек, это воплощенное зло, если верить первоначальной Людкиной версии, лежит на смертном одре! И главное, опухоль у него не где-нибудь, а в кишечнике! А безутешная Людка тем временем льет слезы и поправляет ему подушки... Тут мне еще и Вэл на память пришел, весь в коме и трубках, из-за какой-то паршивой вишневой плодоножки, между прочим, застрявшей у него в прямой кишке. Гм-гм, а вдруг это знак? Уж не сходить ли и мне на всякий случай к проктологу, когда закончится заваруха вокруг конюш-

ни? Или достаточно будет попросить прощения у всех моих подружек, которых я мог когда-нибудь обидеть, вольно или невольно, хотя бы даже через соцсети?

На этой мысли я и забылся, благодарный Людке за то, что она сама о того не желая, настроила меня на примиряющий с жизнью философский лад. Другое дело, что уже утром от него ничего не осталось. По Славкиной милости, притом, что я его даже не видел. Он еще спал, когда мы с Псиной собрались на утреннюю прогулку, совмещенную с очередным дежурством по стройплощадке. И что меня дернуло, прежде чем выйти на улицу, сунуться в комп – проверить почту! Зачем? На какие судьбоносные известия, спрашивается, я рассчитывал? Уж не от Кирилла ли?

Как бы там ни было, а в своем почтовом ящике я не нашел ничего, кроме обычного спама, напоминания от «Фейсбука» о том, что я давно не заходил на свою страницу, и Славкиного послания под названием «Слава нашла героев». Открыв его, я обнаружил ссылку, благодаря которой наткнулся на странно знакомую мне физиономию какого-то идиота с выпученными глазами и перекошенным ртом. Уж не знаю, сколько времени мне понадобилось, чтобы понять, что это я, но когда я это осознал, меня потрянуло, как при двенадцати-бальном землетрясении. Я? Я! Этот старый урод с морщинами на лбу и глубокими, как две марианские впадины, носогубными складками?

У меня возникло жгучее желание закрыть ссылку и на-

прочь забыть о том, что я увидел. В конце концов, телепередачу со своим участием я тоже не смотрел и кому от этого плохо? Уж точно не мне. И все же я заставил себя глянуть, что там еще. А там было не меньше десятка снимков вчерашней битвы за конюшню, а на них все наши: и Старшая со своей «могучей кучкой», и Странненькая, и Безнадежный, и юнармейцы из «Архпатруля». Ну, и, конечно же, я, в самых разнообразных видах и ракурсах. Рука об руку с другими карбонариями, жующий пирожки с яйцом и луком, на куче мусора рядом со Странненькой, где я был особенно «хорош» в своем жалком псевдогероическом порыве...

Решив, что терять мне уже нечего, прочитал заодно и сопровождавший эту убийственную фотосессию текст следующего содержания: «В Замоскворечье инвесторы положили глаз на бывшую усадьбу купцов Маховых. На ее месте группа компаний «АНТ» хочет построить 25-этажный жилой комплекс с двухуровневой подземной парковкой. 21 апреля предпринята попытка снести историческое здание, но местным жителям удалось его отстоять с помощью активистов «Архпатруля» и районного депутата Лидии Буслаевой. Среди градозащитников замечен также известный писатель Петр Сапрыкин. Он был задержан полицией вместе с другими участниками акции, но вскоре отпущен».

Не обошлось, разумеется, и без комментов. Какие-то маляхольные обменивались ими всю ночь, не оставив без внимания ни одной бородавки на наших «мужественных» ли-

цах. А больше всех досталось, конечно же, мне. В частности, юзер под ником «Левый» живо интересовался, чем таким я известен: «Ребята, просветите хоть, что он написал? В поисковике ничего не нашел». На что некто «Брысь» ехидно отвечал: «А он, как и положено современному российскому классику, известен не произведениями, а скандалами. Вот тебе ссылка, сам все поймешь». И снова «Левый»: «Спасибо за ссылку. Посмотрел на этого красавчика. Лучше б дитЯм своим мороженого купил, чем под бульдозер кидаться, кА-зел!» «Ага, а бабам – цветы!», – поддакнул еще один умник под ником «Пиночет».

Дальше читать я не стал. Выключил комп и задумался. Откуда вообще взялись эти фотографии? Конечно, у юнармейцев из «Архпатруля» была видеокамера, но вряд ли они могли ею воспользоваться, когда нас утюжили охранники со стройки. Да и в «воронках» их затолкали раньше, чем меня. А значит, вчера на месте событий был еще кто-то, кто не принимал непосредственного участия в драке и никак не афишировал своего присутствия. Но был прекрасно осведомлен о моей персоне. Хотя, кто теперь меня не знает? Как говорится, спросите что-нибудь полегче. Вот она, волшебная сила ящика!

Может, только Псина моя и не догадывается, к какой знаменитости она прибилась! Или все-таки знаменитость – к ней?.. Надо будет поразмыслить на эту тему, когда меня одолеет следующая бессонница, чтобы не думать о том, что мне

неприятно или приводит в беспокойство. К примеру, о моем лежащем в издательстве романе, который по всем законам жанра должен уже предстать миру, чего я, на самом деле, не жду, а боюсь до колик в желудке. Эх, знала бы моя Псина, какое ничтожество ее хозяин, не виляла бы так радостно хвостом и не повизгивала, преданно глядя в глаза!

– Ладно, пойдем, – сказал я, о чем тут же пожалел. В ожидании скорой прогулки Псина пришла в такой восторг, что мне с трудом удалось взять ее на поводок. Оставалось надеяться, что с утра на стройке будет затишье, и нам удастся прошвырнуться хотя бы по самому короткому из наших маршрутов. Если же там начнется развлекуха вроде вчерашней, променад придется отменить, а собаку отвести домой, что ей, конечно же, совсем не понравится.

Но, видно, есть на свете какая-то высшая справедливость. В подъезде мы столкнулись с Айгуль, которая в свой законный выходной пришла погулять с Псиной! Хотя она делала так уже не впервые, в этот раз ее доброта оказалась особенно кстати.

– Ой! – весело сказала она, когда мы с Псиной возникли перед ней на лестнице.

– Еще какое ой! – хмыкнул я, а Псина принялась такие кренделя выписывать, что впору за хорошие деньги показывать.

– Ты моя хорошая! – Айгуль присела на корточки, чтобы ее погладить, и моя шустрая скотинка радостно лизнула ее

В нос.

Я разомлел: так бы и смотрел на эту картину всю жизнь, и ни о чем ином не помышлял.

– Вы гулять? – Айгуль перевесила сумку на левое плечо. Она всегда так делала прежде чем взять в руку поводок.

– Типа того. Пошли с нами.

– Пошли, – просто сказала Айгуль.

Что к чему я объяснил ей уже на улице:

– Понимаешь, мы тут дежурство установили. Охраняем конюшню, чтобы ее не снесли. Так что вы идите пока без меня, а я, если все спокойно, вас догоню.

– Хорошо, – все так же просто и без лишних вопросов согласилась Айгуль.

– Веди себя прилично, – с напускной суровостью приказал я Псине и погрозил ей пальцем.

А она в ответ звонко залаяла, что на собачьем языке, видимо, означало «не подведу, не подкачаю».

– Ну, счастливо! – напутствовал я Айгуль и с легким сердцем направился к месту дежурства, уверенный в том, что моя драгоценная животинка в надежных руках.

У ворот с ноги на ногу переминались две товарки Старшой, которые быстро ввели меня в курс дел. По их словам, пока не рассвело, за забором было тихо, а потом началось какое-то движение.

– Проснулись, значит, – рассудил я и заглянул в щель между створок – на всякий случай убедиться, что конюшня все

еще на месте. Ага, вон она желтеется. От сердца сразу отлегло. Но я решил все-таки остаться, раз уж тем более собака под присмотром.

Довольно долго ничего не происходило – это после вчерашнего-то! – и я даже начал скучать. Однако, как и в прошлый раз, ситуация изменилась в одночасье, без каких-либо видимых предпосылок. Сначала на горизонте появился экскаватор, а вслед за ним и самосвал. Посигналили-посигналили и затормозили перед нашим жидким строем. Воспользовавшись заминкой, пенсионерки стали звонить нашим карбонариям, я – юнармейцам из «Архпатруля». Ну, а пока нас было крайне мало, чтобы серьезно задержать технику, мы решили применить уже опробованную накануне тактику.

Я, как сноп под серпом, шмякнулся перед воротами, благо, со вчерашнего там было сухо вытоптано. Подбежавшие со стройки чоповцы, конечно, тут же меня подхватили и отнесли в сторонку, но к тому моменту мое место в воротах уже заняла дежурная пенсионерка из «могучей кучки». Отнесли и ее – на земле, аккуратно расправив под собой пальто, расположилась другая. Видя такое, охранники, конечно, стали передвигать ногами быстрее, и в следующую ходку швырнули меня в ту самую кучу мусора, на которой меня теперь каждый найдет в Интернете, застывшим с геройски перекошенной рожей. Помня об этом, я даже на всякий случай огляделся: не притаился ли поблизости какой-нибудь папарацци с камерой. Хотя, что бы я делал, если б таковой обнаружил-

ся? Может, постарался придать значительности своей старой помятой физиономии? Но вряд ли мне это удалось бы, учитывая, с какой скоростью закручивалась спираль событий.

Судите сами. Теперь я даже отряхнуться не успевал: в зоне ворот меня сразу хватали и волокли на кучу. С остальными тоже не церемонились. Мои бедные «карбонарии» совсем выбились из сил, а подмоги все не было. Ниоткуда. Кажется, еще минута и нас бы окончательно смяли, но тут, наконец, подоспели юнармейцы. Правда, за ними пожаловали и менты, прямо как неразлучники. Как бы там ни было, а моментом мы воспользоваться успели и, взявшись за руки, заняли позицию перед экскаватором. Так мы стояли, наверное, минут десять, отчего я внутренне возликовал. Все это время охранники не предпринимали никаких действий: то ли передышку взяли, то ли надеялись, что за нас менты возьмутся, а те, похоже, ждали команды сверху. Напряжение нарастало.

– Опять вязать будут, – обронил стоящий слева от меня соратник из числа юнармейцев, крепенький такой, которого я окрестил Велосипедом.

– К бабке не ходи, – кивнул соседствующий с ним лысый Чубатый, – нужно депутатшу вызывать, ее в участок не загребут.

– Ей уже звонили, – подхватил Верзила, – обещала приехать. Нам бы только до этого продержаться.

– Легко сказать, – хмыкнул я, внимательно изучая не сулящие нам ничего хорошего лица стоящих напротив чопов-

цев.

Без слов было понятно, что эти будут выдавливать нас до конца. Оставался открытым вопрос, как скоро к ним подключатся полицейские. Такое впечатление, что они специально оттягивали это удовольствие, чтобы мы в достаточной степени «созрели». А скорее всего, рассчитывали брать нас по одному уже после того, как охранники растащат по углам самых вертких и активных. Потому что в противном случае им самим придется разрывать нашу цепь, а в ней примерно половина пенсионеров. Опять же причина веская появится: потасовка, которую можно трактовать как уличные беспорядки. Правда, я был бы не против, если бы они заодно хотя бы одного охранника прихватили, а то до главных зачинщиков у них почему-то руки и не доходят.

В общем, все замкнулось на держимордах из «АНТ», которые тоже почему-то медлили. То ли примерялись, как половчее нас раскидать, то ли устали не меньше нашего. Что касается экскаваторщика и водилы грузовика, то эти сидели в кабинах с постными минами. Наверное, догадывались, что сегодня пирожки им не светят. А светит простой со всеми вытекающими. А все из-за чего? Из-за какой-то старой развалины и кучки идиотов, которым не сидится дома. Видно, делать им нечего, вот с жиру и бесятся, пока простые работяги теряют из-за них свое драгоценное трудовое время. Хотя, вполне себе может быть, ни о чем таком эти двое не думали, и им было совершенно все равно, когда и чем закончится за-

варуха, невольными участниками которой они стали.

Но, чу, в стане противников началось небольшое движение. Рассредоточившись, они выстроились в подобие клина, которое наши древнерусские предки именовали свиньей. В ответ на это, мы сомкнулись плечом к плечу, а я постарался сгруппироваться, потому что стоял в центре, а значит, «кабанья голова» приходилась четко на меня. Минуту-другую ничего не происходило, а потом охранники молча бросились на нас. Меня взяли в клещи первым, при этом как-то сопротивляться я мог только ногами: руками я цепко держался за своих соратников, чтобы не дать наступающим возможность разомкнуть нашу цепь.

Боролись мы отчаянно и, не побоюсь этого слова, зло. При этом, как и накануне, больше других отличилась Странненькая. Когда держиморды стали на нее наседать, она, изловчившись, вцепилась одному из них зубами в запястье. Слышали бы вы, как он заорал! Отпрыгнул в сторону и чуть ли не горячими слезами залился, глядя на багровеющий кровоподтек. Хуже, однако, что менты сочли данный инцидент достаточным основанием для того, чтобы вмешаться в противоборство, тем самым предрешив его исход. Одновременно завелся и стронулся с места экскаватор, готовый рвануть вперед при первой возможности... Короче, еще немного и нам бы уже нечего было защищать, если бы в силу не вступили законы жанра, того самого, в жертву которому я принес всю свою никчемную жизнь...

Эта женщина, я так и не понял, откуда она взялась, может, родилась в моем воспаленном писательском воображении, но как же вовремя! В длинном разлетающемся плаще и сапогах с высокими лаковыми голенищами, к которым ей, кажется, только хлыста и не хватало (и то только потому, что я не удосужился его придумать), она встала перед экскаватором и широко раскинула руки, словно приглашая: ну, иди же ко мне, если ты такой смелый! Рыжий краб дернулся и опустил клешню на землю, продолжая, однако, угрожающе рычать. Мы все, включая ментов и охранников, замерли в ожидании, чем закончится это противостояние железной силы и железной воли.

Тумблеры в моем раскаленном мозгу бешено переключались один за другим... Нет, на землю она не ляжет, не того она полета птица! Тогда, может быть, возьмет булыжник и бросит в кабину? Нет, опять не то! Она же укротительница, укротительница экскаваторов. А что должен сделать настоящий укротитель? Показать, что он сильнее. А сильнее кто? Тот, кто свободен от страха. Только такой человек способен положить голову в пасть тигру, или... Или, как моя укротительница в плаще и лаковых сапогах, прыгнуть прямо в ковш экскаватора!..

Почувствовав прилив вдохновения, я продолжал дописывать сцену набело. Так, теперь слово за массовой. Пришел черед и ей показать, на что она способна. «Ну-ка, Чубатый, – приказал я беззвучно, – стряхни с себя с себя этого рыжего

держиморду, которому нравится висеть на твоём плече». И тот беспрекословно выполнил моё распоряжение. «А ты чего, молчишь? – Не размыкая уст, повелел я взлохмаченной Старшой. – Ну-ка, подай голос!» И она тут же разразилась истошным воплем:

– Люди добрые, да что же это делается? Убивают! За что? Чтобы лишний миллиард загрести?

– Отлично! – мысленно похвалил я своих послушных персонажей и отдал новую команду. – А теперь, раз пошла такая свадьба, всем ковать победу кто как может!

А все словно только того и ждали. «Уф-ффф!..» – Выдохнули дружно и пошли на экскаватор, сметая на своём пути окончательно сдувшихся охранников и ментов.

– А ты чего примерз? Ну-ка, покажи, на что ты способен! – прикрикнул я и на себя, сам же себе козырнул. – Есть! – И ринулся в кучу-малу, в которую буквально на глазах превращался экскаватор. Несколько человек наших удобно расположились рядом с Укротительницей в ковше. Остальные гроздьями облепили кабину, в которой сидел бледный вытарщенный экскаваторщик. Я тоже стал гроздиться на подножку, не переставая при этом руководить «процессом», пребывая одновременно и в гуще жизни, и над ней.

– А вот и вы, как раз вас здесь и не хватало! – поприветствовал я вызванных моей неумной фантазией главного застройщика и деятеля из префектуры. – Давайте подключай-

теть, с вами веселее будет!

И те, полностью подвластные моему творческому замыслу, замельтешили вокруг экскаватора вместе с охранниками и ментами. Да, знайте теперь, какой я! Самому Затейнику могу конкуренцию составить! А может, он – это на самом деле я? С этой мыслью я лягнул ногой пытающегося оторвать меня от экскаватора держиморду, но не удержал равновесия и сорвался. Охранник хотел меня схватить, но я увернулся и, петляя, как заяц, побежал вдоль забора, стараясь не выпускать из поля зрения происходящего на пяточке перед воротами. Пока не услышал собачий лай.

Это была Псина! Она неслась по двору прямо ко мне! А за ней с испуганным лицом бежала Айгуль. Мне ничего не оставалось, как повернуть навстречу им, и уже через пару мгновений мы бы поравнялись... Если б только не грузовик, который до сих пор стоял поодаль, а тут вдруг взял и резко стартанул. Наверное, сидящий в нем водила решил прорваться к воротам, воспользовавшись тем, что все сконцентрировались вокруг экскаватора, а о нем забыли. А дальше все слилось воедино: визг тормозов и пронзительный крик Айгуль. Грузовик встал, как вкопанный, я обогнул его и словно в полусне увидел у переднего колеса Айгуль. Она стояла на коленях возле лежащей на земле Псины и спина у нее дрожала от рыданий... Стоп, сказал я себе, это все неправда, потому что этого не было в сюжете!

Глава XXIII

В участке я был такой пустопорожний, как будто меня накачали ударной дозой транквилизаторов. Инспектор, который оформлял мне мелкое хулиганство, временами посматривал на меня то ли с сомнением, что я на такое в принципе способен, то ли с опаской, как бы я тихой сапой еще чего не выкинул. Если верить тому, что было написано в протоколе, я устроил драку с водителем грузовика, но сам я почему-то этого не помнил. Зато помнил, как уже в автозаке увидел в окне стоящий рядом на светофоре «БМВ», а в нем Анатолия – мужа моей сестры Алки. Сто лет не видел, а тут – на тебе. Вольготно раскинувшийся на переднем пассажирском сиденье Анатолий гладил длинную ногу сидящей за рулем женщины, которую я с моей позиции не мог как следует рассмотреть, но это точно была не Алка. Уже потому хотя бы, что сестрица моя машину не водит, да и в Москву давно не выбирается. Однако не скажу, чтобы сие открытие меня поразило. Во-первых, я знал от матери об Алкиных подозрениях. Во-вторых, где вы видели российского мужика, у которого вместе с деньгами не завелась бы длинноногая, а то и две? А в-третьих, не все ли мне равно. Особенно сейчас.

Когда меня выпустили, было уже темно.

– Всего хорошего, – сказал мне дежурный и добавил, – вас ждут.

– Да-а?.. – заторможено протянул я.

А меня и впрямь ждали: Славка и Айгуль. Славка был примерно такой же, как всегда, а Айгуль я узнал с трудом: от

слез ее скуластое личико совсем опухло и расплылось. Когда мы встретились взглядами, ее зашатало, и я поспешил ее подхватить.

– Я не знаю... Не знаю, как она вырвалась, – расслышал я сквозь рыдания, – я не хотела... Честное слово, не хотела...

Чтобы хоть как-то ее утешить, я осторожно погладил ее по голове. Волосы у нее были мягкие и прохладные.

– Ну что, пойдем? – спросил Славка и мы пошли.

Шли мы медленно. Славка чуть впереди, мы с Айгуль, приотстав на пару шагов. Я все еще ее поддерживал.

– Извини, но мы похоронили Псину без тебя, потому что не знали, когда ты вернешься, – сообщил Славка, не оборачиваясь.

– Где?

– Да там же, во дворе... Под деревом, у забора... Там никто особо не ходит, но если...

– Ничего, я не против.

– Тогда можно помянуть, – Славка остановился и распахнул полу куртки, во внутреннем кармане которой матово отсвечивала бутылка.

– Можно, – кивнул я, – только не здесь.

– Конечно-конечно, – оживился Славка, явно почувствовавший облегчение после того, как самая тяжелая часть разговора осталась позади.

И уже более привычным для него тоном изложил, что происходило вокруг конюшни в мое отсутствие, хотя я его и не

спрашивал. А у ворот, по Славкиным словам, без меня бузили почти до вечера. Народ, конечно, с бульдозера поснимали, а вот укротительницу-депутатшу как лицо неприкосновенное покинуть ковш еще долго уговаривали. В итоге все кончилось тем же, чем и накануне. Не сумевшая прорваться за ограждение техника ретировалась, страсти утихли, люди разошлись. Короче, вопрос остался открытым, но меня это больше не трогало. Я даже отказался подойти к дереву, под которым зарыли Псину, чтобы не столкнуться с кем-либо из своих бывших соратников, возможно стоящих на посту у ворот. Поэтому бутылку мы распили дома на кухне. В основном со Славкой. Айгуль чисто символически отпила глоточек из своей рюмки, которую потом намертво сжимала в руках, глядя на миску Псины возле холодильника. В ней все еще лежал сухой корм.

Потом Славка пошел провожать Айгуль, а я завалился на свой диван и сразу же отключился. Спал я крепко и без сновидений, а проснулся на том же боку, на каком и заснул. Помоему, в последний раз со мной такое было только в детстве. Когда я открыл глаза, солнце уже вовсю било в окно, освещая пыль на столе и в углах. Я еще немного полежал, прислушиваясь к тишине в квартире, при этом меня мучил вопрос, дома ли Славка. Мне не хотелось его видеть, ни его, ни кого-либо другого. Не знаю, о чем бы мы могли говорить в такое утро. Привет-привет, как дела? А обсуждать случившееся накануне у меня не было ни малейшего желания. По

этой же причине я, спохватившись, хотел выключить телефон, но оказалось, что он сам благополучно разрядился.

На кухне все было, как всегда, включая мокнувшие в чашках чайные пакетики. Не было только собачьей миски, и убрать ее мог только Славка. Я с минуту смотрел на то место, где она стояла, прежде чем открыть холодильник. Единственное, что не догадался сделать Славка, – это смести рассыпавшиеся вдоль плинтуса комочки собачьего корма. На завтрак я пожарил себе яичницу и, как ни странно, съел ее с аппетитом. Потом попил чаю и пошел к себе. В прихожей бросил взгляд на вешалку, отметив, что собачий поводок тоже исчез. А остаток дня провел на диване и даже умудрился снова заснуть. Правда, некрепко и прерывисто, а потому сквозь полудрему слышал, как вернулся Славка, как он потихоньку заглянул ко мне и как, убедившись, что я на месте, осторожно попятился, закрыв за собой дверь.

Назавтра Славкино «привет-как дела» я уже перенес и даже буркнул в ответ что-то нечленораздельное. Вполне этим удовлетворившись, Славка шмыгнул к себе в комнату, не навязывая мне свое общество. Я вспомнил миску и поводок и испытал легкий укол совести. В чем другом, а в тонкости и тактичности я своему квартиранту всегда отказывал. Получается, что незаслуженно. А ведь скоро он уедет и, может быть, я его больше никогда не увижу. Так же, как Псину. Так же, как... Я не мог себя заставить подойти к окну, чтобы проверить, на месте ли еще конюшня. Вместо этого я пошел к

Славке.

Он традиционно сидел за компом, но сразу обернулся и внимательно на меня посмотрел.

– Можно я у тебя посижу? – спросил я.

– Конечно, о чем ты спрашиваешь.

Я сел в старое, оставшееся еще от тетки кресло. Мы помолчали. Потом Славка сказал:

– Айгуль себя ужасно винит и думает, что ты ее возненавидел.

– Глупости! – я обвел взглядом комнату, которая давно напрашивалась на ремонт. Как и вся квартира в целом. – Я же ей тогда еще сказал, что она ни в чем не виновата, – а про себя добавил, – если кто и виноват, то это я.

– Ты бы ей позвонил. А то она, говорит, звонила, а у тебя телефон не отвечает. Вот и решила...

– Позвоню, – пообещал я, – просто у меня батарейка разрядилась.

– Я так и думал, – протянул Славка, как мне показалось, с воодушевлением. Похоже, он переживал за Айгуль. Вот вам и еще один штришок к портрету моего приятеля, который скоро меня покинет. Хоть бери и помещай в рамку, чтобы было потом над чем слезами умыться.

– А ты как? Скоро уезжаешь?

– Через неделю. Все документы уже готовы, – сообщил Славка.

– До конца месяца, значит, не доживешь, – вздохнул я. В

последний раз Славка заплатил мне за комнату наперед, – давай я тебе деньги за две недели верну.

– Перестань, – отмахнулся Славка, – тебе же еще нового жильца искать.

Мы опять помолчали. Наконец я поднялся.

– Погода на улице, кстати, отличная. Сходил бы погулял. – Посоветовал мне уже в спину Славка. – Да, не знаю, как тебе и сказать... Короче, конюшню все-таки снесли... Прошлой ночью.

– Понятно, – как ни странно, я почувствовал что-то вроде облегчения. Все, эта история закончилась. Да и с кем мне теперь гулять?

Поставил на зарядку мобильник, и тот сразу же разразился эсэмэсками, извещающими, кто мне звонил за последние два дня. Оказалось, что, пока я был недоступен, меня три раза домогалась Алка и два раза какой-то незнакомый номер. Я решил, что, скорее всего, это был кто-нибудь из моих бывших соратников по борьбе за конюшню, с которыми мне теперь просто не о чем говорить. А вот Алке я перезвонил.

– Ну, наконец-то! – вместо приветствия заявила она своим обычным отчитывающим тоном. – А то я звоню-звоню. Собралась уже ехать тебя разыскивать.

– А чего меня искать? Куда я денусь?

– А почему тогда не отвечаешь? Мать же волнуется!

Как же меня бесила Алкина манера выражать чувства матери, как будто она их приватизировала!

– Слушай, дай тогда ей трубку. Я сам с ней поговорю.

– Подожди, – Алка заговорила тише, – сначала вот что....

Мы смотрели передачу с твоим участием, но мама просила, чтобы я тебе не рассказывала... Думает, что ты расстроился. А теперь сама никак не успокоится, уж сколько я ей не говорила, что все там было от начала до конца подстроено. Вспомнила эту Ольгу, будь она неладна... Опять винит себя... А я говорю, что если бы у тебя тогда действительно все было всерьез, никто бы тебя не переубедил. Разве я не права?

– Ты абсолютно права, – заверил я Алку, ничуть не кривя душой.

– Вот видишь, – радостно подхватила Алка, – а она винит себя. Давление подскочило, пришлось скорую вызывать. С тех пор никак не нормализуется... Я ей все это время говорила, что у тебя все в порядке, что роман у тебя выходит, поэтому тебе некогда. А тут сама испугалась – не могу дозвониться! Думаю, не случилось ли правда чего?

– Да все у меня в порядке, – повторил я Алкины же слова, – как там Анатолий, дети?

– Анатолий все время на работе, мы его почти не видим, – доложила Алка, – а дети должны скоро на каникулы приехать. Веселее будет. Ты бы тоже заехал, у нас хорошо, зелено. Можешь собаку с собой свою взять, если хочешь.

– Ладно, может, как-нибудь, – я сглотнул застрявший в горле глоток.

– А мама только что приняла свои лекарства и прилегла

отдохнуть. Сейчас ее лучше не беспокоить. Я скажу ей потом, что ты звонил.

– Хорошо, пока, – я дал отбой. Похоже, Алка приватизировала не только мамины эмоции. С другой стороны, Алка, по крайней мере, о ней заботится. В отличие от некоторых, не будем называть их имен.

После Алки я хотел было позвонить Айгуль, но побоялся, что она будет плакать. Вместо этого написал ей смс-сообщение «Айгуль, не переживай. Ты ни в чем не виновата», но тоже не отправил. Уж очень топорным оно получилось. Я чувствовал себя виноватым, что сразу два хороших человека – моя собственная мать и Айгуль – чувствуют себя виноватыми передо мной, а я ничего не могу для них сделать. Уж слишком хорошо я знал по собственному опыту, что от чувства вины избавиться невозможно, к нему можно только привыкнуть.

Еще немного послонявшись из угла в угол, через недолгое время я к собственному удивлению обнаружил себя сидящим за компом. Сначала, как водится, промотрел почту, скопившуюся за три дня, включая воскресенье. Там было кое-что интересное. Прежде всего, письмо от Натальи, редактора «Расслабься». Вот уж не ожидал! Я-то думал, что после того, как я швырнул ей в лицо собственную статью, она возненавидит меня на всю оставшуюся жизнь, а не нет. Напротив, она предлагала мне вести в журнале постоянную авторскую колонку. Вот так поворот! Да, в пору называть Захарова вол-

шебников!

Еще два письма – от старых подружек, посвященные моей внезапной знаменитости, я прочитал с тихой нежностью. Оставшиеся собирался безжалостной рукой отправить в спам, но одно из них с заголовком «Получите свои авторские экземпляры» отсек от общего потока.

Писала некая Нина Дежина, редактор отдела современной прозы издательства «Дор»:

«Уважаемый Петр Николаевич! Ваш роман «На вдохе» вышел в нашем издательстве тиражом 3000 экземпляров. Вы можете бесплатно получить 10 авторских экземпляров книги в редакции».

Чуть ниже были адрес и телефон.

Вот оно, свершилось. Я раз десять перечитал это скупое сообщение, а затем набрал в поисковике: «Петр Сапрыкин, роман «На вдохе», где купить в Москве».

Глава XXIV

Сначала Славка недоумевал, зачем бы мне понадобилось скупать собственные книжки. Но поскольку в связи с отъездом он уволился с работы и теперь маялся от безделья, а кроме того, всегда обожал всякие, как он выражался, хохмочки, долго уговаривать его не пришлось. И к десяти утра, прямо к открытию, мы на пару с ним и с двумя большими сумками завалились в ближайший книжный магазин из тех, что я наметил.

Скользнув нетерпеливым взглядом по полкам, я остано-

вил проходящую мимо продавщицу вопросом:

– А роман Сапрыкина у вас есть?

Та, ненадолго замешкавшись, припомнила:

– Да, сегодня как раз поступил.

– А сколько у вас экземпляров? – Уточнил я.

– Сейчас посмотрим.

Мы вместе подошли к полке, снабженной трафаретом «Новые поступления», и я сразу увидел свою книжку. Так совпало, что она стояла рядом с последним романом молодого Мерзавца.

– Так, – продавщица провела пальцем по корешкам, – у нас пять книг. Вы что, все хотите купить?

– Все, – кивнул я.

– Пожалуйста, – продавщица сложила книжки стопкой, – оплата на кассе.

Уже через пять минут мы со Славкой стояли на улице у дверей магазина, и рассматривали свои приобретения.

– А че, неплохо издано, – с видом знатока цокнул языком Славка, – бумага мелованная, обложка вообще классная. Лаконичная, ничего лишнего, со вкусом.

Тут я был вынужден с ним согласиться, оформление мне и самому понравилось. Поперек красно-черной блестящей обложки косо, золотыми буквами было выведено «На вдохе». Чуть выше и помельче, опять же золотом, – «Петр Сапрыкин».

Но тот же Славка все испортил, когда препротивно за-

ржал:

– Ой, а чего это ты так глаза выпучил?

Как я забыл про эту идиотскую фотографию! Еще ведь отказывался сниматься, потому что всегда плохо получаюсь, так нет же Кирилл настоял, сказал, что читатели хотят знать автора в лицо.

– Ну ладно, хватит прохлаждаться, – я выхватил у Славки книжку, бросил ее в сумку, и мы двинулись дальше.

К полудню мы обошли еще с полдесятка магазинов, набив обе сумки примерно наполовину, потому что нигде не было более пяти книжек, а кое-где даже три или две.

Наконец, Славка не выдержал:

– Может, все-таки скажешь, что ты с ними будешь делать?

– В бочке солить, – огрызнулся я, отдуваясь.

После чего Славка взбунтовался, заявив, что не обязан таскать такие тяжести, и мы взяли такси. Дело сразу пошло быстрее, и скоро мы были вынуждены подъехали к нашему дому, чтобы разгрузиться.

Славка, было, рыпнулся с одной из сумок к подъезду, но я его остановил:

– Не стоит.

– То есть? – уставился на меня Славка.

– Пошли за мной, – скомандовал я и поволок свою ношу в тот конец двора, что упирался в забор будущей стройки.

Заинтригованный Славка послушно потащился за мной, чтобы с нарастающим удивлением созерцать, как я вывали-

ваю в траву содержимое своей сумки.

– А ты что стоишь? – скомандовал я. – Сыпь сверху!

– Да черт с тобой! – Славка тряхнул головой, как конь гривой, и опорожнил свою сумку.

Образовалась приличная горка, которую я несколько раз в задумчивости обошел. Потом то там, то сям просунул между книжками предусмотрительно прихваченные газеты и поднес зажигалку.

Славка так и отпрянул:

– Ты что, совсем ошалел?

– А что тебе не нравится? – меланхолично отозвался я. – Разве я не имею права? Творец, уничтожающий свое творение, – довольно распространенное явление.

Славка в ответ только задумчиво поскреб затылок:

– Это ж надо, как у людей от славы крышу сносит!

И добавил деловитым тоном:

– Ни фига у тебя гореть не будет. Бумага-то мелованная! Тут бензинчику плеснуть!

– А если так? – я приволок валяющиеся в углу двора еще с осени сухие ветки и обложил ими книжки.

– Посмотрим, – как бы равнодушно пожал плечами Славка, но в глазах у него уже резвились столь знакомые мне веселые бесенята.

А уже скоро, разгоряченный и азартный, как заядлый кочегар, он всю орудовал подобранной поблизости толстой палкой в неохотно занимавшемся костре. Наблюдать за ним

было одно удовольствие, почти как за гоняющей котов Псиной, которая покоилась теперь под деревом всего-то в полусотне метров от нашей ритуальной поляны.

Как и предсказывал Славка, книжки мои горели из рук вон плохо. Даже на это они не годились! Когда же бессмысленная забава Славке окончательно надоела, он отбросил в сторону палку и мечтательно протянул:

– Эх, пивка бы сейчас!

Эта идея мне и самому приглянулась, а потому, оставив Славку сторожить нашу дымящуюся добычу, я направился к дорожке, ведущей со двора напрямиком к ближайшему супермаркету. Но успел уйти совсем недалеко, когда меня окликнул высокий женский голос:

– Петька!.. Петька!..

Я медленно обернулся, почти уверенный, что тревога моя ложная и зовут на самом деле какого-нибудь малыша, играющего на детской площадке. Но детей поблизости не было. Среди чахлах городских деревьев, захваченных в томный плен внезапной московской весной, стояла полноватая женщина средних лет в темно-серых брюках и пестром жакете-размахайке, какие любит моя сестрица Алка. Женщина эта была мне совершенно незнакома, и, тем не менее, подошла ко мне вплотную и сказала нараспев:

– Ну, здравствуй, Петя. Ну, здравствуй, мой хороший.

– Здравствуй-те, – ответил я по инерции.

– Ты меня не узнаешь, – она немного расстроилась. – Ко-

нечно, столько лет прошло. Это я – Ольга.

– Ольга? – я пригляделся к ней повнимательней, и, кажется, отыскал на ее «поплывшем» лице те неповторимые приметы, что неподвержены ревизии временем. – А что ты здесь делаешь?

– Да вот, захотела тебя увидеть.

Откуда взялось такое желание, можно было не гадать. За это нужно сказать отдельное спасибо Захарову и его передаче. Другой вопрос, кто снабдил Ольгу моим адресом? Если те же телевизионщики, то могли бы для приличия поинтересоваться, как я смотрю на встречи с призраками из глубины веков. А то мало ли, вдруг у меня сердце слабое!

– А ты постарел, бедненький, – покачала головой Ольга.

Я чуть не брякнул «ты тоже», но сдержался. Чего мне это стоило, не передать словами: как-никак она наступила на самую большую из моих мозолей!

А у Ольги как будто пластинку заело.

– Постарел, постарел... – всплеснула она руками, при этом на глазах у нее выступили слезы. – И что, ты действительно так сильно меня любил? Бедный, бедный...

Я растерялся, не зная, что ей сказать, а Ольга нежно погладила рукав моей рубашки.

– Бедный, бедный, бедный... – Ольга жалела меня так истово и бестолково, как умеют это делать только русские бабы, независимо от их возраста и социального положения. – Честное слово, я такой любви не стоила!..

– Ну, почему же?.. – промямлил было я, но в этот момент взгляд ее пал на костер, в котором не столько горели, сколько чадили мои книжки. Громко взвизгнув, она подбежала и выхватила одну из них, успевшую разве что подкоптиться. Подула на нее, перекладывая с ладони на ладонь, как это делают с печеной на костре картошкой, и прижала к груди.

– Кто это сделал?

Я пожал плечами, а Славка спрятал за спину руки и уставился на меня: мол, чего молчишь? А что бы я сказал Ольге? Что я жгу свой роман, потому что в нем мало художественных достоинств и много вранья? Это после того, как она уверилась в том, что я ее когда-то любил? Поэтому я стоял, проглотив язык, и делал вид, что щурюсь от дыма.

– Но с этим надо что-то делать! – Решительно заявила Ольга и, обернувшись к Славке, не терпящим возражений тоном распорядилась. – Ну что вы стоите? Принесите воды!

Славка пожал плечами, хмыкнул, и пошел к подъезду.

– Да не расстраивайтесь вы так! Рукописи не горят! – Крикнул он уже с полдороги.

Между тем Ольга открыла спасенную книжку где-то посередине и, старательно выговаривая слова, прочитала:

– ...Сколько раз потом я надеялся встретить ее случайно на какой-нибудь из московских улиц, но Та не пожелала удостоить меня даже мимолетным своим явлением, хотя временами мне казалось, что она совсем рядом, и я с выскакивающим сердцем торопился завернуть за угол, прежде чем она

скроется за следующим... Видимо, она просто не хотела отпустить мне мою вину...

На этом декламация, к моему удовольствию, закончилась. Ольга выронила книжку и зарыдала в голос, опять же, как это умеют делать только русские бабы, независимо от возраста и социального положения. А я, как полный идиот, начал ее неловко утешать, поглаживая по плечам и глупо приговаривая:

– Да ладно тебе... Не стоит оно того... Ей-богу, не стоит...

Наконец она перестала реветь, отняла руки от лица и резко вскинула голову:

– Нет-нет, я должна была тебе это сказать. На самом деле, никакой твоей вины нет и не было. Это ты, ты должен меня простить! Потому что я тогда все выдумала: и про любовь, и про беременность. В действительности я изо всех сил хотела уцепиться за Москву, короче, прописка мне нужна была, как и всем в те времена, тем более что все мои подружки вышли за москвичей... Молчи-молчи, слушай дальше... Ты показался мне вполне подходящей для этого кандидатурой, но, к счастью, вмешались твои родные, и все в последний момент расстроилось... Да-да, не возражай, именно к счастью, поверь мне. Потому что, осуществись тогда мой план, неизвестно, как сложились бы наши судьбы... Возможно, мы стали бы двумя несчастными, ничего не стоящими неудачниками. А так – ты сегодня известный писатель, за твоими рукописями издатели будут в очередь выстраиваться. Да-да,

не сомневайся! И я... Я тоже в накладе не осталась, всего своим трудом добивалась, все преодолевала, не сидела на го-товеньком...

Она остановилась, чтобы перевести дух, а я пожалел, что ее не слышат моя мать и Алка. Это бы их утешило.

– Поэтому, Петя, мой дорогой, не мучай себя больше, – продолжила Ольга, – не стоит. Я и так чувствую себя такой виноватой перед тобой!

Ну, вот, еще одна виноватая на мою голову!

А Ольга вдруг встрепенулась от внезапного прозрения:

– Послушай, а это не ты поджег книги?

Мне ничего не оставалось, как напустить на себя отрешенную задумчивость и впериться взглядом в туманную даль...

– Больше не делай так! Твоя книга очень, очень хорошая! – в меру строго, как первоклашку, пожурила меня Ольга. – Ты писатель, а, значит, у тебя противоречивая натура, но не стоит этим увлекаться. К тому же ты теперь выплеснул все накопившееся и обязательно почувствуешь облегчение, вот увидишь! Все у тебя будет хорошо, поверь мне! Обязательно будет хорошо! Просто замечательно! Веришь?

– Верю!

– Вот и молодец!

Я так и не понял, к кому относилась последняя фраза: ко мне или к Славке, который образовался с ведром воды и спросил:

– Так заливать или нет?

– Конечно, заливать, – распорядилась Ольга, и Славка беспрекословно подчинился.

Когда то, что так и не стало настоящим костром, перестало чадить, Ольга засобиралась:

– Ну, все, мне пора. Меня ждут.

Я пошел ее проводить, потому что в противном случае выглядел бы последней свиньей. Провожать, к счастью, пришлось недалеко – до припаркованной во дворе белой иномарки. Напоследок Ольга все с той же убежденностью повторила мне свою священную мантру:

– Ты, главное, помни: все у тебя будет хорошо.

Я кивнул в знак согласия, и только когда Ольгин автомобиль пропал из виду, сообразил, что даже не спросил номер ее телефона. Не уверен, что он так уж мне нужен, но все-таки...

В общем, я бы, наверное, еще какое-то время оставался в прострации, если б не мой зазвонивший мобильник, в конце которого неожиданно высветилось имя Кирилла. Надо же, столько пропадал, а тут вдруг взял и объявился!

– Ну, здравствуйте, здравствуйте, мой дорогой! – бодро застрекотал он. – Уж извините, был в отъезде по издательским делам, зато по возвращению звоню вам первому. Спешу вас поздравить, ваша книжка чрезвычайно хорошо расходуется. Если так пойдет и дальше, уже осенью нам придется ее переиздавать. Вы написали очень хороший роман!

– Да я уже в курсе! – фыркнул я.

– Что, интересовались в магазинах? Или слышали мнения читателей?

– Да нет, – усмехнулся я, – я слышал мнения героев. Вернее, героини. Главной.

Вслед за этим в трубке возник вакуум. Я уж, было, решил, что связь прервалась, однако, Кирилл закукарекал с прежней бодростью:

– Ах... Значит, Ольга Романовна была у вас?.. Значит, вы все знаете? Ну да, она же спрашивала у меня ваш адрес... Хотя, собственно говоря, что это особенно меняет? Роман-то ваш действительно хорош, а от небольшой переделки стал еще лучше. Нет, вы не думайте, я мог бы напечатать его и в первоизданном виде, но, поверьте, шлифовка пошла ему только на пользу. Это я вам как профессионал говорю. Эх, да что я? Вы и сами все прекрасно понимаете, иначе бы просто исключили этот пункт из договора и ничего не переписывали! Ведь правда же?

Я не сразу придумал, что ему ответить, но он, похоже, не очень-то в этом и нуждался.

– Да-да, я и Ольге Романовне сказал то же самое. Хотя, признаюсь, поначалу отнесся к этой затее довольно скептически. Поэтому решающее слово было за Ольгой Романовной. А как же иначе? Она ведь владелица холдинга, в который входит наше издательство, отсюда, кстати, и название «Дор» – Дорофеева Ольга Романовна. В общем, так вышло, что ваш роман попался ей на глаза. Совершенно случайно,

поверьте. Просто он лежал сверху в стопке рукописей, которые мы приготовили... м-м-м... ну, не важно, зачем... Важно, что именно Ольга Романовна настояла на том, чтобы его напечатать, и, как видите, не ошиблась.

Только тут до меня начало доходить самое главное...

– А мой гонорар – тоже из кармана... Ольги Романовны?

– По большому счету, да. – с детской непосредственностью подтвердил тот, кого я суеверно считал дьяволом, явившимся купить мою душу. – Не буду скрывать, таких больших денег сейчас не платят даже маститым авторам, не то что новичкам. Но, повторяю, роман вы написали действительно достойный и...

Я дал отбой. Слушать дальше было уже неинтересно. Ведь пазлы уже сложились. Ясно, что всем на меня свалившимся я обязан не дьяволу, а Ольге. Что роман свой я мог и не переделывать. А если продолжать в том же духе, то и не писать. Но теперь уже ничего не исправить. Даже если я скуплю и сожгу весь тираж, издательство напечатает новый. А если я не буду этого делать, то все еще, может, и обойдется.

...Славку я застал там же, где и оставил. Нависнув над потухшим костром, он меланхолично листал носком ботинка лежащую сверху опаленную по краям книжку.

Потом поднял ее и скосил на меня хитрый глаз:

– Автограф-то дашь?

– Еще чего выдумал!

– Ну, правда, что тебе жалко? Возьму твой роман в Корею,

и, может быть даже, когда-нибудь прочту.

Я поморщился:

– Не трать время!

Но Славка уже протянул мне книжку и ручку, которую достал из кармана ветровки:

– Пиши, писатель... Думаешь, я не понимаю твои творческие муки? У меня у самого такое было. Ну, не с романами, слава богу, а с научными статьями. Пыжишься-пыжишься, а в результате – не то чтобы пшик, но, короче, ты ожидал большего... Так вот, знаешь, что в этой ситуации главное? Просто взять и довести работу до конца.

– Ладно, Спиноза, только отстань! – я наскоро нацарапал на внутренней стороне обложки «Славке от Петьки. На добрую память. Зря уезжаешь, предатель».

Славка прочитал мое посвящение, криво ухмыльнулся и кивнул на грудку книг под ногами:

– А с ними-то что будем делать? Они, конечно, не сгорели, зато вымокли.

– Понятия не имею, – честно признался я.

И тут я увидел Айгуль. Впервые с того дня. Она шла через наш двор с большой сумкой, понуро опустив голову и не замечая нас. Не сговариваясь, мы со Славкой одновременно подскочили к ней с двух сторон. Но, что касается сумки, Славка меня опередил – выхватил первым.

Она сначала растерялась, а потом обрадовалась:

– Ой, это вы!

– А ты куда? – Поинтересовались мы.

– Не знаю, – пожала она плечами, – нас только что высе-
лили. Всех.

Что ж, этого и следовало ожидать.

– А у вас тут что, костер? – Айгуль с удивлением посмотре-
ла на обгоревшие книжки.

– Ага, – подхватил я с воодушевлением, – хотели картош-
ки напечь, но оказалось, что у нас ее нет.

– Тоже мне беда! – возразила Айгуль. – У меня полсумки
картошки. Захватила – не бросать же.

– Ну, тогда мы спасены! – Я подмигнул Славке левым гла-
зом.